

АНРИ ПИРЕНН

**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ
ГОРОДА
И ВОЗРОЖДЕНИЕ
ТОРГОВЛИ**

Перевод с английского
и предисловие
С. И. Архангельского

ИЗДАНИЕ ГОРЬКОВСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
г. ГОРЬКИЙ — 1941 г.

АНРИ ПИРЕНН

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ
Г О Р О Д А
И ВОЗРОЖДЕНИЕ
ТОРГОВЛИ

Перевод с английского
и предисловие
С. И. Архангельского

ИЗДАНИЕ ГОРЬКОВСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
г. ГОРЬКИЙ — 1941 г.

ПИРЕНН.

1862—1935

I.

Уроженец бельгийского города Вербье, сын фаориканта, Пиренн жил в Генте, который является центром хлопчатобумажной и льняной промышленности Бельгии. Деловой мир промышленной буржуазии, из которого вышел Пиренн, оказал громадное влияние на формирование его исторических интересов и понятий. Факты экономического прошлого, которые он научился наблюдать у своего учителя, основоположника исторической школы, Шмоллера, не были для него только фактами. Он искал в них закономерностей, предопределяющих развитие исторического процесса. Он умел сравнивать и сопоставлять их для того, чтобы делать выводы.

Экономические факты он считал сравнительно более простыми и удобными для статистической обработки. Последняя позволяет эти факты высвобождать из-под случайных влияний и индивидуальных особенностей. Будучи сгруппированы, эти факты ведут историка к познанию экономической действительности прошлого.

Экономические факты представляются Пиренну одинаковыми у различных народов; они облегчают понимание исторического процесса в его главном и существенном очертании. Историк-экономист всего более способен понять течение всеобщей истории.

Однако, прежде чем подняться на эти высоты обобщающей мысли, прежде чем окинуть взглядом поток событий и наметить его главное русло, историк должен долго и внимательно изучать конкретное отдельное явление. Знакомство с французскими и немецкими работами по истории средневековых городов позволяет Пиренну выступить со статьями, посвященными вопросу происхождения городских порядков и учреждений.

В этих статьях, напечатанных в *Revue historique* за 1893 и 1895 гг., намечалась программа основных изысканий Пиренна по истории городов.

С 1899 года Пиренн стал изучать города Фландрии, о чем свидетельствуют его специальные работы: Фламандская ганза в Лондоне (*Hanse Flamande de Londres*, 1899); Графы ганзы Сен Омера (*Les comtes de la Hanse de Saint Omer*, 1899), Обычай купеческой гильдии Сен Омера (*Les coutumes de la gilde Macrhande de Saint Omer*, 1901), Фламандские города до XII века (*Les villes Flamandes avant le XII siècle*, 1905). С 1906 года предпринято было им издание сборника документов, относящихся к истории суконной промышленности во Фландрии, состоявшего из 4 томов. Эти специальные штудии дали возможность Пиренну составить „Историю Бельгии“ (*Histoire de Belgique*) сначала в трех томах, охватывающую период от Римской империи до начала XIV века, до битвы при Куртре (1320), когда фламандские ткачи разбили французских рыцарей, приведенных Филиппом IV Красивым. Пиренн потом продолжал работу над составлением истории Бельгии и довел ее до кануна мировой войны, о чем говорит VII том, вышедший в свет в 1932 году. Изучая историю Бельгии, Пиренн наблюдал жизнь страны без естественных границ, говорившей на двух языках, поделенной в этнографическом отношении между римской и германской „расой“; это был, по выражению Пиренна, микрокосм Западной Европы. Что же характеризовало эту странную область, этот стык между Францией и Германией?

„Единство социальной жизни“, был ответ Пиренна. „Наша национальная культура—род синкретизма“. „В нашей религии, в учреждениях, в искусстве и науке встречаются у нас те же общие явления, что и у наших соседей“.

Таким образом Пиренн сквозь различную этнографическую оболочку исторических явлений рассмотрел их общую сущность, одну и ту же социальную ткань; за ней крылись экономические факты, изучение которых так привлекало к себе Пиренна; они дали ему возможность построить оригинальную схему развития Западной Европы в эпоху средневековья.

II.

С 1917 года начинается в научной работе Пиренна новый этап. За обобщающей работой „Древние демократии Нидерландов“ (*Les anciennes democraties des Pays bas*) последовала небольшая, тоже обобщающая работа, представлявшая возражение на теорию Зомбарта о происхождении капитализма, под названием: „Периоды социальной истории капитализма“ (*Les*

periodes de l'histoire sociale du capitalisme). Оценка арабских завоеваний, данная в двух статьях журнала *Revue Belge de philologie et d'histoire* за 1922 и 1923 год, под заголовком „Магомет и Карл Великий“ (*Mahomet et Charlemagne*) и „Экономический контраст: Меровинги и Каролинги“ (*Un contraste economique: Merovingiens et Carolingiens*) была использована Пиренном вместе со всей суммой прежде накопленных знаний по истории средних веков, в самой широкой по обобщающему замыслу работе Пиренна, которая представляет собой курс лекций, читанных в различных американских университетах в 1922 году. Она вышла в свет по-английски под заглавием „Средневековые города, их происхождение и возрождение торговли“ (*Mediaeval cities, Their origins and revival of trade*). По-французски этот синтез был оформлен в работе „Города средневековья“ (*Les villes du moyen âge*). Незадолго перед смертью, в 1933 году, Пиренн дал в III томе издания „История средних веков“ (*L'histoire du moyen âge*), редактируемого Глотцем, статью „Западная цивилизация в средние века“ и в VII томе издания „Народы и цивилизации“ (*Les peuples et civilisations*) статью „Новые экономические тенденции XV века“.

В Кембриджской средневековой истории Пиренном были написаны две статьи „Северные города и их торговля“ (*Northern towns and their commerce*) и Нидерланды (*The low countries*).

Это все были итоги его многолетних изысканий в области средневековой истории, расширявшиеся от фактов прошлого Фландрии на факты прошлого Франции и Германии; в последние десятилетия, после пребывания в германском плену, где Пиренн изучил русский язык, на факты из истории России, Византии и Скандинавии, а также и южных средиземно-морских стран. (См. стр. 33—37).

III.

Вопрос о зарождении и развитии средневековых городов, которым Пиренн занимался так долго и столь упорно, был тесно связан, во-первых, с его оригинальным представлением о границе, отделяющей античность от средних веков, и, во-вторых, с его пониманием капитализма и ступеней его развития. И в специальных статьях и в обобщающей работе о городах Пиренн высказывает оригинальную точку зрения на эпоху Меровингов и роль арабских завоеваний. Для него эпоха Меровингов (V—VII века) есть органическое продолжение античности. В V веке Западная Европа никакой катастрофы не переживала. „Если без предвзятой идеи читать документы, в общем довольно многочисленные, какие остались от

меровингских времен, то убеждаешься, что экономическая жизнь этой эпохи остается с теми же особенностями, которые были присущи последнему периоду Римской империи“.

Монетная система, выдающаяся торговая роль на Средиземном море Марселя, оживленное мореплавание к берегам Сирии, Африки, Испании, к Константинополю, многочисленные колонии евреев и сирийцев в городах франкского государства—все это остается таким же, каким было при последних западных императорах. Водораздел Пиренн видит не там, где его обычно указывают другие историки—лишь арабское нашествие потрясло европейскую экономику, унаследованную от античности, разорвало давно привычные связи и ввергнуло Западную Европу в состояние натурального хозяйства. Эпоха Каролингов с ее крупными самодовлеющими поместьями духовных и светских магнатов проходит под знаком глубокого экономического упадка. „Средиземное море было римским озером; оно становится мусульманским. Византийский мореплаватель не осмеливается плыть далеко; он не заходит дальше берегов южной Италии. В Тиренском море нет больше сирийских кораблей. От обмена, еще столь активного в VI веке между Западом и Востоком, не остается никакого следа в VIII веке“.

В силу этого Пиренн начинает историю городов лишь с середины XI века и связывает этот факт их появления с возрождением торговли. Кругозор Пиренна очень широкий. Он сосредоточивает свое внимание не только на Средиземьи; его интересует северная торговля, в которой исключительную по значению роль в VIII—X веке играли норманны. В связи с этим он говорит о древне-русских городах и, в частности, о приднепровских.

„Южная Россия была поощряема продавать свои продукты на два больших рынка (арабский и византийский), которые притягивали ее к себе“—в то время как Западная Европа, оторванная арабами от Востока, погрузилась в натуральное хозяйство.

Торговля всегда стояла в центре внимания Пиренна. Она, как это ни странно—сказать, сливалась с другим явлением, которым также интересовался Пиренн,—с капитализмом. Он полемизирует с К. Бюхером и Зомбартом по вопросу об экономике средних веков, так как эти историки не находили капитализма там, где его видел Пиренн. „Существенные черты капитализма: индивидуализм предприятия, кредит, коммерческая выгода, спекуляция встречаются очень рано в городских республиках Италии, в Венеции, Генуе, Флоренции“.

Пиренн считал, что уже с XII века там можно встретить купцов капиталистического типа, в роде венецианца Романо

Майрано, вложившего в свои предприятия сотни тысяч франков. К. Бюхер преодолел бы ограниченность своей теории, думает Пиренн, если бы он раздвинул рамки своих наблюдений и принял бы во внимание историю не одних немецких, но и итальянских и нидерландских городов. Признавая существование капитализма в средние века, начиная с XI века, Пиренн под ним понимает отнюдь не способ производства, не своеобразное отношение производителя к средствам и орудиям производства, а крупные размеры торговли. Само развитие капитализма представляется Пиренну не в виде прямолинейного движения, а в виде ряда подъемов, прерываемых кризисами. Фазы экономической свободы сменяются фазами регламентации. Класс капиталистов, по Пиренну, всегда состоял из людей прогресса и новаторства, смелости и предприимчивости. Капитализм, как система эксплуатации, и капиталист, как ее носитель, отсутствуют в работах Пиренна, который таким образом становится апологетом капитализма. Этому вопросу Пиренн уделяет внимание в небольшой книжке, которая называется „Периоды социальной истории капитализма“ (*Les périodes de l'histoire sociale du capitalisme*).

Его теория резко отличается от теории Макса Вебера и от теории Зомбарта. Он хочет исследовать не экономическую природу капитализма, а историю капиталистов, как людей особого склада.

Предмет исследования, говорит Пиренн, не капитализм, а капиталист. Он хочет охарактеризовать, в различные эпохи истории, природу капиталиста и отыскать ее происхождение. В различные эпохи истории бывает свой отдельный класс капиталистов. Между капиталистами разных эпох нет преемства. Они сходят со сцены борьбы, чтобы образовать аристократию. Пиренн возражает против теории Бюхера, отрицающей черты капитализма в средневековом городе, так как эта теория составлена на узком материале: не принято во внимание экономическое развитие Нидерландов и северной Италии.

Капитализм представляется Пиренну более древним, чем думали другие. В новое время он стал гораздо более агрессивным, чем в средние века, но разница тут количественная, а не качественная.

IV.

Изложив содержание основных исторических работ Пиренна и руководящие идеи, которыми связан богатый фактический материал этих работ, перейдем к их критике. В чем основная ошибка умозаключений Пиренна? Пиренн приравнивает в сущности капитализм к крупной торговле; он не

считает, что капитализм приносит особый способ производства. Отсюда эта расплывчатость в определении природы капитализма; сведение капитализма к надисторической категории; утверждение, что капитализм существовал во все эпохи истории человечества. Отождествление капитализма и крупной торговли звучит также фальшиво, как и противоположное утверждение Зомбарта, что капиталы создаются лишь через земельную ренту. Теория Пиренна ведет в конечном счете к отрицанию прогресса в человеческом обществе, к признанию циклов развития, повторяющихся одни и те же фазы и имеющих лишь количественные, а не качественные различия между собой. Принятая Пиренном теория развития капитализма или, точнее, теория образования класса капиталистов является средством защиты капитализма и обезоружения тех, кто борется с этой системой хозяйства. Капиталист трактуется как человек отважный и предприимчивый, представитель избранной части общества, его постоянное место в обществе — результат действия непреложного закона общественного развития. Опираясь на историю, Пиренн как бы пытается создать непроницаемую для критики броню капиталистической системы хозяйства.

Другая основная теория Пиренна относится к проблеме периодизации истории. Переломным моментом, вопреки общепринятым взглядам, Пиренн считает не IV—V век, когда рушится античное рабовладельческое общество под ударами революции рабов, колонов и других обездоленных групп рабовладельческого общества, а VIII—IX век, каролингскую монархию, когда прекращается торговля с Востоком под влиянием арабских завоеваний. В основе этого взгляда на античный и средневековый период истории лежит та же мысль о предопределяющей роли торговли. Раз торговля на Средиземном море поддерживалась, то античные города продолжали жить и все оставалось по-старому. Увлекаясь этой идеей, Пиренн не хочет считаться ни с социальной революцией рабов, ни с германскими вторжениями, ни с разложением Западной Римской империи, ни с образованием на ее территории варварских королевств, ни, наконец, с громадным разрушением германцами тех производительных сил, которыми располагало античное общество. Пиренн также игнорирует упадок античной культуры, как показатель конца прежней исторической эпохи. Периодизация Пиренна смазывает революцию рабов, отделяющую античное общество от феодального, отмену рабовладельческой эксплуатации трудящихся и начало истоков новой общественной жизни, роль свободного крестьянства и его земельных общин при переходе от античности к средневековью.

Вполне понятно, что Пиренну принадлежит видное место в буржуазной историографии, разрабатывавшей вопрос о зарождении и истории европейских городов. В то время как в Германии эта историография занималась, главным образом, историей городских учреждений, рассматривала город, как юридическое новообразование, которое насаждалось или на вотчину, как утверждали одни, или на общину, как доказывали другие, или которое вырастало из рыночных правовых институтов, как утверждали третьи, во французской историографии проблема истории города была поставлена иначе.

В первой половине XIX века на разработку истории городов Франции наложил свою печать талантливый и увлекающийся своими излюбленными идеями Ог. Тьерри. В самом начале истории Франции он увидел завоевание, пришлые германцы завоевали прежнее галло-римское население. Отсюда пошел антагонизм; племенные различия остались, но потомки двух племенных групп образовали два сословия, и антагонизм стал классовой борьбой. Феодалы произошли от дружинников Меровингов; потомки галло-римского населения образовали низший класс. Цель Ог. Тьерри была в том, чтобы дать драматическую историю низших классов Франции. „Мы—дети людей третьего сословия; третье сословие вышло из коммун; коммуны были прибежищем сервов; сервы были люди, побежденные во время завоевания“. Из этих основных предпосылок вытекало у Ог. Тьерри его понимание истории города, население которого составляло часть третьего сословия. Допуская возможность преемственной связи между римскими и средневековыми городами, Ог. Тьерри утверждал, что городское развитие началось с борьбы коммун за освобождение, ее вели потомки галло-римского населения против своих поработителей германцев, образовавших правящую феодальную прослойку. Концепция Ог. Тьерри долго господствовала во французской исторической литературе; только в 90 годы XIX века пришли ей на смену новые взгляды. Прежде всего Люшер, автор работы „Французские коммуны в эпоху первых Капетингов“, обратил внимание на те связи, которые соединяли членов коммун и которые, закрепляясь клятвой, оформлялись в особой грамоте. От того времени, когда эти связи возникли, ни один документ не сохранился, но это не умаляет их значения в глазах Люшера, так как благодаря этим связям стала возможна борьба городов за свою самостоятельность. Внимание Люшера было приковано к истории коммун северной Франции, грамоты которых он делит на 7 разрядов по характеру их содержания. Люшер, сохраняя интерес к борьбе коммун

за освобождение, по-новому, иначе, чем Ог. Тьерри, трактует эту тему; не принадлежность к галло-римскому населению, а нарастание ассоциативных связей в городах толкает горожан на борьбу с духовными и светскими сеньорами. Люшер свои наблюдения над городскими коммунами переносит на деревенские коммуны, отмечая одновременные выступления тех и других.

Во втором томе своей обширной работы „Происхождение древней Франции“ Флаш также уделил большое внимание истории французских городов. Отметив, где города возникали (около замков, около монастырей, через трансформацию деревни, через основание поселения на новом месте), Флаш говорит о разобщенности отдельных элементов города: их интересы были различны (*divergents*); точки соприкосновения редки; в них скорее нарастало разделение, чем цементирование. И вместе с тем он же подчеркивает, как в дальнейшем у отдельных групп налаживается корпоративная связь и у патрициата и у плебса. Ее корни многообразны: соседство, приходская связь, общность опасности, римская традиция и германские обычаи—все это могло питать корпоративную связь и порождать гильдию, братство, взаимопомощь. Каждая городская ассоциация может стать центром притяжения для других. Иногда в городе образуется два центра: один объединяет низы общества, другой—патрициат. Средневековая история знает много случаев, когда корпоративные связи перерастали в коммунальные, закреплялись в грамоте, которую получал город от сеньора. Естественная эволюция сеньориального строя, политические события XI—XII века, этнические особенности—все это оказывало сильное влияние на переход от корпоративной связи к коммунальной.

Теория Флаша была в общем сложнее теории Люшера, она подмечала различие между корпоративными и коммунальными связями в городах; периоду нарастания этих связей она противопоставляет другой, более ранний период распада связей. Но ни Люшер, ни Флаш не ставили вопроса об экономических причинах зарождения городов, хотя они и не питали того исключительного интереса к истории городских учреждений, как это было заметно в немецкой историографии конца XIX и начала XX века.

Таков был момент в историографии средневекового города, когда Пиренн опубликовал свою первую работу о городах в *Revue historique* за 1893 и 1895 гг. под заглавием „Происхождение городских учреждений“. Он вносил нечто новое своим интересом к экономическим причинам происхождения городов. Города возникали там, где для этого были подходящие условия для торговли, где садилось новое насе-

ление, торговое рядом с земельным. Эти поселения получают и особое право, городское, завязь которого надо искать в купеческих гильдиях. *Jus mercatorum* отвечало своеобразному купеческому быту и отличалось от права вотчины с ее более простым сельскохозяйственным укладом жизни. *Jus mercatorum* с обособленной группы людей, т. е. купцов, распространяется в городе на всю территорию. Это значит, что в городе должны отмереть старые баналитеты, чинши, личная несвобода. Таким образом Пиренн пошел несколько по другому пути, чем Люшер и Флаш в объяснении зарождения городов. Эта его теория, с одной стороны, была подкреплена локальными изысканиями; с другой стороны, она получила более детальную разработку в отношении фландрских городов, наконец, она была поставлена в связь с теорией экономического развития Западной Европы, в котором рубежом, разделяющим античность и средневековье, Пиренн позднее считал не IV—V век, а VIII—IX, так как только арабы, по его мнению, порвали старые торговые связи Западной Европы с Востоком. С теорией городского развития у Пиренна несомненно генетически связана и другая его теория фаз капиталистического развития, зарождение и умирание в каждой из них своего класса капиталистов. -

Работа Пиренна по истории средневековых городов представляет большой вклад в историческую науку. Он один из первых историков подошел к освещению экономической причины образования и развития городов, обладая для этого и хорошим знанием источников. Он связал их историю с историей торговли и ремесла. Чем больше он работал, тем больше расширял круг своих наблюдений над этим вопросом; от городов северной Франции и Фландрии он перешел к городам Италии, Скандинавии и Приднепровья.

Правовые перемены, происшедшие в жизни средневекового города, Пиренн всегда рассматривал не сами по себе, а в связи с общим комплексом городской жизни. Он проследил возникновение и развитие купеческого класса в Западной Европе, история которого так тесно переплеталась с историей городов. Конечно, Пиренн не ставит в связь возникновение городов и их рост с успехами производительных сил: под которыми надо понимать отделение города от деревни, обособление производства от формы сношений, разделение видов производства между отдельными городами, как это делают основоположники марксизма (Немецкая идеология, 40—45; издание 1933 года), но он дает богатый материал для наполнения указанных общих категорий конкретным содержанием.

Равным образом для истории ранней борьбы зародившейся

буржуазии с феодальным классом, для выяснения противоречивости интересов внутри городского населения, т. е. для истории производственных отношений внутри города, читатель найдет у Пиренна много ярких иллюстраций. Нельзя, игнорируя работы Пиренна по истории средневекового города, вести исследование дальше в этой области, но нельзя разумеется принять всех его выводов: они требуют к себе критического отношения. Из буржуазных историков, освещавших вопрос о зарождении городов, Пиренн стоял ближе всех к концепции исторического материализма, он рассматривал город, как экономическое явление, преувеличивая роль торговли и недооценивая производственную роль города, вопреки собственным наблюдениям над ранним зарождением шерстяной промышленности во Фландрии.

В вопросах теории исторического познания Пиренн остался позитивистом, считал исторические явления закономерными и был склонен делать на основании учета конкретных фактов, любовь к которым в нем воспитала историческая школа, обобщающие выводы. Риккертство и неокантианство Пиренна не задели. Он удержался на более передовых позициях исторической мысли, чем многие его современники, и не сбился с пути познания исторической действительности, проторенного позитивистами. Материалистическая диалектика, как теория познания, ему также была совершенно чужда.

С. Архангельский.

Глава I.

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ.

Римская империя в конце III века имела одну выдающуюся характерную черту: она была в сущности средиземноморским государством. Почти вся ее территория лежала кругом этого большого внутреннего озера; громадные границы вдоль Рейна, Дуная, Евфрата и Сахары могут быть рассматриваемы как выдвинутый вперед округ внешней защиты, прикрывающий доступы к берегам.

Средиземное море было без сомнения оплотом политического и экономического единства империи. Ее существование зависело от господства на море. Без этой большой торговой дороги, ни правительство, ни защита, ни управление римским миром (*orbis Romanus*) было невозможно.

По мере того, как росла империя, ее старый в сущности морской характер, что довольно интересно, не только сохранился, но даже выявился более отчетливо. Когда первая континентальная столица, Рим, была оставлена, ее место было занято городом, который не только служил столицей, но и был в то же самое время удивительным портом; это был Константинополь.

Культурное развитие империи, в этом можно быть уверенным, ясно прошло свой кульминационный пункт; население уменьшалось, дух предприимчивости шел на убыль, варварские орды начинали грозить границам, возрастающие расходы правительства, борьба за существование делали неизбежной такую смену фиска, которая все больше и больше делала людей рабами государства. Тем не менее этот общий упадок не отражался заметным образом на мореплавании по Средиземному морю. Оно продолжало быть активным, хорошо поддерживалось, в явном контрасте с растущей апатией, которая характеризовала континентальные провинции. Торговля продолжала держать Восток и Запад в тесном общении друг с другом. Здесь не было перерыва во

внутренних торговых отношениях между этими различными странами, базирующимися на одном и том же море. Индустриальные изделия и сельскохозяйственные продукты были предметами обширной торговли; это были ткани из Константинополя, Одессы, Антиохии и Александрии; вина, масла и специи из Сирии; папирус из Египта; пшеница из Египта, Африки и Испании; вина из Галлии и Италии. В этих странах монетная система базировалась на золотом солиде (solidus), который служил к тому, чтобы поощрять торговые операции, обеспечивая удобства быстрого монетного обращения и являясь повсеместно орудием обмена и мерилom ценности.

Из двух основных частей империи, восточной и западной, первая далеко превосходила вторую, как в смысле культуры, так и в смысле более высокого уровня экономического развития. В начале IV столетия не было других действительно больших городов, как города Востока. Центр вывозной торговли был в Сирии и Малой Азии; здесь особенно концентрировалась текстильная промышленность, для которой весь римский мир был рынком, для которой сирийские корабли были средствами транспорта.

Торговое преобладание сирийцев — один из очень интересных фактов в истории поздней империи.¹ Это несомненно сильно содействовало той прогрессирующей ориентализации общества, которая должна была повести в конце концов к торжеству византизма. Эта ориентализация, для которой море было передаточным средством, ясное доказательство растущего значения, которое выпало на долю Средиземного моря, когда пришедшая в зрелый возраст империя стала слабеть, открывая на севере путь варварам под их давлением и концентрируясь все больше и больше около берегов этого внутреннего моря.

Упорство германских племен в стремлении, начиная с периода вторжений, приблизиться к тем же самым берегам и засесть на них заслуживает специального внимания. Когда в III веке границы империи дали им путь под их напором, они устремились в живом потоке на юг. Квады и маркоманы вторглись в Италию; готы шли на Босфор; франки, свевы и вандалы, перейдя Рейн, решительно продвигались по направлению к Аквитании и Испании. Они не думали только о колонизации тех провинций, к которым они направлялись. Их мечтой было осесть самым в этих счастливых областях, где мягкость климата и плодородие почвы равнялись очарованию и богатству культуры.

Сначала эта попытка не производила ничего, кроме разрушения. Рим был достаточно силен, чтобы вторгшихся прогнать назад за Рейн и Дунай. Полтора столетия он успешно

сдерживал напор, но ценой истощения своих армий и финансов. Более или менее неравны становились силы. Нападения варваров непрерывно возрастали в той мере, как увеличивающаяся их численность делала приобретение новых территорий все более необходимым, а уменьшающаяся численность населения империи делала успешное сопротивление все менее возможным. Невзирая на чрезвычайное искусство и решимость, с помощью которой империя думала миновать несчастья, несчастный исход был неизбежен.

В начале V века все было потеряно. Весь Запад подвергся нападению. Римские провинции были преобразованы в германские королевства. Вандалы поместились в Африке, вестготы в Аквитании и Испании, бургунды в долине Роны, остготы в Италии. Эта номенклатура знаменательна. Она включает только средиземноморские области, и без особых усилий можно доказать, что объектом стремлений завоевателей, свободных селиться, где им угодно, было море, которое давно римляне называли несколько аффектированно „наше море“ (*mare nostrum*). К морю, как бы по уговору, они направляли свой путь, горя нетерпением поселиться по его берегам и насладиться его красотой.

Если франки не достигли Средиземного моря при первой попытке, то это случилось потому, что, придя слишком поздно, они нашли его берега уже занятыми. Но они очень упорствовали в стремлении там утвердиться. Очень ранним честолюбивым стремлением Хлодвига было завоевать Прованс, и только вмешательство Теодориха удержало его от расширения границ франкского королевства до берегов южного моря. Но эта первая неудача не должна была обескуражить его преемников. Четверть столетия позднее, в 536 году, франки использовали нападение Юстиниана на остготов и вырвали из рук своих сильно прижатых соперников уступку той территории, которой они домогались. Интересно наблюдать, как постоянно с этих пор Меровингская династия стремилась создать в свою очередь средиземноморское государство.

Хильдеберт и Хлотарь, например, предприняли экспедицию за Пиренеи в 542 году, которая вышла неудачной. Но особенно Италия возбуждала жадность франкских королей. Они заключили союз сначала с Византией, потом с лангобардами, в надежде утвердиться по ту сторону Альп. Неоднократно терпя неудачи, они упорно делали новые попытки. В 539 году, Теодоберт перешел Альпы; области, которые он захватил, были вновь отвоеваны Нарсесом в 553 году. Делались многочисленные усилия в 584—585 году и от 588 до 590 года снова получить эти владения. ■

Появление германских племен на берегах Средиземного

моря отнюдь не было моментом, обозначающим наступление новой эры в истории Европы. Как бы ни были велики последствия, какие с собой оно принесло, это не был ни подрыв основ, ни нарушение традиций. Целью завоевателей не было разрушить римскую империю, но осесть в ней и ею пользоваться. Что они сохранили, далеко превосходило то, что они разрушили, и что они принесли, это было ново. Действительно, королевства, которые они основали на почве империи, положили конец поздней, так далеко раскинувшейся империи в Западной Европе. С политической точки зрения римский мир (*orbis Romanus*), теперь строго ограниченный на Востоке, утратил тот всемирный характер, который делал его границы совпадающими с границами христианства. Империя была далека от того, чтобы восстановить утраченные провинции. Цивилизация империи переживала ее авторитет. Через церковь, язык, превосходство своих институтов и законов, империя господствовала над завоевателями. Среди смут, отсутствия безопасности, обеднения и анархии, которые сопровождали вторжения, сказывался естественно некоторый упадок, но в этом упадке сохранялся отменно римский облик. Германские племена были неспособны, да и не хотели обойтись без Рима. Они варваризировали жизнь, но не германизировали ее сознательно.

Нет лучшего доказательства этого положения, чем сохранение в последние дни империи от V до VIII столетия—ее морского характера, отмеченного выше. Важность Средиземного моря не стала меньше после периода вторжений. Море осталось для германских племен тем, чем оно было прежде для их соперников—центром Европы, *mare nostrum*. Море имело такое большое значение в политическом строе, что смещение последнего римского императора на Западе (476) не было достаточно, чтобы повернуть историческую эволюцию с направления, определенного временем. Она продолжала, наоборот, развиваться на той же самой арене и под теми же самыми влияниями. Нет ни одного указания, которое обозначало бы конец цивилизации, созданной империей от Гибралтарского пролива до Эгейского моря, от берегов Египта и Африки до берегов Галлии, Италии, Испании. Во время варварских вторжений новый мир сохранял, в своих существенных чертах, физиономию старого. Если внимательно следить за ходом событий от Ромула Августа до Карла Великого, то необходимо постоянно иметь в виду Средиземное море.²

Все великие события политической истории развивались на его берегах. От 493 года до 526 Италия, управляемая Теодорихом, сохраняла гегемонию над всеми германскими королевствами, гегемонию, через которую сила римской традиции

продолжалась и обеспечивалась. После Теодориха эта сила обнаружилась более ясно. Юстиниан понемногу восстановил имперское единство (527—565). Африка, Испания, Италия были вновь завоеваны. Средиземное море обратилось снова в римское озеро. Но Византия, действительно ослабленная громадными усилиями, которые она обнаружила, не могла ни заключить, ни сохранить в неприкосновенности того удивительного дела, которое она совершила. Лангобарды захватили у нее северную Италию (568); вестготы освободились от ее ига. Тем не менее она не оставляла своих честолюбивых стремлений. Она удержала на долгое время Африку, Сицилию, южную Италию. Она не потеряла своего господства на западе—благодаря морю, господство над которым ее флот так обеспечивал, что судьба Европы в этот момент более, чем когда-либо, решалась на волнах Средиземного моря.

То, что верно для политического положения, сохраняет свое значение и для истории культуры. Едва ли можно оспаривать, что Бозций (480—525) и Кассиодор (477—562) были итальянцами, как были ими св. Бенедикт (480—534) и Григорий Великий (590—604) и что Исидор Севильский (570—636) был испанец. Италия сохраняла последние школы, в то же самое время она поддерживала распространение монашества на север от Альп. В Италии то, что оставалось от античной культуры, процветало рядом с тем, что было создано в лоне церкви. Все имущество и сила, которыми обладала церковь, сосредоточивались в области Средиземного моря. Здесь церковь представляла зрелище организованной силы и выявляла дух громадной инициативы. Интересный пример этого представляет факт занесения христианства к англосаксам (596) с далеких берегов Италии, а не с соседних берегов Галлии. Миссия св. Августина бросает косвенный свет на историческое влияние, сохраняемое Средиземным морем. И это покажется нам более знаменательным, когда мы признаем, что евангелизация Ирландии обязана миссионерам, посланным из Марселя и что апостолы Бельгии Аманд (689—693) и Ремад (около 668) были аквитанцы.

Краткий обзор экономического развития Европы даст последний штрих сущности той теории, которая была здесь уже выше отмечена. Это развитие—чистое, прямое продолжение экономики Римской империи. В ней заложены все позднейшие главные черты и, кроме всего этого, тот средиземноморский характер, который здесь стоит вне сомнения. Можно быть уверенным, общее падение общественной активности было очевидно в этой области, как и во всех других. В последние дни империи здесь был ясно выраженный упадок, который катастрофа вторжений естественно усилила. Но было бы

определенной ошибкой вообразить, что приход германских племен имел своим результатом замену городской жизни и торговой деятельности чисто аграрным бытом и общим застоем в торговле.³

Предполагаемая нелюбовь варваров к городам есть допускаемая басня, которой не соответствует реальность. Если на отдельных границах империи, некоторые города были преданы огню, разрушены и разграблены, то не менее верно и другое, что громадное большинство пережило эпоху вторжений. Статистический обзор городов, существующих в настоящее время во Франции, в Италии, даже на берегах Рейна и Дуная дал доказательство, что по большей части эти города стояли теперь на тех же самых местах, где стояли римские города, и что их имена часто являются переделкой римских названий.

Церковь, без сомнения, приняла деление на округа по административным округам империи. Как общее правило, каждый диоцез соответствовал городскому округу (*civitas*). Так как церковная организация не потерпела никаких перемен в эпоху германских вторжений, то результат был тот, что в новых королевствах, основанных завоевателями, она сохранила эти характерные черты в неприкосновенности. Действительно от начала VI столетия слово городской округ (*civitas*) получило специальный смысл епископского города, центра диоцеза. Церковь, переживая империю, на которую она базировалась, содействовала очень сильно сохранению римских городов.

Но не надо упускать из виду, с другой стороны, что эти города сами по себе долго сохраняли крупное значение. Их муниципальные институты не вдруг исчезли после прихода германских племен. Не только в Италии, но также и в Испании, и даже в Галлии, они сохранили своих декурионов (*decuriones*), корпорацию магистратов, облеченных судебной и административной властью, подробности которой не ясны, но существование и римское происхождение которой есть факт истории⁴. Они продолжали иметь должность городского опекуна (*defensor civitatis*), и практика составления настоящих законов находила себе место в делах муниципиев (*gesta municipalia*).

Хорошо установлено, что эти города были центрами экономической деятельности, которая была пережитком предшествующей культуры. Каждый город был рынком для прилегающей округи, зимней резиденцией для крупных земельных собственников округи и, если благоприятно был расположен, центром торговли тем более высоко развитой, чем ближе были берега Средиземного моря. Изучение Григория Тур-

ского дает доказательства в пользу того, что в Галлии тогда существовал класс кушцов-профессионалов, живущих в городах. Он указывает, в некоторых чрезвычайно характерных пунктах, города Верден, Париж, Орлеан, Клермон-Ферран, Марсель, Ним, Бордо, и информация, которую он добавляет касательно их, всего более замечательна тем, что она внесена в его рассказ только случайно.⁵ Конечно, надо позаботиться о том, чтобы не преувеличивать ценность этих сведений. Равным образом, было бы большой ошибкой их недооценить. Конечно, экономический строй Меровингской Галлии базировался скорее на сельском хозяйстве, чем на каких-либо других формах хозяйственной деятельности. Последние, конечно, были более распространены в эпоху Римской империи.

Но это не исключает того факта, что внутренняя торговля, ввоз и вывоз товаров и товарооборот, имела значительное распространение. Она была важным фактором в деле сохранения общества. Косвенное доказательство этого дано институтом рыночных пошлин (*telonea*). Так назывались пошлины, собираемые римской администрацией с дорог, гаваней, с мостов и в других местах. Франкские короли сохранили их в силе и получали с них такие значительные доходы, что сборщики этого вида пошлин *telonearii* фигурировали среди самых полезных чиновников.

Продолжающаяся торговая деятельность после исчезновения империи и равным образом сохранившаяся жизнь городов, которые были центрами торговли, и купцы, которые были ее носителями, все это находит себе объяснение в продолжение средиземноморской торговли. Во всем самое характерное было то же самое, от V до VIII столетия, как оно было тотчас после Константина. Если, что вероятно, упадок шел быстрее после германских вторжений, то остается не менее верно и то, что тогдашний порядок представлял картину непрерывного торгового обмена между византийским востоком и западом, где господствовали варвары. Посредством флота, который плавал от берегов Испании и Галлии до берегов Сирии и М. Азии, бассейн Средиземного моря не переставал в эпоху политического разделения, имевшего тогда место, являть экономическое единство, которое выкристаллизовалось столетиями под имперским господством. Таким образом экономическая организация мира жила после политического преобразования последнего.

При недостатке других доказательств монетная система франкских королей убедительно доказывает эту истину. Эта система, как это слишком хорошо известно, чтобы делать здесь необходимыми утомительные рассуждения, была чисто римской или, точнее говоря, римско-византийской.

Это видно из чекана монеты; тогда чеканились: солид (solidus), триен (triens), динарий (dinarius). Это видно даже из употребляемого металла: золото употреблялось для чекана солидов и триенов. Это видно из веса, который имела звонкая монета. Это видно, наконец, из изображений, которые были вычеканены на монетах. В этой связи нет ничего более достойного замечания, как то, что эта чеканка сохранилась на долгое время при Меровингских королях, а также обычай давать на монетах бюст императора, а на обратной стороне викторию Августа (Victoria Augusti); эта имитация была доведена до крайности, когда византийцы заменили крестом символ этой виктории, а франки стали делать то же самое. Такой крайний сервилизм мог быть объяснен только продолжением влияния империи. Очевидной причиной была необходимость сохранения между местной и имперской ходячей монетой единообразия, которое было бы бесцельно, если бы не существовали очень тесные связи между меровингской торговлей и общей торговлей Средиземного моря. Другими словами, эта торговля продолжала быть тесно связанной с торговлей Византийской империи. Много можно привести доказательств таких связей, тут будет достаточно напомнить немного, наиболее любопытное.⁶

Следует запомнить, прежде всего, что в начале VIII века Марсель был все еще крупным портом Галлии. Термины, употребляемые Григорием Турским, в многочисленных рассказах, в которых он случайно говорит об этом городе, показывают, что экономический центр был замечательно оживленным⁷. Бойкое мореплавание связывало его с Константинополем, Сирией, Африкой, Египтом, Испанией и Италией. Продукты востока—папирус, специи, дорогие ткани, вино, масло—были основой правильной ввозной торговли. Иностранные купцы, евреи и сирийцы по большей части, имели здесь свои квартиры, и их национальность является сама по себе доказательством тесных связей, поддерживаемых марсельцами с Византией. Наконец, чрезвычайное обилие монет, которые были отчеканены в продолжение Меровингской эры, дает вещественное доказательство активности тогдашней торговли.⁸ Население города должно было состоять, кроме купцов, из большого числа ремесленников.⁹ Видно, во всех отношениях сохранялся, под управлением франкских королей, ясно выраженный муниципальный характер римских городов.

Экономическое развитие Марселя естественно ощущалось и за пределами порта. Под его давлением вся торговля Галлии ориентировалась в направлении Средиземного моря. Большинство важных рыночных таможен франкского королевства было расположено по соседству от городов Фоса, Арля, Тулона, Сорге, Валенса; Вьена и Авиньона.¹⁰ В этом лежит

ясное доказательство, что торговля, базировавшаяся на город, была излучаема во внутрь страны. По течению Роны и Соны, так же как и по римским дорогам, торговля направлялась на север страны. До сих пор сохранились хартии, в силу которых Корбейское аббатство (департамент Па де Кале) получило от королей изъятие от пошлины в Фосе на большое число товаров, среди которых может быть отмечено удивительное разнообразие пряностей восточного происхождения, а также папирус.¹¹ При таком положении дел нет ничего удивительного в утверждении, что коммерческая деятельность портов Руана и Нанта, на берегах Атлантического океана, Квентовика и Дюрстеда, на берегах Северного моря, была поддерживаема разветвлениями экспортной торговли, идущей от Марселя.

Но на юге страны это действие было особенно заметно. Все самые крупные города Меровингской Галлии находились еще, как и в дни Римской империи, на юг от Луары. Детали, которые Григорий Турский добавляет относительно Клермона и Орлеана, показывают, что они имели внутри своих стен настоящие колонии евреев и сирийцев, и если так обстояло дело с такими городами, в отношении которых нет оснований верить, что они пользовались привилегированным положением, то это должно быть так с очень многими важными центрами, как Бордо или Лион. Установленный факт, что Лион еще в Каролингскую эпоху имел очень большое еврейское население.¹²

Приведенных данных совершенно достаточно, чтобы сделать заключение, что Меровингская эпоха, благодаря сохранению мореплавания по Средиземному морю и посредничеству Марселя, знает то, что мы можем действительно назвать крупной торговлей. Было бы ошибочно утверждать, что дела восточных купцов Галлии ограничивались только продажей предметов роскоши. Конечно, продажа драгоценностей, эмали и шелковых тканей давала приличную прибыль, но она недостаточна, чтобы объяснить их число и их чрезвычайное рассеяние по всей стране. Торговля Марселя, вдобавок ко всему этому, питалась товарами общего потребления, как вино и масло, пряности и папирус. Эти товары, как уже было подчеркнуто, регулярно вывозились на север.

Восточные купцы франкского королевства были, возможно, заняты оптовой торговлей. Их корабли, выгруженные на набережной Марселя, конечно, везли назад, оставляя берега Прованса, не только пассажиров, но и груз. Источники нашей информации не дают много относительно характера этих грузов. Среди возможных предположений, одно из самых вероятных состоит в том, что по большей части груз состоял

в человеческом товаре, т. е. в рабах. Торговля рабами не прекращалась во франкском королевстве до конца IX века. Войны, которые велись против варваров Саксонии и Тюрингии и славянских стран, обеспечивали источник пополнения, который, кажется, был довольно обилен. Григорий Турский говорит о саксонских рабах, принадлежавших купцу из Орлеана¹³, и есть положительное основание утверждать, что этот Само, который отправлялся в первой половине VII века с дружиной товарищей в страну вендов, королем которых он случайно оказался, был не чем иным, как авантюристом, торгующим рабами.¹⁴ И, конечно, очевидно, что торговля рабами, которой евреи еще так прилежно занимались в IX веке, должна была иметь свое происхождение в раннюю эпоху.

Если даже главная торговля в Меровингской Галлии находилась в руках восточных купцов, их влияние все же не надо преувеличивать. Бок о бок с ними упоминаются туземные купцы. Григорий Турский не упускает случая пополнить информацию относительно их, которая, очевидно, была бы более обширна, если бы она не была внесена в его рассказ только случайно. Он сообщает, что король согласился дать займы купцам Вердена, личные дела которых шли так удачно, что они в состоянии ему уплатить занятое.¹⁵ Он упоминает существование в Париже купеческого дома *domus negotiantium*, т. е., очевидно, чего-то в роде рынка или базара.¹⁶ Он говорит об одном купце, получившем выгоды от большого голода 585 года и ставшего богачом.¹⁷ И во всех этих рассказах он имеет дело, без всякого сомнения, с профессионалами, а не со случайными продавцами и покупателями.

Картина, которую представляет торговля Меровингской Галлии, повторяется естественно в других германских королевствах, расположенных на берегах Средиземного моря, — среди остготов Италии, среди вандалов Африки, среди вестготов Испании. Эдикт Теодориха содержал много условий, относившихся к купцам. Карфаген продолжал быть важным портом, стоящим в тесных отношениях с Испанией, и его корабли, очевидно, достигали таких отдаленных берегов, как берега Бордо. Правда вестготов упоминает купцов из-за моря¹⁸.

Все это говорит за определенное продолжение торгового развития в Римской империи после варварских вторжений. Они не положили конца экономическому единству античности. Благодаря Средиземному морю и сношениям, которые поддерживались тогда между Западом и Востоком, это единство, наоборот, было сохранено с замечательной отчетливостью. Большое внутреннее европейское море не принадлежало

больше, как прежде, одному государству. Но ничто не дает оснований утверждать, что оно перестало иметь свое бывшее значение. Вопреки тем переменам, которые имели место, новый мир не утратил средиземноморского характера старого мира. На берегах моря еще сосредоточивалась большая часть его жизнедеятельности. Нет указаний на конец того общества и той культуры, которые были созданы Римской империей от Гибралтарского пролива до Эгейского моря. В начале VIII века не было никого, кто бы так безнадежно смотрел на будущее, что оно не дает никаких оснований верить в продолжение старой традиции.

Однако то, что тогда было естественно и разумно проповедывать, не осуществилось. Мировой порядок, переживший германские вторжения, не был способен пережить вторжение ислама.

Оно проходит на страницах истории с элементарной силой космической катастрофы. При жизни Магомета (571—632) никто не мог вообразить последствий или подготовиться к ним. Между тем движение распространилось не более, чем в 50 лет, от Китайского моря до Атлантического океана. Ничто не было в состоянии противостоять ему. При первом толчке оно низвергло Персидскую империю (637—644). Оно направилось от Византийской империи в быстрой последовательности на Сирию (634—636), Египет (640—642), Африку (698). Оно приблизилось к Испании (711). Успех арабов, не знавших сдержки, не мог быть замедлен вплоть до начала VIII столетия, когда стены Константинополя, с одной стороны (713), и войны Карла Мартелла, с другой стороны (732), — остановили это великое, все развивающееся наступление против двух флангов христианского мира.

Но если сила арабского завоевания была исчерпана, то оно изменило облик мира. Неожиданный напор арабов разрушил античную Европу. Он положил конец средиземноморскому обществу, в котором сосредоточивалась вся сила античной Европы.

Близкое всем, почти семейное море, которое объединяло сразу все части этого целого, стало барьером между ними. На всех его берегах, столетиями, социальная жизнь в ее основных характерных чертах была та же самая; религия — также; обычаи и идеи одинаковые или почти такие же. Вторжение северных варваров не внесло существенных изменений в это положение. Но теперь совершенно неожиданно, страны, где культура зародилась, отошли на второй план. Культ пророка заменил культ Христа, мусульманский закон — римский, арабский язык — язык греков и римлян. Средиземное море было Римским озером; оно теперь превратилось, по большей

части, в мусульманское озеро. С тех пор оно отделяло, вместо того чтобы связывать, восток и запад Европы. Нити, которые еще связывали Византийскую империю с германскими королевствами, порвались.

Глава II.

ДЕВЯТОЕ СТОЛЕТИЕ.

Потрясающее действие, которое имело на Европу вторжение ислама, может быть, не было достаточно оценено. Благодаря ему возникло новое беспримерное положение, не схожее с тем, что было прежде. Через финикиян, греков и, наконец, римлян, западная Европа всегда получала культурную печать востока. Она жила, как это было до сих пор, благодаря Средиземному морю; теперь впервые она была вынуждена жить своими собственными средствами. Центр тяжести, бывший на берегах Средиземного моря, был перенесен на север. Как результат, Франкская империя, которая была так далеко, что играла только скромную роль в истории Европы, сделалась вершительницей судеб Европы.

Здесь, очевидно, больше, чем только совпадение двух одновременных событий, — закрытие Средиземного моря мусульманами и выступление на историческую сценку Каролингов. Здесь налицо определенное отношение причины и следствия между двумя этими явлениями. Франкская империя была предназначена стать основанием средневековой Европы. Но миссия, которую она выполнила, имела, как свое предварительное существенное условие, ниспровержение традиционного мирового порядка. Каролинги никогда не были бы призваны играть свою роль, которую они сыграли, если бы историческая эволюция не сошла в сторону от своего курса и не была бы сбита мусульманским вторжением. Без ислама франкская империя никогда бы, вероятно, не существовала и Карл Великий без Магомета не был бы мыслим.¹

Это становится понятным в силу многочисленных контрастов, существующих между Мерovingской эпохой, в продолжение которой Средиземное море сохраняло свое историческое значение, и Каролингской эпохой, когда это влияние перестало ощущаться. Контраст был виден во всем: в религиозном чувстве, в политических и социальных институтах, в литературе, в языке и даже в рукописях. С какой бы стороны ни вести изучение, культура IX века обнаруживает резкое отличие от культуры античности. Нет ничего более ложного, чем видеть здесь простое продолжение предшествующих столетий. Государственный переворот Пипина Малого

был больше, чем замена одной династии другой династией. Он обозначал новую ориентацию исторического курса. На первый взгляд тут можно поверить, что Карл Великий, приняв титул римского императора и Августа, желал восстановить античную традицию. На самом же деле, севши на престол вопреки восточному императору, он нарушил эту традицию. Его империя была римской только постольку, поскольку католическая церковь была римской. Силы, которыми он располагал для своей службы, были силы севера. Его главные сотрудники, в религиозных и культурных делах не были более, как это можно было предвидеть, итальянцы, аквитанцы или испанцы; это были англосаксы — Бонифаций и Алкуин — или это были швабы, как Эйнгард. В делах государства, которое было теперь отрезано от Средиземного моря, южане играли только редко какую-либо роль. Германское влияние начало господствовать как раз с того момента, когда франкская империя, вынужденная отступить назад от Средиземного моря, распространилась на север и отодвинула свои границы далеко к Эльбе и к Богемским горам.²

В области экономики контраст, который проходил между Каролингскими периодом и Меровингской эпохой, особенно поразителен.³ При Меровингах Галлия была еще морской страной, торговля благодаря этому еще процветала там. Каролингская империя, наоборот, была в сущности континентальной страной. Не было более здесь никакого общения с внешним миром; она была замкнутым государством, государством без внешних рынков, живущим в условиях самой полной изоляции.

Вероятно, переход от одной эпохи к другой не был резок. Торговля Марсея не вдруг прекратилась, но с середины VII века постепенно замирала по мере того, как арабы наступали на Средиземное море. Сирия, завоеванная ими в 633—638 году, не поддерживала больше ее благосостояние своим транспортом, своими товарами. Вскоре после этого, Египет в свою очередь перешел под власть арабов (638—640), и папирус не поступал больше в Галлию. Характерное последствие этого было в том, что, после 677 года королевская канцелярия перестала пользоваться папирусом.⁴

Ввоз пряностей продолжался еще некоторое время, ибо монахи Корбейского монастыря в 716 году считали полезным ратифицировать свои привилегии в таможенных Фоса.⁵ Полстолетие спустя в Марсельском порту царствовала пустыня. Его кормилица-мать — море было закрыто от него, и экономическая жизнь континентальной страны, которая питалась через его посредство, была окончательно погашена. В IX веке Прованс, бывший самой богатой страной Галлии, стал самой бедной.⁶

Более и более мусульмане укрепляли свое господство на море. В течение IX века они захватили Балеарские острова, Корсику, Сардинию, Сицилию. На берегах Африки они основали новые порты: Тунис (698—703), позднее Медию, на юг от этого города; затем Каир в 973 году. Палермо, где находился большой арсенал, стал их главной базой в Тирренском море. Их флот плавал по этому морю, как полный хозяин; коммерческий флот перевозил продукты запада в Каир, оттуда они отправлялись в Багдад или случалось, что пиратские корабли опустошали берег Прованса и Италии, поджигали города, после того как они ограбили их и пленили их жителей, чтобы продать в рабство. В 889 году банда таких грабителей захватила Фраксинетум (теперешний Фрежу в департаменте Вар), неподалеку от Ниццы, и почти столетие держала окрестное население под страхом постоянных нападений и угрожала дорогам, которые вели через Альпы от Франции к Италии.⁷

Усилия Карла Великого и его преемников защитить берега от сарацинских набегов были бессильны, как и все попытки противодействовать вторжениям норманов на севере и западе.

Благодаря своей удали и искусному мореходству датчане и норвежцы легко грабили берега Каролингской монархии в продолжение всего XI века. Они совершали свои набеги не только от Северного моря, Ла-Манша и Гасконского залива, но и по временам со стороны Средиземного моря. По каждой реке, которая впадала в эти моря в то или другое время, они поднимались на своих искусно построенных судах, великолепные образцы которых, добытые на свет божий недавними раскопками, теперь сохраняются в Христиании. Периодически равнины Рейна, Мааса, Шельды, Сены, Луары, Гаронны и Роны были ареной систематического и упорного грабежа.⁸ Опустошение было таким полным, что во многих случаях, население исчезало. Нет лучшего доказательства континентального в сущности характера франкского государства, как его неспособность организовать защиту своих берегов против сарацинов и норманов. Ведь эта защита, чтобы быть действительной, должна была быть морской защитой, а государство не имело флота, или в лучшем случае поспешно импровизировало его.⁹

Эти условия были несовместимы с существованием торговли первостепенного значения. Историческая литература IX века содержит, действительно, некоторые сообщения о купцах (*mercatores*; *negociatores*)¹⁰, но не надо лелеять иллюзии относительно их важности. Если сравнить эти сообщения с числом текстов, которые сохранились от той эпохи, то эти сообщения окажутся очень редкими. Капитулярии, регули-

рующие каждую фазу социальной жизни, очень редко говорят о том, что касается торговли. Отсюда можно сделать заключение, что последняя играла роль очень второстепенную, имела ничтожное значение. Только на севере Галлии в продолжение первой половины IX века торговля показывала некоторые признаки активности.

Порты Квентовика (местность, теперь покинутая в департаменте Па де Кале) и Дюрстеда (на Рейне), на юго-западе (от Утрехта), торговавшие при Меровингах уже с Англией и Данией, были центрами обширного судоходства. Основательно предположение, что причиной этого был речной транспорт фризгов по Рейну, Шельде и Маасу; он получил значение, которому не равнялось его значение в царствование Карла Великого и его преемников. Полотна, сотканные крестьянами Фландрии, обозначаемые в современных текстах именем фризских плащей (*pallia fresonica*)¹¹, вместе с винами Рейнской Германии, составляли предмет экспортной торговли, которая регулярно совершалась вплоть до того времени, когда норманы овладели указанными выше портами. Кроме того, известно, что динарии, чеканенные в Дюрстеде, имели очень широкое распространение. Они послужили прототипом для старинных монет Швеции и Польши¹², очевидное доказательство, что они рано проникли, несомненно, через руки норманов, на Балтийское море. Стоит обратить внимание, как на основу ранее обширной торговли, на соляную промышленность Нуармуте, где показывались ирландские корабли.¹³ Зальцбургскую соль, с другой стороны, везли по Дунаю и его притокам во внутрь империи.¹⁴ Торговля рабами, невзирая на помехи, которые ставились правительством, направлялась вдоль западных границ, где военнопленные, взятые среди крестьян славянского происхождения, находили себе многочисленных покупателей.

Евреи особенно охотно занимались этим видом торговли. Они были еще многочисленны и их можно было встретить повсюду во Франции. На юге Бельгии они были в тесных торговых сношениях с единоверцами мусульманской Испании.¹⁵

Вероятно, из Испании, а, может быть, также и из Венеции эти евреи получали пряности и ценные ткани, которыми они торговали. Обязательство крестить своих детей, которому они были подчинены, должно было вызвать эмиграцию большого числа евреев на юг, за Пиринеи, в эту раннюю эпоху, и их торговое значение постоянно шло к упадку в течение IX века. Что касается сирийцев, то они не особенно долгое время имели значение в эту эпоху.¹⁶

Весьма правдоподобно, что торговля в каролингское время очень сильно пошла на убыль. Если исключить округа,

соседние с Квентовиком и Дюрстедом, то она состояла только в транспорте необходимых товаров, как вино и соль, в запрещенном сбыте небольшого количества рабов и в обмене, через посредство евреев, незначительного числа восточных товаров.

Регулярной и нормальной коммерческой деятельности, торговли, постоянно поддерживаемой классом купцов-профессионалов, словом, всего того, что составляет сущность экономического обмена, достойного этого имени, нельзя найти следов после того, как Средиземное море было засорено арабскими вторжениями.

Большое число рынков (*mercatus*), которые встречались в IX веке, никоим образом не противоречит этому утверждению. Они были в действительности только мелкими местными рынками, устроенными для ежедневного продовольствия населения посредством розничной торговли деревенскими товарами. Как доказательство торговой деятельности в Каролингскую эпоху, было бы справедливо привести существование улицы, занятой купцами (*vicus mercatorum*)¹⁷ в Э-ла-Шапель, вблизи дворца Карла Великого, или существование подобных улиц вблизи известных больших аббатств, таких, например, как аббатство св. Рикье. Купцы, с которыми мы имели здесь дело, не были на самом деле купцами-профессионалами, но слугами, обязанными снабжать дворец или монахов. Они были, так сказать, служащими сеньориального домашнего хозяйства, а не почтенными купцами.

Здесь реальное доказательство экономического упадка, который ощутила западная Европа с того дня, как она перестала принадлежать средиземноморскому государству. Она получила реформу монетной системы, начатую Пипином Малым и законченную Карлом Великим. Эта реформа прекращала чекан золотых монет и заменяла золото серебром. Солид (*solidus*), который, согласно римской традиции, составлял базис монетного единства, был теперь только номинальной монетой. Реальными монетами с этого времени были только серебряные динарии, весившие около 2 граммов, ценность металла которых, сравненная с ценностью доллара, была приблизительно $8\frac{1}{2}$ центов.¹⁸ Если вспомнить, что ценность металла меровингского золотого солида была почти 3 доллара, то значение реформы можно легко объяснить. Несомненно, реформа может быть объяснена только страшным падением торговли и благополучия.

Если должно быть допущено, что новое появление золотого чекана, флоринов Флоренции и дукатов Венеции в XIII веке, характеризовало экономическое возрождение Европы, то и обратное утверждение истинно: захирение золотого

чекана в VIII веке было проявлением глубокого упадка. Недостаточно сказать, что Пипин и Карл Великий хотели устранить монетный беспорядок последнего периода Меровингской эпохи. Они могли бы найти средство борьбы с ним без того, чтобы отказываться от золотой валюты. Они отказались от золотой валюты, ясно по необходимости, т. е. в силу исчезновения желтого металла в Галлии. А это исчезновение не имело другой причины, как перерыв торговли на Средиземном море. Доказательством этого служит тот факт, что южная Италия, оставшаяся в сношениях с Константинополем, сохраняла дальше золотую валюту, вместо которой каролингские правители были вынуждены ввести серебряную. Очень легкие весом динарии, кроме того, также свидетельствуют об экономической изоляции их империи. Непостижимо было бы уменьшение ценности монеты до ¹/₃₀ ее прежней ценности, если бы сохранилась хотя бы самая легкая связь между каролингской империей и средиземноморскими странами, где золотой солид продолжал находиться в обращении.

Но это не все. Монетная реформа IX века не только стояла в связи с общим обеднением, имевшим место в ту эпоху, но и с циркуляцией монеты, которая была достойна внимания по своей незначительности. При отсутствии центров притяжения, достаточно сильных, чтобы собрать монету издалека, она оставалась, так сказать, неподвижной. Карл Великий и его преемники напрасно отдавали распоряжения, чтобы динарий чеканить только в королевских монетных дворах. В правление Людовика Благочестивого стало необходимым некоторым церквям разрешить чекан монеты, ввиду затруднений, в которых они находились, с получением звонкой монеты. Со второй половины IX века разрешение установить рынок было почти сопровождается разрешением держать монетный двор в том же самом месте.¹⁹

Государство не могло удержать за собой монополию чекана монеты; она была последовательно расширена. И это в свою очередь тоже недвусмысленное проявление экономического упадка. История показывает, что чем в лучшем положении торговля находилась, тем больше монетная система централизовалась и упрощалась. Рассеяние монетной регалии, пестрота монет, фактически анархия, которая выявляется, когда мы следим за историей IX века, в конце концов дает удивительное подкрепление общей теории, которая здесь раньше была изложена.

Были сделаны попытки приписать Карлу Великому политико-экономическую проницательность. Это значит отнести на его счет идеи, которые, как бы ни был велик, по нашему предположению, его гений, невозможно было ему иметь.

Никто не может допустить с некоторым вероятием истины, чтобы дело, которое он начал в 793 году, соединение Редница с Альтмюлем, могло иметь какую-нибудь другую цель, кроме транспорта войск, или чтобы войны против варваров были вызваны желанием проложить торговый путь к Константинополю. В других отношениях несогласованные пункты капитуляриев, касающиеся монет, веса, мер, рыночных пошлин и рынков, были внутренне связаны с общей системой регулирования и контроля, типичной для Каролингского законодательства. То же самое верно в отношении мероприятий, направленных против лихоимства и запрещения членам клира вступать в сделки. Целью этих мероприятий была борьба с обманом, беспорядком и отсутствием дисциплины и прививка христианской морали народу. Только предубежденная точка зрения может видеть в них попытку усилить экономическое развитие империи.

Мы привыкли считать царствование Карла эпохой оживления, эпохой одинакового прогресса во всех сферах. К несчастью, что верно в отношении духовной культуры, церкви и государства, обычаев, институтов и дипломатии, то неверно относительно торговых сношений. Каждое крупное дело, которое совершил Карл Великий, было совершено или его военной силой, или благодаря его союзу с церковью. Однако ни церковь, ни армия не могли победить обстоятельств, в силу которых франкская империя оказалась лишенной внешних рынков. Она была вынуждена фактически приспособляться к положению, которое было неизбежно предопределено. История должна признать, что, как бы ни был блестящ в других отношениях период Карла Великого, он был периодом упадка с экономической точки зрения. Финансовая организация франкской империи подтверждает это наблюдение; она была очень проста. Таможенные пошлины, которые Меровинги сохранили в подражание Риму, более не существовали²⁰. Ресурсы суверена заключались только в доходах с его доменов, в податях, наложенных на завоеванные страны, в военной добыче. Рыночные пошлины не служили больше для пополнения казны, знаменуя тем самым экономический упадок той эпохи. Они были ничем иным, как простым вымогательством, грубо применявшимся к редким товарам при перевозе их через реки или на проезжих дорогах²¹. Жалкие доходы, которые должны были служить для поддержания мостов, доков и дорог, поглощались сборщиками этих доходов. Государственные ревизоры (*missi dominici*), созданные для надзора за администрацией, были бессильны уничтожить злоупотребления, которые должны были существовать, так как государство, неспособное оплачивать своих агентов, было так-

же неспособно подчинить их своему авторитету. Оно было вынуждено обратиться к аристократии, которая, в силу своего социального положения, тогда могла оказывать бесплатные услуги. Но тем самым государство было вынуждено, ввиду отсутствия денежных средств, выбирать орудия власти среди той группы людей, очевидный интерес которых был в уменьшении этой власти. Набор государственных чиновников среди аристократии был основным пороком Франкской империи и существенной причиной ее распада, который наступил быстро после смерти Карла Великого. Конечно, ничего не было более хрупкого, чем это государство, суверен которого, только властный в теории, был зависим фактически от верности его независимых агентов.

Феодальная система зарождалась в такой противоречивой обстановке. Каролингская империя была бы способна задержать укоренение феодальной системы, если бы она владела, подобно Византийской империи или империи халифов, системой налогов, финансовым контролем, централизованным фиском, казной, необходимой для обеспечения чиновников, для государственных предприятий, для поддержки армии и флота. Финансовое бессилие, которое вело империю к падению, ясно свидетельствовало о невозможности бороться за сохранение политической структуры на экономической базе, которая не могла выдержать эту тяжесть.

Экономической базой государства, как общества, был с того времени земельный собственник. Поскольку Каролингская империя была континентальным государством без внешних рынков, постольку она была в сущности аграрным государством. Следы торговли, которые там можно отыскать, были незначительны. Здесь не было другой собственности, чем земельная собственность, и не было другого вида хозяйства, чем земледелие. Как уже выше было установлено, это преобладание земледелия не было новым фактом. Оно существовало в резко выраженной форме в Римскую эпоху, оно продолжало усиливаться в Меровингскую. С падением античности, вся западная Европа была покрыта громадными доменами, принадлежавшими аристократии, члены которой носили титул сенаторов (*senatores*). Все больше и больше собственность превращалась в наследственные держания, в то время как старые свободные арендаторы превращались в колонов (*coloni*), прикрепленных к земле наследственно, вслед за отцом сын. Германские вторжения не изменили заметно этого положения вещей. Мы определенно отказались от мысли представлять германские племена в виде крестьянской демократии, в виде равных друг другу людей. Социальные различия были очень большими среди них, когда они вторгались

в империю. Они состояли в меньшинстве из богатых, в большинстве из бедных. Число рабов и полусвободных (*liti*) было значительно²².

Приход германцев в римские провинции не приносил с собой падения существующего порядка. Пришельцы, приспособляясь сами, сохранили то положение вещей, которое они нашли уже существующим. Многие из них получили от короля или приобрели силой, браком или иначе громадные домены, которые делали их равными сенаторам. Земельная аристократия не только не исчезла, наоборот, подкрепились новыми элементами.

Исчезновение мелких свободных собственников продолжалось. Кажется, действительно, в начале Каролингской эпохи только очень малое число их осталось в Галлии. Карл Великий тщетно принимал меры сохранить тех, которые еще оставались²³. Нужда в покровительстве неизбежно заставляла их обращаться к более сильным, патронату которых они отдавали и свою личность и свои владения.

Крупные имения оставались, становясь все больше и больше после периода вторжений. Покровительство, которое короли оказывали церкви, было добавочным фактором в этом развитии, а религиозное усердие аристократии имело тот же самый эффект. Монастыри, число которых возрастало с такой замечательной быстротой после VII века, получали обильные дарения земель. Всюду церковные домены и светские домены перемешивались, объединяя в себе не только культурные земли, но и леса, кустарники и пустыри.

Организация этих доменов совпадала во Франкской Галлии с организацией, которая была там при римлянах. Ясно, что и не могло быть иначе. Германские племена не имели оснований и не были способны заменить существующую сложную организацию. Она состояла, в сущности, в разделении всей земли на две части, подчиненные двум различным формам управления. Первая, менее экстенсивная, была непосредственно эксплуатируема собственником; вторая разделялась, под формой держаний, между крестьянами. Каждая вилла, владение которой было сложно, состояла из барской земли (*terra dominicata*) и чиншевой, разделенной на отдельные хозяйства (*mansus*); ими владели на основе наследственного права держатели или вилланы (*manentes, villani*), которые платили за это натуральный или денежный оброк и несли барщину²⁴.

Пока процветала городская и торговая жизнь, крупный домен имел рынок для сбыта своих продуктов. Не может быть сомнения, что в Меровингскую эпоху городское население снабжалось продовольствием через рынок, при посредстве

купцов. Но это не могло так оставаться, когда торговля исчезла, а вместе с ней купеческий класс и городское население. Громадные домены испытали ту же самую судьбу, что и Франкская империя. Подобно ей, они потеряли свои рынки. Возможность продажи на сторону не существовала более, вследствие отсутствия покупателей, и было бесполезно производить больше, чем необходимый минимум для существования людей, собственников и держателей, живущих на данной земле.

Хозяйство для обмена было заменено хозяйством для потребления. Каждый домен, вместо того, чтобы продолжать иметь дело с внешним миром, с этого времени составлял малый самодовлеющий мирок. Он жил сам по себе и для самого себя, в традиционной неподвижности патриархальной формы правления. IX век—золотой век замкнутого домашнего хозяйства, которое мы можем более точно назвать хозяйством не для рынка²⁵.

Это хозяйство, в котором производство не имеет другой цели, кроме собственного потребления в пределах домена и которое вследствие этого было абсолютно чуждо идее выгоды, не может быть рассматриваемо, как естественное и самопроизвольное явление. Оно было, наоборот, только результатом эволюции, которая принуждала его принять эту характерную форму. Крупные собственники не отказались добровольно продавать продукты своей земли. Они так сделали потому, что не могли сделать иначе. Конечно, если бы торговля продолжала обеспечивать им регулярный сбыт продуктов на сторону, то они не пренебрегли бы извлечением из этого выгоды. Они не продавали потому, что не могли продать, они не покупали потому, что рынки были пусты. Замкнутая домениальная организация, которая появилась в начале IX века, была явлением, обязанным своим существованием насилью. Это может быть доказано сравнением картины, которую представляет Каролингская Европа, с картиной южной России того же периода²⁶.

Мы знаем, что дружины мореплавателей норманов, т. е. скандинавов, установили свое господство над славянами Днепровского бассейна в течение IX века. Эти завоеватели, которых покоренные называли русскими, естественно собирались в дружины, чтобы обеспечить свою жизнь среди населения, которое они подчинили.

Для этой цели они строили укрепленные поселения, называемые городами на славянском языке, где эти дружины размещались вместе с своими князьями и с изображениями своих богов. Большинство древних русских городов обязано своим происхождением этим укрепленным стоянкам. Такие стоянки были в Смоленске, Суздале и Новгороде; самая же

главная и всего более связанная с внешней культурой стоянка была в Киеве, ее князь выдавался из всех других князей. Существование норманов обеспечивалось данью, собираемой с туземного населения.

Русские могли жить ресурсами своей страны без того, чтобы искать извне этих ресурсов, которые страна давала им в изобилии. Они так бы и делали, без сомнения, и довольствовались бы получением натуральных оброков со своих подданных, если бы они находили невозможным, подобно их современникам в западной Европе, сообщение с внешним миром. Но занимаемое ими положение должно было рано заставить их обратиться к меновому хозяйству.

Южная Россия помещалась среди двух областей высокой культуры. На востоке, за Каспийским морем, простирался Багдадский халифат; на юге Черное море омывало берега Византийской империи и пролагало путь к Константинополю. Русские сразу почувствовали действие этих двух сильных центров притяжения. Несомненно они были в высшей степени энергичны, предприимчивы и отважны, но их природные качества только послужили к тому, чтобы наилучшим образом использовать окружающие обстоятельства. Арабские купцы, евреи и греки уже часто посещали славянские страны, когда норманы овладели ими, и показали им путь, которым можно было воспользоваться. Последние не колеблясь кинулись к этому пути, гонимые жаждой наживы, совершенно естественной у первобытного человека, как и у цивилизованного.

Страны, которые они занимали, ставили в их распоряжение продукты, особенно пригодные для торговли с богатыми империями, привыкшими к тонкостям жизни. Громадные леса снабжали их в изобилии медом, ценным в то время, когда не был еще известен сахар, и мехами, необходимой принадлежностью даже в южных странах, для роскошной одежды и экипировки.

Рабов довольно легко было доставать и, благодаря мусульманским гаремам и крупным домам или византийским мастерским, имелся верный и прибыльный сбыт. Таким образом так рано, как в IX веке, когда империя Карла Великого была изолирована после закрытия для нее Средиземного моря, южная Россия, наоборот, была поощряема продавать свои продукты на два больших рынка, которые притягивали ее к себе. Язычество скандинавов, расселившихся по Днепру, делало свободными их от религиозных сдержек, которые мешали христианам Запада торговать с мусульманами. Не принадлежа ни к религии Христа, ни к религии Магомета, они только интересовались прибылью, имея беспристрастные деловые сношения с адептами той и другой религии.

Важность торговли, какую они вели с арабами и греками, выясняется из чрезвычайного обилия арабских и византийских монет, найденных в России, и которые, как светящаяся компасная стрелка, обеспечивают направление торговых дорог.

В Киевской земле монетные клады идут на юг по течению Днепра, на восток по Волге и на север в направлении Западной Двины или озер, которые доходят до Ботнического залива. Сообщения еврейских и арабских путешественников и византийских авторов счастливо пополняют даты археологических реестров. Здесь будет достаточно дать краткое резюме того, что сообщает в IX веке Константин Порфирородный²⁷. Он рисует, как русские собирают свои лодки ежегодно после ледохода к Киеву. Их флотилия медленно опускается по Днепру, многочисленные пороги которого представляют препятствия, которых избегали тем, что тащили лодки вдоль берегов. Достигнув моря, они плыли на парусах вдоль берегов по направлению к Константинополю, высшей цели их длинного и опасного пути. Там русские купцы имели специальную квартиру, заключали торговые договоры, самый древний из которых относится к IX веку. Эти договоры, регулировали их отношения с населением. Многие из русских, соблазненные прелестями Константинополя, оседали здесь и поступали на службу в императорскую гвардию, как это делали прежде германцы, вступая в легионы Рима.

Город императоров, Царь-град, имел для русских обаяние, продолжавшееся столетиями. Оно началось со времени принятия ими христианства (957—1015). Они заимствовали отсюда искусство, письменность, монету и большую часть своих административных учреждений. Нет необходимости доказывать роль, которую играла византийская торговля в социальной жизни славян. Она занимала такое важное место, что без нее их культура оставалась бы необъяснимой. Конечно, формы, в которые она выливалась, были очень примитивны, но важны не формы этой торговли, важен эффект, который она давала.

В России в период, соответствующий позднему средневековью, торговля действительно определяла строение общества. Поразительный контраст с европейцами Каролингской эпохи — русские — не только не знают важности, но и самой идеи настоящего государства. Их понятие о благе охватывало только личную собственность, среди которой рабы составляли наибольшую ценность. Они не были заинтересованы в земле, исключая того, чтобы, благодаря своему контролю над ней, быть способными приобретать ее плоды. Если это понятие было свойственно классу воинов-завоевателей, то нет сомнения, что оно держалось долго, так как эти воины были в то же самое время купцами. Мы можем добавить, что

концентрация русских в городах, вызванная вначале военной необходимостью, оказывалась удивительно приспособленной к их торговым потребностям. Организация, созданная варварами с целью удержать завоеванное население под игом, была хорошо приурочена к образу жизни, усвоенному ими, после того, как они подпали под экономическое влияние Византии и Багдада. Их пример показывает, что общество не имеет необходимости пройти через сельскохозяйственную фазу прежде чем перейти к торговле. Если это так, то это потому, что русские, вместо того, чтобы быть изолированными от внешнего мира, подобно западной Европе, наоборот, вошли или, лучше сказать, были вовлечены в соприкосновение с внешним миром с самого начала. Отсюда происходит тот резкий контраст, который обнаруживается при сравнении их социального состава с составом Каролингской империи: вместо земельной аристократии — торговая; вместо крепостных, крепких земле — рабы, рассматриваемые, как орудия производства; вместо деревенского населения — население, собранное в городах; вместо, наконец, простого потребительского хозяйства — меновое, регулярная и постоянная торговая деятельность.

История ясно показывает, что эти поразительные контрасты были результатом обстоятельств, которые дали России рынки, в то же время лишили этих рынков Каролингскую империю. Русская торговля сохраняла свою силу только до тех пор, как оставались открытыми перед ней дороги к Константинополю и Багдаду. Она не была в состоянии сопротивляться кризису, который вызвали печенеги в XI веке. Вторжение этих варваров вдоль берегов Каспийского и Черного морей несло те же самые последствия, какие принесло Западной Европе вторжение арабов на Средиземное море в VIII веке.

Как последнее вторжение перерезало сообщение между Галлией и Востоком, так первое перерезало сообщение между Россией и ее внешним рынком. В обоих случаях результаты перерыва совпадают с удивительной точностью. В России и Галлии, когда общение с внешним миром исчезло, города опустели и население было вынуждено находить средства существования в земледелии, период денежного хозяйства уступил место периоду натурального. Если отвлечься от различия в деталях, то и там и тут получается одна и та же картина. Южные страны, разоренные варварами, уступили по значению место северным странам. Киев пришел в упадок, как и Марсель; центр русского государства переместился в Москву, как центр Франкской империи, вместе с Каролингской династией, переместился за Рейн. И, чтобы закончить

сравнение, скажем в заключение, что в России, как и в Галлии, поднялась земледельческая аристократия, созданся вотчинный строй, при котором невозможность вывоза или продажи заставляла ограничивать производство потребностями вотчинника и его крестьян.

Таким образом, в обоих случаях одинаковые причины дали этот эффект в одно и то же время. Россия жила торговлей в то время, когда Каролингская империя знала только вотчинный строй, и Россия, наоборот, ввела эту форму правления, когда западная Европа, получив новые рынки, порвала с ней. Мы должны выяснить далее, как этот разрыв произошел. Достаточно была на этот раз доказана, на примере России, теория, что хозяйство Каролингской эпохи не было результатом внутренней эволюции, а должно быть объяснено закрытием арабами Средиземного моря.

Глава III.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОРОДОВ.

Самый интересный вопрос: существовали или нет города среди той, в сущности, аграрной культуры, которая была уделом западной Европы IX века? Ответ зависит от того, что мы понимаем под словом город. Ответ будет отрицательный, если под городом разуметь поселение, жители которого занимаются торговлей, вместо того чтобы заниматься земледелием. Ответ также будет отрицательный, если мы понимаем под городом общину, являющуюся юридическим лицом, обладающую особыми, ей свойственными, законами и учреждениями. Но, с другой стороны, если мы под городом будем понимать центр администрации, крепость, то ясно, что Каролингская эпоха знала почти столь же много городов, как и столетия, которые следовали потом. Иначе сказать, города, которые тогда были основаны, были лишены двух основных атрибутов городов средневековья и новейшего времени — среднего класса общества и коммунальной организации.

Всякое устойчивое общество, хотя бы оно находилось на низкой ступени развития, испытывает потребность обеспечить своих членов местами, удобными для собраний. Исполнение религиозных обрядов, наличие рынков, политических и судебных собраний — все это неизбежно приводит к определению мест, в которых должны или могут собираться участники этих собраний.

Военная необходимость давала особенно положительный результат. Население должно было заготовить убежища, где бы оно могло укрыться от врагов, в случае их вторжения.

Война так же стара, как и человечество, а постройка укреплений так же стара, как война. Первые сооружения, воздвигнутые людьми, были, кажется, действительно защитные стены. И теперь едва ли существует какое-либо дикое племя, у которого нельзя было бы найти эту тенденцию, и, насколько далеко можно проникнуть в прошлое, положение остается то же самое. Акрополи у греков, *oppida* у этрусков, латинян и галлов, бургы у германцев, города у славян, краалы у негров южной Африки были вначале не более, чем местами собраний и, особенно, убежищами. Их план и их постройка заимствовали естественно от формы поверхности и от строительных материалов, имевшихся под рукой. Но общие черты всюду одинаковые. Город состоит из пространства, квадратного или круглого, опоясанного укреплениями, сделанными из древесных стволов, или глины, или каменных плит, защищаемого рвом; причем вход идет через особые ворота. Короче—это огороженное место. И интересно, что два слова, которые на современном английском и современном русском языках (*town* и город) обозначают город, именно обозначали какое-либо огороженное место.

В обыкновенное время эти огороженные места оставались пустыми. Народ посещал их только по случаю религиозных или гражданских церемоний, или когда война заставляла их искать убежища здесь со своими стадами. Но мало-помалу с ростом культуры, из временных эти поселения делаются постоянными. Тут поднимались храмы; представители власти старейшины—основывали там свои резиденции; купцы и ремесленники стекались туда, чтобы там прочно осесть. Что сначала было только случайным центром для собраний, обращалось в город, административный, религиозный, политический и экономический центр для всей территории племени, имя которого он обыкновенно получал.

В этом лежит объяснение того, почему во многих обществах и особенно в эпоху античности политическая жизнь городов не ограничивалась пространством, заключенным в их стенах. Город, действительно, строился для племени, и каждый человек в городе, укрепленном или неукрепленном, был гражданином. Ни Греция, ни Рим не знали ничего подобного строго местной и партикуляристической буржуазии средневековья. Городской закон был, как и сама религия города, общ всему; столицей для народа был город; он и народ составляли вместе особую автономную республику.

Муниципальный строй тогда в античном мире совпадал с конституционным строем. Когда Рим расширил свои владения на весь средиземноморской мир, он сделал муниципальный строй базисом всей административной системы империи. Эта

система выдержала в западной Европе германские вторжения¹. Совершенно определенные остатки ее можно найти в Галлии, Испании, Африке и в Италии долго спустя после V века. Однако мало-помалу растущая слабость социальной организации стерла большую часть ее характерных особенностей. В VIII веке не существовало больше ни *decuriones*, ни *gesta municipalia*, ни *defensor civitatis*. В то же самое время напор арабов в Средиземном море делал невозможной торговлю, которая поддерживала жизнь городов, и осуждал последние на неизбежный упадок. Но этот упадок не был их смертью. Хотя они были обескровлены и обессилены, они выжили. Их социальная функция не совсем исчезла. При аграрном общественном быте того времени они сохранили, вопреки всему, важное значение. Необходимо дать полный отчет в роли, которую они сыграли, чтобы понять, что произошло с ними позднее.

Как выше было указано, церковь приспособила границы своих *civitatum* к границам римских городских общин². Поддерживаемая в этом отношении варварами, она продолжала хранить, после занятия варварами провинций империи, муниципальную систему, на которой она базировалась. Замирание торговли и исчезновение иностранных купцов не имело влияния на церковную организацию. Города, где были резиденции каноников, становились беднее и менее населенными без того, чтобы сами епископы почувствовали это явление. Наоборот, чем больше падало общее благополучие, тем больше шансов утвердиться имела их власть и влияние. Владея престижем тем большим, чем больше государство слабело, получая поддержку от своих конгрегаций, являясь соучастниками Каролингов в управлении обществом, они заняли командующую позицию в силу одновременно своего морального авторитета, своей экономической мощи и своей политической деятельности.

Когда империя Каролингов была подорвана, положение епископов не только не пошатнулось, но стало еще более прочным. Феодалы, которые разрушали власть монарха, не трогали церкви, так как ее божественное происхождение защищало ее от их посягательств. Они боялись епископов, которые могли наложить на них страшное по своим последствиям отлучение. Они уважали их, как сверхъестественных стражей порядка и справедливости. Среди анархии X и XI века власть церкви оставалась неумаленной, и, казалось, она заслуживает этого счастливого жребия. Для борьбы с бичом человечества, частыми войнами, с которыми государство не было способно справиться, епископы организовали в своих *civitates* институт „божьего мира“.³

Этот престиж епископов естественно придавал их резиденциям, т. е. римским городам, особое значение. В высшей степени вероятно, что это было как раз то, что спасало их. В экономической действительности IX века они не имели иного оправдания для своего существования. Перестав быть торговым центром, они должны были, совершенно очевидно, утратить большую часть своего населения. Купцы, которые посещали города или жили в них, исчезли, а вместе с ними исчез городской характер, который сохранялся там в течение Меровингской эпохи. Светское общество не нуждалось больше в городах. Кругом них большие домены жили своей собственной жизнью. Здесь не видно, чтобы государство, базировавшееся на чисто сельскохозяйственных основах, имело какую-либо причину вмешиваться в судьбы городов. Очень характерно и очень знаменательно, что „palatia“ Каролингов не встречаются в городах. Они находились все без исключения в деревенской округе, в доменах династии: в Геристале, в Жупилле, в Мерсене (долина Мааса), в Ингельгейме (долина Рейна), в Аттиньи (долина Сены) и так далее.

Слава Э-ла-Шапель не оставляет никакой иллюзии относительно характера действительности. Блеск, которым славилось временно при Карле Великом Э-ла-Шапель, был обязан его счастью быть любимой резиденцией императора. После правления Людовика Благочестивого оно снова пропадает в неизвестности; оно становится опять настоящим городом лишь четыре столетия позднее.

Государство, со своей стороны, организацией административной власти никоим образом не может содействовать продолжению существования римских городов. Графства, составлявшие административные округа империи, были без главных городов, как сама империя была без столицы. Графы, которым вверялся надзор за округами, не жили в каком-либо определенном пункте. Они постоянно ездили по своим округам, чтобы председательствовать в судебных собраниях, собирать налоги и ополчения. Центром их администрации было не их местожительство, а их личность. Вот почему мало имело значения, имели ли они или нет свое пристанище в городах. Принадлежа к крупным собственникам страны, они привыкли жить в своих имениях. Их замки, как palatia императоров, обыкновенно лежали в деревенских округах⁴.

Наоборот, неподвижность, которую церковная дисциплина налагала на епископа, постоянно удерживала его в городе, где была кафедра его диоцеза. Хотя города утратили свои функции в гражданской администрации, однако они продолжали служить центром церковного управления. Каждый диоцез состоял из территории около города, имевшего кафедру

епископа и находившегося в постоянном общении с диоцезом. Перемена в значении слова *civitas* с начала IX века бросает интересный свет на этот вопрос. Оно стало синонимом со словом „епископство“ и епископский город. Слова „*civitas Parisiensis*“ обозначали диоцез Парижа, где жил епископ. Таким образом, под этим двойным смыслом хранилась память об античной муниципальной системе, усвоенной церковью для своих собственных целей.

Если кратко выразить все это, то можно сказать: то, что случилось в обедневших и лишившихся населения городах Каролингской эпохи, параллельно вполне тому, что, на гораздо более важной сцене, случилось с самим Римом, когда, в течение IV века, этот вечный город перестал быть столицей мира. Покидая его для Равенны, а потом для Константинополя, императоры предоставили его папе. Перестав играть роль в государственном управлении, Рим продолжал ее играть в церковном.

Это особенно относится к северной Европе. В южной Франции и Италии, где римские муниципальные организации не исчезли вполне, графы обычно жили в городах.

Город императоров стал городом понтифексов. Его исторический престиж возвеличил престиж преемника св. Петра. Покинутый, он казался значительнее; в то же время он стал могущественнее. Люди теперь знали только его; при отсутствии старых правителей, люди теперь повиновались только ему. Продолжая пребывать в Риме, папа сделал его своим Римом, как всякий епископ делал своим город, где он жил.

В последнюю пору поздней империи и даже в Меровингскую эпоху, власть епископов над городским населением последовательно вырастала. Они использовали растущую дезорганизацию гражданского общества, чтобы получить или захватить себе авторитет, который жители не думали оспаривать у них, в котором государство не имело ни интереса, ни средств отказывать им. Привилегии, которыми клир начал пользоваться с V века в делах судебных и податных, укрепляли их положение; факт, выступавший особенно ясно через пожалование иммунитетных хартий, которые франкские короли давали в их пользу. В силу этого епископы освобождались от вмешательства графов в дела церковных доменов. С этого времени—VIII столетие—они были облечены полной властью над своим народом и территорией. К церковной юрисдикции над клиром, которую епископы имели, была добавлена светская юрисдикция, вверенная трибуналу, созданному ими. Главным местом заседаний трибунала был, естественно, город, где они имели резиденцию.

Когда прекращение торговли в IX веке стерло последние следы городской жизни и положило конец тому, что

оставалось от городского населения, влияние епископов, уже ставшее таким обширным, сделалось бесспорным. С этого времени города перешли всецело под контроль епископов. В городах можно было, действительно, только встретить жителей, зависимых более или менее прямо от церкви.

Хотя нет точных данных, тем не менее можно представить себе состав городского населения. Оно состояло из клириков кафедральной церкви и других церквей, сгруппированных поблизости; из монахов монастырей, которые, особенно с X века, основывались в большом числе в центре диоцеза, из учителей и студентов церковных школ; наконец, из слуг и ремесленников, свободных и рабов, которые были необходимы для нужд религиозного культа и для ежедневного существования клира.

Почти всегда в городе можно найти еженедельный рынок, куда окрестные крестьяне приносили свои продукты. Иногда бывали здесь ежегодные ярмарки. В воротах со всякого, кто приходил или уходил, собирали рыночные пошлины. За стенами находился монетный двор. Здесь также можно было встретить известное число держаний, занятых вассалами епископа, его адвокатом или его кастелланом. Ко всему этому надо, наконец, добавить житницы и амбары, где хранилось зерно, получаемое с монастырских доменов в известные периоды от крестьян держателей. В большие годовые праздники жители диоцеза приносили в город много оживления непрерывным шумом и движением, продолжавшимся несколько дней⁵.

Весь этот маленький мирок принимал епископа как духовного и светского главу. Религиозный и светский авторитет объединялись или, лучше сказать, смешивались в его лице. С помощью совета, составленного из священников и каноников, он управлял городом и диоцезом в согласии с правилами христианской морали. Его церковная кафедра, управляемая через архидиакона, расширила особенно сферу своего действия благодаря бессилию или скорее благосклонности государства. Не только все клирики были подчинены этой власти во всех отношениях, но ее компетенция простиралась также и на некоторое число дел, касающихся светского общества — браки, завещания, гражданские дела. Область светского суда, который возглавлялся или кастелланом или адвокатом, расширялась подобным же образом. После правления Людовика Благочестивого, его юрисдикция расширилась благодаря постепенным нарушениям, которые находят себе объяснение и оправдание во все возрастающем хаосе государственного управления. Этот хаос был вызван не только иммунитетными грамотами. Совершенно очевидно, что внутри городской черты каждый попадал под юрисдикцию епископа, и она заме-

нила фактически юрисдикцию, которой владел граф в теории над всеми свободными⁶. К тому же епископ использовал слабо очерченную полицейскую власть, в силу которой он наблюдал за рынками, регулировал сбор пошлин, имел заботу о мостах и валах. Одним словом, тут не было ни одной области администрации города, куда бы епископ, в силу ли закона или прерогативы, не вмешивался, как страж порядка, мира и общего блага. Теократическая форма правительства совершенно заменила муниципальный режим античности. Население управлялось епископом и не претендовало более на свою долю власти в этом правительстве. Иногда бывало, что смута вторгалась в город. Епископов осаждали в их дворцах, и они были вынуждены бежать. Но было бы преувеличением находить в этих событиях последние следы муниципального духа. Они скорее объясняются интригами или личным соперничеством.

Было бы совершенно ложно считать эти события за преддверие коммунальной революции XI и XII века. Более того, они бывали очень редко. Все указывает, что епископская администрация была в общем благодетельна и популярна.

Эта администрация, как выше было указано, не совпадала с городской чертой; она простиралась на всю епископию. Город был ее центром, а диоцез был ее областью. Городское население не пользовалось особо привилегированным положением. Режим, под которым оно жило, было режимом общего права. Рыцари, сервы и свободные, которых он захватывал, отличались от своих собратьев за чертой города только тем, что были сгруппированы в одном месте. Каких-либо особых законов и автономии, которой пользовалась буржуазия средних веков, здесь не было видно. Слово *civis*, которым современные тексты обозначали жителей городов, было простым топографическим обозначением, но оно не имело юридической значимости.⁷

Эти города были крепостями так же, как и епископскими резиденциями. В конце римской империи они опоясывались стенами, как защитой против варваров. Эти стены существовали почти повсюду, и епископы старались поддерживать их или реставрировать с тем большей охотой, что набеги сарацинов и норманов давали убедительное доказательство, в течение IX века, нужды в защите. Старые римские укрепления продолжали защищать города от новых опасностей.

Их форма осталась при Карле Великом та же, что была при Константине. Как общее правило, город имел форму правильного четырехугольника, окруженного валами, с башнями на углах, и сообщающегося с внешним миром через ворота, обычно числом четыре. Пространство, таким образом замкнутое,

было очень ограничено и в длину по бокам редко превышало от 4 до 5 сот ярдов⁸. Кроме того, оно далеко не все было застроено; между домами можно было найти возделанные поля и сады. Предместья (Suburbium), которые в Меровингскую эпоху простирались за валы, исчезли⁹. Благодаря своей защите города смогли почти повсюду победоносно противодействовать нападениям с севера и с юга. Достаточно здесь упомянуть о знаменитой осаде Парижа норманами в 885 году.

Епископские города естественно служили убежищем для окрестного населения при приближении варваров. Сюда приходили монахи даже издалека искать убежища, как, например, монахи из Сен Вааста в 887 году скрывались в Бове, а монахи из Сен Кентена в Лане¹⁰.

Среди необеспеченности и хаоса, что придает такой плачевный характер второй половине IX века, на города выпала настоящая миссия быть защитой. Они были, в подлинном смысле этого слова, спасители общества, на которое напали, облагали данями, терроризовали. Вскоре, по другой причине, они не были в состоянии выполнить эту роль.

Известно, что анархия IX века ускорила разрушение франкского государства. Графы, которые были самыми крупными собственниками в своих округах, использовали существующие условия, чтобы достичь полной автономии, сделать свою службу наследственной, соединить в своих руках, вместе с частной властью, которой они пользовались над своими доменами, публичную власть, которая была им делегирована, и в конце концов слить под своим правлением в верховном суверенитете все графства, которые они могли притянуть сюда. Каролингская империя была таким образом разделена, с середины IX века, на большое число территорий, подчиненных многим местным династиям и связанных с королем только хрупкими узами феодального обмаша. Государство было слишком слабо, чтобы сопротивляться этому разъединению. Это разъединение совершалось, бесспорно, вследствие насилия и угрожающего вероломства. Тем не менее оно было благодеянием для общества. Захватывая власть, феодалы немедленно принимали обязательства, которые общество на них налагало. Их очевидный интерес был в том, чтобы защищать и покровительствовать земле и народу, которые становились их землей и их народом. У них не было недостатка в работе, которую только себялюбивая забота о власти на них налагала. По мере того, как росла и укреплялась их власть, они все более и более занимались тем, чтобы получить верховенство над организацией, которая обеспечивала общественный мир и порядок.

Первая нужда, которая обнаружилась, была нужда в за-

щите против сарацинов и норманов, как и соседних сеньоров. Укрепления, вследствие этого, появлялись всюду с начала IX века.¹¹ Современные тексты дают нам много различных наименований: *castellum*, *castrum*, *oppidum*, *urbs*, *municipium*; самое обычное и в некоторых случаях самое техническое из этих названий—это *burg*; слово, происшедшее от германского корня и попавшее в латынь поздней империи и сохранившееся во всех современных языках: *borgo* (в итальянском языке); *bourg* (во французском); *borough* (в английском); *burg* (в немецком).¹²

От этих бургов раннего средневековья в наше время не осталось следов, письменные источники, к счастью, делают возможным представить точную их картину. Они были укреплены стенами небольшой длины, обычно в форме круга и окаймлены рвом. В центре можно было найти крепкую башню и укрепление, последний оплот защитников в случае нападения. Постоянный гарнизон из рыцарей (*milites castrenses*) здесь находился; он был под начальством кастеляна (*castellanus*). Феодал имел дом (*domus*) в каждом из бургов своей земли, где он останавливался со своей свитой во время постоянной смены своей резиденции, к чему принуждала его война или административные обязанности. Очень часто капелла или церковь, прикрываемая постройками, необходимыми для духовенства, поднимала свою колокольню над зубчатыми стенами укрепления. Порой здесь можно было найти рядом с ней дом, предназначенный для судебных собраний, члены которых в определенный период собирались в бург с разных концов. Наконец, что было всегда налицо, там стояли амбары и погреба, где сохранялись запасы, получаемые с окрестных зависимых доменов, на случай осады и приезда феодала. Натуральные оброки, взимаемые с крестьян округи, обеспечивали, с своей стороны, существование гарнизона. Поддержание в исправности стен возлагалось на тех же самых крестьян, которых сгоняли на работу согласно установленной барщине.¹³

Если идти из одного графства в другое, то картина, которая была нарисована, естественно разнилась в деталях, но основные черты можно встретить всюду те же самые. Сходство между бургами Фландрии и бургами англо-саксонской Англии поразительно.¹⁴ Но это сходство, бесспорно, доказывает, что одни и те же нужды в своем развитии вызывают повсюду одни и те же результаты.

Как видно, бурги были больше всего военными учреждениями, но к этой основной их функции рано уже присоединилась другая—быть административным центром. Кастелан перестал быть только начальником рыцарей гарнизона. Феодал

передал ему финансовую и судебную власть над более или менее обширным округом за стенами бурга, по округам, которые в X веке носили имя кастелянств. Кастелянство тяготело к бургу, как епископский округ — к городу. В случае войны, его обитатели здесь находили убежище; в мирное время здесь они принимали участие в судебных собраниях или сюда они платили оброки, которые на них были возложены. Тем не менее бург не носил городского характера. Его население, кроме рыцарей и клириков, которые составляли его существенную часть, состояло только из людей, находившихся у них на службе, и число их было очень незначительно. Это было население крепости, а не города. Никакая торговля, никакая промышленность не были возможны или мыслимы в таких условиях. Население это ничего не производило, жило на доходы с окрестной страны и не играло никакой роли в хозяйстве, кроме роли простого потребителя.

Отсюда можно сделать здравое заключение, что период, открывающийся Каролингской эпохой, не знал городов ни в социальном смысле этого слова, ни в экономическом, ни в правовом. Города и бурги были просто укрепленные места и штаб-квартиры администрации. Их жители не пользовались никакими особыми законами, никакими особыми учреждениями, образ их жизни не отличался от образа жизни остального общества.

Торговая и промышленная деятельность была совершенно им чужда. Во всех отношениях они были связаны с культурой того времени, базирующейся на сельском хозяйстве. Группы общества, которые в городах и бургах формировались, имели небольшой удельный вес. При недостатке заслуживающих доверия данных, невозможно дать точную картину, но все указывает, что население бургов никогда не состояло более чем из 500 человек и население городов, вероятно, не превышало суммы в 2000—3000 человек.

Бурги, как бы то ни было, сыграли существенную роль в истории городов. Они были, так сказать, ступенью развития. Кругом их стен, города могли получить свое оформление после экономического подъема, первые симптомы которого появились в X веке.

Глава IV.

ОЖИВЛЕНИЕ ТОРГОВЛИ.

Конец IX века был моментом, когда экономическое развитие западной Европы, последовавшее за закрытием средиземноморской торговли, достигло своей низшей точки. Это был

момент, когда социальная дезорганизация, причиненная вторжением варваров и сопровождаемая политической анархией, достигла максимума. X в.—век стабилизации и мира. Оставление Нормандии за Роллоном (912) обозначало конец скандинавских вторжений; на востоке Генрих Птицелов и Оттон I задержали славян на Эльбе, венгров в долине Дуная (934—955). Тогда же феодальная система, окончательно заменившая монархию, была установлена во Франции на развалинах Каролингской империи. В Германии, наоборот, несколько более позднее развитие общества позволило королям Саксонской династии оказать сопротивление светской аристократии. Они имели влияние на епископов и использовали его для усиления монархии. Присваивая себе титул римского императора, они претендовали на всеобщий авторитет, который был у Карла Великого.

На Европу перестали нападать дикие орды. Время нуждалось в мире, самом главном и основном условии жизни общества. Первый общий мир был объявлен в 989 г. Частые войны, самый тяжкий бич этих смутных времен, были энергически прекращены графами Франции и прелатами Германии. X век видел в контурах картину, которую представляет XI век. Известная повесть об ужасах 1000 года в этот момент не лишена символического значения. Несомненно, что люди ожидали конца мира в 1000 году, но столетие, начинающееся с этой даты, в противоположность прежнему, характеризуется подъемом деятельности, давно подавленной кошмаром апатии. В каждом домене можно было видеть взрыв энергии и оптимизма. Церковь, оживленная Ключинской реформой, начала очищаться от злоупотреблений, которые разъедали ее дисциплину, и рвать те путы, которыми ее связывал император. Мистический энтузиазм, которым она была охвачена, воодушевил ее соборы и направил ее на героическое предприятие, на Крестовые походы, которые столкнули западное христианство с исламом. Норманские рыцари ведут борьбу с Византией и мусульманами на юге Италии и образовали государства, из которых позднее возникло сицилийское королевство. Другие норманы, с которыми были связаны фландрцы и северные французы, завоевали Англию под начальством герцога Вильгельма.

По ту сторону Пиринеев христиане прогоняли сарацинов Испании; Толедо и Валенсия попали в их руки (1072—1109).

Такая предприимчивость свидетельствует не только об энергии и силе духа, но и о здоровье общества; она была бы невозможна без врожденной силы, которая составляет одну из характерных черт XI в. Плодовитость семей в то время характеризует и дворянство и знать; молодежи много; ей

тесно на западе, она хочет попытать свою судьбу за границей. Армии полны наемников, *coterelli* или *brabantiones* предоставляли себя всякому, кто хотел воспользоваться ими. Из Фландрии и Голландии отряды крестьян снимались с XII в., чтобы осушать топи на берегах Эльбы. Всюду были налицо крупные армии; отсюда же проекты росчистей земли и устройства плотин на реках. Не видно, чтобы от римской поры до XII в. площадь культурной земли возрастала так стремительно. Монастыри вели хозяйство почти всегда на старых поместьях и ничего не делали, чтобы уменьшить леса; пустыри и болота находились в пределах их поместий. Совсем другое вышло, когда рост населения позволил эти непродуктивные земли лучше использовать¹. Около 1000 года начался период переделов, продолжавшихся до конца XII века. Европа колонизовалась вследствие роста населения. Сеньоры и крупные собственники наперерыв основывали новые города, куда собирались „младшие дети“ в поисках наделов. Стали сводить большие леса, во Фландрии около 1150 г. появился первый *polders* (земля, окруженная плотиной, отвоеванная у моря)². Орден цистерцианцев, основанный в 1018 г., принялся за расчистку земли. Легко представить себе, что рост населения и прилив возобновленной общей деятельности, причиной и результатами которой он был, сначала подействовал благотворительно на сельское хозяйство. Но это условие вскоре будет иметь такое же действие на торговлю.

XI столетие ставит нас лицом к лицу не только с усилением земледелия, но и с торговым оживлением; последнее получало импульс из двух центров: один лежал на юге, другой на севере: Венеция и Фландрия. Соприкосновение с иностранной торговлей, поддерживаемой в этих двух пунктах, повело к ее дальнейшему расширению. Это же могло произойти и в другом месте. Торговая деятельность могла оживиться в силу направления всей экономической жизни. Как торговля Запада исчезла вместе с падением ее внешних рынков, так она возобновилась, когда рынки открылись. Венеция, влияние которой ощущалось с самого начала, имела признанное, особое место в экономической истории Европы. Подобно Тиру, она проявляет исключительно торговый характер. Венецию основали беглецы, спасавшиеся от гуннов, готов, лангобардов; они искали убежища на бесплодных островках, как Риальто, Оливоло, Спинальонга, Дорсодуро³. Чтобы существовать в этих болотах они должны были использовать всю свою изворотливость и бороться против самой природы. Всего не хватало; даже пресной воды для питья. Но достаточно было моря, чтобы могла просуществовать та группа людей, которая умела использовать обстановку. Рыболовство и добыча соли доставляли непосредственные средства существо-

вания венецианцам. Они оказались способными обеспечить хлеб обменом своих продуктов с жителями соседнего побережья.

Таким образом, самые условия, среди которых жили венецианцы, вынуждали их к торговле. Они имели энергию и талант обратить в свою пользу те неограниченные возможности, которые им предоставляла торговля. В VIII веке население Венеции так увеличилось, что был создан новый морской диоцез.

В эпоху основания города вся Италия принадлежала Византийской империи. Благодаря островному положению Венеции, завоеватели, которые последовательно господствовали над полуостровом, сначала лангобарды, потом Карл Великий, наконец, позднее германские императоры—не были в состоянии увенчать успехи своей попыткой овладеть Венецией. Она оставалась, в силу этого, под господством Константинополя, составляя таким образом у конца Адриатики и подножия Альп изолированный форпост византийской культуры. В эпоху отделения западной Европы от Востока, Венеция продолжала быть его частью. Венеция не переставала оставаться в орбите влияния Константинополя. Через водный путь она была подчинена притягательной силе этого большого города и сама росла под его влиянием.

Константинополь самый большой город в XI в. на Средиземном море; его население около 1 000 000; оно было очень деятельно.⁴ Оно не довольствовалось, подобно населению республиканского и императорского Рима, тем, чтобы потреблять не производя; оно с ревностью, которую фискальная система стесняла, но не задушила, отдавалось торговле и промышленности.

Константинополь был большим портом и первостепенным промышленным как и политическим центром. Здесь можно было найти всякого рода образ жизни и всякого рода форму социальной деятельности. В тогдашнем христианском мире он представлял картину, похожую на картину больших современных городов со всей их сложностью, со всеми их изъемами и со всей утонченностью городской культуры. Непрерывное мореплавание ставило его в соприкосновение с берегами Черного моря, Малой Азии, Южной Италии, с берегами Адриатики. Военный флот обеспечивал Константинополю господство на море, без чего он не был бы в состоянии жить. Пока он был могуществен, он был в состоянии, перед лицом ислама, сохранять свое господство над всеми водами восточной части Средиземья.

Легко понять, как Венеция использовала связь с миром, столь отличным от Запада. Этому миру она была обязана не

только успехами своей торговли, но от него она узнала. высшие формы цивилизации, совершенной техники, деловой предприимчивости, политической и административной организации, которые ее выделяли в Европе средневековья. Она снабжала продовольствием Константинополь с VIII века. Ее корабли везли туда продукты смежных стран: пшеницу и вино из Италии, лес из Далмации, соль с лагун и, невзирая на препятствия папы и императора, рабов, которых она легко себе доставала среди славянских народов на берегах Адриатики; оттуда везли обратно драгоценные ткани византийских мастеров и специи, которыми Азия снабжала Константинополь; в X в. деятельность порта получила чрезвычайные размеры.⁵ Жажда наживы стала чрезвычайной; вместе с ростом торговли, совесть не имела значения для венецианца. Их религия—религия деловых людей; для них мало имело значения, что мусульмане—враги Христа, если тут была замешана выгода. Их купцам, начавшим посещать Восток с IX века, торговые договоры обеспечивают привилегии на рынках Востока: Алеппо, Каир, Дамаск, Палермо, Кайруан.

К концу XI века власть Венеции и ее богатство сделались громадными. При доже Петре II Орсеоло она очистила Адриатику от славянских пиратов, подчинила Истрию и имела военные отряды в Царе, Веглии, Арбе, Трау, Спалато, Курцоле и Логосте.

Павел Дьякон превозносит блеск и славу золотой Венеции, а Вильгельм Апулейский восхваляет город „богатый деньгами и людьми“ и объявляет, что „ни один народ в мире не смел так в морской войне, не искусен в управлении флотилиями на море“.

Мощное экономическое развитие, которого Венеция была центром, должно было сообщаться Италии, которую только лагуны отделяли от Венеции: здесь она получала пшеницу и вино для потребления и вывоза, здесь она думала создать рынок для восточных товаров, которые ее моряки выгружали в большом количестве на набережных По. Она вступила в сношение с Павией, которая скоро была воодушевлена ее заразной активностью.⁶ Она получила от германских императоров право свободного торга с соседними гражданами, затем со всей Италией, так же как и корабельную монополию на все товары, которые приходили в ее порт.

Торговля быстро проникла из Павии в соседние города. Все это заставляло спешить принять участие в торговле; Венеция давала городам выдающийся пример и заинтересовывала их в развитии торговли. Дух предприимчивости развивался последовательно в одном месте за другим.

Это были не только продукты земли, которые составляли

предмет торговли с Венецией; и промышленность начала зарождаться рано, уже в IX в. Лукка обратилась к производству сукон и продолжала его много позже. Вероятно, мы бы знали гораздо больше о начале этого экономического оживления Ломбардии, если бы наши источники не были так скудны.⁷

Самое сильное влияние в Италии венецианское, но оно не было исключительным; юг Италии за Сполето и Беневенто, до появления норманов в XI в. был под властью Византии. Бари, Таренто, Неаполь и Амальфи поддерживали связи с Константинополем, как и с Венецией. Они были центром обмена и не колебались торговать с мусульманскими портами.⁸

Их флот нашел потом конкурентов среди жителей береговых городов, расположенных на севере. В начале XII в. мы видим, как обращается к морю Генуя, а затем Пиза; сарацины в 935 г. разграбили Геную, но приближался момент, когда она в свою очередь перешла в наступление. При этом не могло быть вопроса о заключении ею торговых сделок, как это делали Венеция или Амальфи, с врагами веры. Мистическая, чрезвычайная совестливость людей Запада в религиозных вопросах не позволяла это сделать; в течение столетий скопилось слишком много ненависти. Море можно было открыть только силой оружия.

В 1015—16 гг. была предпринята экспедиция Генуей вместе с Пизой против Сардинии. В 1034 г. они овладели временно Боной на берегу Африки; пизанцы в свою очередь победоносно вступили в порт Палермо в 1062 году и разрушили его арсенал.

В 1087 г. флоты обоих городов, воодушевляемые папой Виктором III, напали на Медию.⁹ Все эти экспедиции были обязаны так же много религиозному энтузиазму, как и авантюризму. С совершенно отличной от венецианцев точки зрения генуэзцы и пизанцы считали себя воинами Христа и церкви, противниками ислама. Они верили, что они видели архангела Гавриила и св. Петра, ведущими их в битву с неверными, и это было после убийства священников Магомета и грабежа мечети в Медине, что они подписали выгодный торговый договор. Собор в Пизе, выстроенный после этого триумфа, удивительно символизировал мистику воителей и земные блага, которые им приносило мореплавание. Колонны и драгоценные мраморы, привезенные из Африки, служили для его украшения; казалось, этим блеском они хотели выразить месть христианства сарацинам, богатство которых вызывало неприязнь и ненависть. Эти чувства выражает современная поэма, полная энтузиазма.¹⁰ Церковь будет вечно сиять, украшенная золотом, драгоценными камнями и одеяниями.

Под контратакой христианства, ислам мало-помалу отступает, начиная с первого крестового похода. В 1097 г. генуэзский флот пристал к берегам Антиохии и привез крестоносцам подкрепление и помощь. Два года спустя, Пиза посылает корабли „по распоряжению папы“ освобождать Иерусалим. С тех пор все Средиземье было открыто, вернее, вновь открыто для западного мореплавания. Как в римскую эру, пути сообщения были восстановлены от одного конца Средиземья до другого. Империя Ислама, поскольку дело касалось моря, пришла к концу. Политические и религиозные результаты крестовых походов были эфемерны. Иерусалимское королевство и княжества Эдессы и Антиохии были вновь завоеваны мусульманами в XII в., но море осталось в руках христиан. Они одни неоспоримо над ним господствовали. Все мореплавание в портах Леванта постепенно перешло под их контроль. Их торговые учреждения множились с удивительной быстротой, в портах Сирии, Египта, островов Ионийского моря. Завоевание Корсики (1091 г.), Сардинии (1022 г.). Сицилии (1058—1098 г.) отняло у сарацин базы операций, которые с IX века были способны держать Запад в блокаде. Флот Пизы и Генуи делал морской путь открытым. Они патронировали рынки Востока, откуда шли продукты Азии, караванным или морским путем через Красное море и Персидский залив, и посещали в свою очередь рынок Византии. Пленение Амальфи норманами в 1073 г. положило конец торговле этого города и освобождало их от его соперничества.

Но успехи Генуи и Пизы вызывали зависть Венеции. Она не могла войти с новопришельцами в долю в торговле, где она имела монополию. Не имело значения единство веры, нации и языка; поскольку они стали соперницами, они были в глазах Венеции врагами. Весной 1100 года венецианская флотилия, встав вдали от Родоса, чтобы подождать флот, который Пиза послала в Иерусалим, напала неожиданно и потопила безжалостно большое число кораблей.¹¹ Так начался конфликт между морскими городами, длившийся во все время их процветания. Средиземье не знало более того римского мира, который ему обеспечила некогда империя цезарей. Расхождение интересов питало враждебность, иногда тайную, иногда открытую между соперниками, которые боролись за первенство. Распри итальянских республик средневековья удвоились в новое время, вследствие затянувшихся споров государств, берега которых омывает Средиземье. С течением времени торговля должна была стать еще более распространенной. В начале XII в. морская торговля распространилась и на берега Испании и Франции; после длительной летаргии, наставшей в конце Меровингского периода, оживился снова

Марсиль; открытие моря было выгодно для Барселоны в Каталонии, откуда короли Арагона вытеснили мусульман. Италия несомненно заняла главное место среди этого первого экономического оживления. Настал необычайный расцвет Ломбардии, куда от Венеции (Восток) и от Пизы и Генуи (Запад) сходилось все торговое оживление Средиземья и где оно сплеталось в целый клубок. На этой удивительной равнине процветали города и деревни. Плодородие почвы делало возможным для них неограниченную экспансию; в то же время легкость получения рынков содействовала ввозу сырья и вывозу изделий. Здесь торговля вызывала появление промышленности, а когда она развилась, Бергамо, Кремона, Лоди, Верона и все старые города, все римские старые муниципии ожили и расцвели сильнее, чем в эпоху античности. Их усиленная производительность, их свежая энергия содействовали их расширению. В южной Тоскане был подъем; на севере были проложены новые дороги через Альпы. Через проходы Сплуген, Сен Бернар и Бреннер купцы могли принести в Европу то самое здоровое оживление, которое к ним приходило с моря.¹² Они следовали по тем естественным дорогам, которые указаны течением рек—по Дунаю на восток, по Рейну на север, по Роне на запад. В 1074 г. итальянские купцы, несомненно ломбардцы, упоминаются в Париже.¹³ В начале XII века ярмарки Фландрии всегда привлекали значительное число итальянцев.¹⁴ Ничего нет более естественного, чем появление южан на Фландрском берегу. Это был результат тяготения, которое обнаруживала одна торговля к другой.

Было уже указано, что в эпоху Каролингов, Нидерланды давали пример торговой активности, которую нигде нельзя было найти в другом месте.¹⁵ Это легко объяснить большим числом рек, которые текли по стране и которые здесь соединяли свои воды перед впадением в море: Рейн, Маас, Шельда. Англия и Скандинавия были так близко, что страну широких и глубоких морских рукавов моряки посещали уже в ту раннюю эпоху. Этому же были обязаны своим значением порты Дюрстеда и Квентовика, однако их значение было переходяще: оно не пережило эпохи норманских вторжений. Чем легче был доступ в страну, тем более она обогащала воителей и тем более она терпела от их вторжений. Географическое положение, которое Венеции обеспечило успех, здесь обрекало страну на разорение.

Вторжения норманов были только первым проявлением нужды в переселении, чувствуемой скандинавскими народами. Переполюнявшая их энергия толкала их вперед, в западную Европу и в Россию, на грабеж и завоевание. Они не были более пиратами. Они хотели подобно германским племенам

в отношении к Римской империи осесть в более плодородных странах, чем была их родина, и здесь создать колонии для избыточного населения своих стран, которого не могла прокормить родина. На восток шли шведы, осаживавшиеся вдоль естественной дороги от Балтики до Черного моря, Невой, Ладожским озером, Ловатью, Волховом, Двиной и Днепром, на запад—датчане и норвежцы, которые колонизовали королевства англосаксов на север от Гумбера. Во Франции Карл Простой им уступил Нормандию, названную по их имени. Эти успехи имели своим результатом ориентацию в новом направлении деятельности скандинавов. С начала X в. они обратились от войны к торговле.¹⁶ Их корабли плавали бесстрашно и не имея соперников по северным морям. Достаточно обратиться к красивым рассказам саг, чтобы составить понятие о мужестве и искусстве моряков-варваров, о приключениях и подвигах, о которых эти саги повествуют. Каждую весну, с открытием моря, они отправлялись в путь: они показывались в Исландии, Ирландии, Англии, Фландрии, при устье Эльбы, Везера и Вислы, на островах Балтийского моря, на берегах Ботнического и Финского заливов. У них были колонии в Дублине, Гамбурге, Шверине, на Готланде. Благодаря им поток торговли, которая направлялась от Византии и Багдада и пересекала Россию через Киев и Новгород, направился на берега Северного моря и здесь оказал свое благотворное влияние. Во всей истории едва ли есть более любопытное явление, чем эффект, оказанный на северную Европу высшей цивилизацией—греческой и арабской, которой скандинавы были посредниками. В этом отношении их роль та же на севере, что Венеции на юге. Подобно ей, они установили связь между Востоком и Западом. И, как коммерческая деятельность Венеции в короткий срок вовлекла в нее Ломбардию, так скандинавское мореплавание принесло экономическое пробуждение берегам Фландрии.

Географическое положение Фландрии толкало ее на блестящую роль—стать западным фокусом для морской торговли на севере. Фландрия представляла естественную остановку для кораблей, идущих из Англии, или для кораблей, прошедших через Зунд и направлявшихся на юг. Порты Квентовика и Дюрстеда посещались норманами перед периодом вторжений; сначала один, а потом другой исчезли в эпоху вторжений. Квентовик не оправился снова, и Брюгге занял его место; его положение у Цвинского залива было лучше, чем положение его предшественника. В начале X в. скандинавские моряки снова показались около Дюрстеда. Но его благополучие продолжалось недолго; по мере процветания торговли, она все более концентрировалась около Брюгге, ближе

к Франции; фландрские графы обеспечивали более прочное мирное положение, между тем как окрестности Дюрстеда были подвержены нападениям полуварваров—фризов—и не пользовались безопасностью. Брюгге все более и более привлекал к себе торговлю Севера, и в XI в. исчезновение Дюрстеда обеспечило окончательно за Брюгге будущее. Тот факт, что монеты фландрских графов Арнольда II и Балдуина IV (956—1035 гг.) были найдены в значительном числе в Дании, в Пруссии, в России, свидетельствует, при недостатке письменной информации, о тех сношениях со странами, которые Фландрия удержала за собой с помощью скандинавских моряков.¹⁷ Сообщение с близлежащей Англией стало более оживленным. В Брюгге в 1030 г., поселилась королева англосаксов Эмма, выгнанная из Англии. В 991—1002 гг. перечень рыночных пошлин в Лондоне упоминает фламандцев, как если бы они были самой важной группой иностранцев, торговавших в Лондоне.¹⁸

Среди причин торгового значения, которое так рано характеризовало Фландрию, должна быть указана та, что в этой стране существовала местная промышленность, способная снабжать корабли, которые приставали здесь, возвращаясь с ценным грузом. С римской поры и, вероятно, еще прежде Морины и Менапии делали шерстяные ткани. Эта примитивная промышленность должна была усовершенствоваться под влиянием технических улучшений, внесенных римским завоеванием. Особая тонкость шерсти овец, пасшихся на влажных береговых лугах, была фактором, обеспечивающим успех. Туники (*saga*) и плащи (*birri*), которые производились здесь, вывозились за Альпы, и здесь в Турне, в последние дни империи, было производство военной одежды. Германское вторжение не прекратило эту промышленность. Франки, которые вторглись во Фландрию в V в., продолжали носить эту одежду так же, как это делали прежде старые жители, и нет сомнения, что фризские плащи, о которых говорит историк IX в., были сделаны во Фландрии.¹⁹ В Каролингскую эпоху существование правильной торговли поддерживали только эти одни изделия. Фризы транспортировали их по Шельде, Маасу и Рейну, и когда Карл Великий хотел одарить халифа Гарун-ар-Рашида, он не нашел ничего лучшего, как предложить ему *pallia fresonica*. Можно предположить, что эти ткани, замечательные красотой окраски и нежностью, должны были привлекать внимание скандинавских мореплавателей X века. Нигде в северной Европе нельзя было найти более ценных изделий; и они без сомнения встречались рядом с мехами Севера и с арабскими и византийскими шелковыми тканями среди вывозимых товаров. Новые рынки,

открытые мореплаванием, давали дальнейший импульс производству тканей. В XI в. успехи Фландрии были удивительны: Фландрия торговала с северной Францией, вина которой она получала за свои ткани. Завоевание Англии Вильгельмом нормандским привязало к континенту эту страну, которая до того времени вращалась в орбите Дании, и усилило связи, которые Брюгге поддерживал с Лондоном. Рядом с ними появляются такие центры: Гент, Ипр, Лилль, Дуэ, Аррас, Турне; ярмарки были устроены графами Зсороу в Мессинсе, Лилле и Ипре.

Не одна Фландрия испытала спасительное действие северного мореплавания. Влияние ощущается вдоль рек, которые впадали в море в Нидерландах. Камбре и Валансьен на Шельде, Льеж, Гюи и Динант на Маасе уже в X в. упоминаются как центры торговли; то же будет верно в отношении Кельна и Майнца на Рейне. Берега канала и Атлантики, далеко отодвинутые от центра активности Северного моря, повидимому, не имели того же самого значения. Упоминание о них, за исключением Руана, делалось естественно лишь в тесной связи с Англией и далее на юг, с Бордо и Байонной, развитие которых шло более медленно. Как и внутренняя Франция и Германия, они были затронуты только очень поверхностно экономическим развитием, которое малодумало распространялось с двух концов, от Италии и Нидерландов.

Только в XII в. западная Европа постепенно, но окончательно преобразовалась. Экономическое развитие освобождало ее от традиционной неподвижности, на которую ее осуждала социальная организация, построенная только на отношениях человека к земле. Торговля и промышленность не только находили место рядом с сельским хозяйством, они воздействовали на него. Его продукты не служили только для местного потребления собственника земли и земледельца, они были в общем обороте, как объекты обмена или как сырье. Рамки домениальной системы были разбиты, и весь социальный порядок стал более гибким, более разнообразным. Страна снова ориентировалась на города. Под влиянием торговли ожили старые римские города, вновь были заселены, или торговые группы образовали поселения около военных бургов или основывали города на морских берегах, на реках, при их слиянии, при скрещении естественных путей сообщения. Каждый из них создавал рынок, который притягивал, пропорционально своей значительности, окружающую страну или распространял свое влияние далеко за нее.

Эти города встречались повсюду с широким или узким кругом влияния. В среднем, город приходится на каждый пятый квадрат в три географических мили. Они были необходимы;

они вносили в общество то разделение труда, без которого нельзя было обойтись. Между городом и деревней был установлен взаимный обмен услуг. Растущая внутренняя солидарность связывала их вместе; деревня давала продовольствие городам, а город снабжал ее товарами. Физическая жизнь бюргера зависела от крестьянина, но социальная жизнь крестьянина зависела от бюргера. Бюргер создавал ему более комфортабельную жизнь, более тонкую жизнь и, удовлетворяя его желания, увеличивал его запросы, повышал общий уровень жизни. Города внесли новое понятие о труде. Перед этим труд был рабским, теперь он стал свободным, и последствия этого факта, к которому мы вернемся, неизмеримы. Экономическое оживление, расцвет которого XII столетие уже видело, увеличило силу капитала, и ни один период во всей истории не имел более глубокого влияния на человечество. Испытывающая прилив свежих сил, преобразуемая, шествующая по пути прогресса, новая Европа оказывалась более похожей на античную Европу, чем Европа Каролингов: она получила снова характер страны городов. И если в политическом отношении роль городов была больше в античности, чем в средневековье, то, наоборот, их экономическое влияние позднее было сильнее, чем прежде. Говоря вообще, крупные торговые города были относительно редки в западных провинциях Римской империи. Если исключить сам Рим, то здесь едва ли были другие, кроме Неаполя, Милана, Марсея и Лиона. Ничего не было тогда, что можно бы сравнить с тем, чем были в начале X века такие порты, как Венеция, Пиза, Генуя или Брюгге или центры промышленности, как Милан, Флоренция, Ипр, Гент. В Галлии важное место, занимаемое в XII в. античными городами, как Бордо, Кельн, Нант, Руан и другие, было много влиятельнее той роли, которую они играли при императорах. Наконец, экстенсивность экономического развития средневековой Европы идет далеко за пределы римской империи. Вместо того, чтобы держаться берегов Рейна и Дуная, как границ, оно переходит в Германию и доходит до Вислы. Области, которые в начале нашей эры, проезжали только торговцы янтарем и мехами и которые казались негостеприимными, как сердце Африки, многим нашим предкам, были покрыты городами. Зунд, который не посещал ни один торговый корабль, был оживлен постоянными поездками кораблей. Корабли плавали по Балтике и Северному морю так же, как и по Средиземью. Здесь было много портов на берегах обоих морей.

Торговля господствовала на двух внутренних морях, которые связывались удивительно зазубренной береговой линией континента Европы. Как итальянские города были отодвинуты

от Средиземья арабами, так в XII в. германские города были отодвинуты скандинавами от Северного моря и Балтики, на которых впоследствии утвердилось торговля городов Ганзы. Таким образом, коммерческое расширение, которое началось в двух пунктах Европы, где она соприкасалась с внешним миром (Венеция и восток; Фландрия и русско-скандинавский север), расширяло свое благотворное влияние на весь континент. Внутри эти два движения встретились. Место встречи было в среднем пункте естественной дороги, которая лежала от Брюгге к Венеции, в равнине Шампани, где в XII в. возникли известные ярмарки (*messae*) Труа, Ланьи, Провенсе и Барсюроба, которые до конца XIII в. исполняли в средневековой Европе функцию обмена и разменной палаты.

Глава V.

ТОРГОВЫЙ КЛАСС.

По вопросу о происхождении торгового класса наши сведения далеки от того, чтобы быть удовлетворительными. Невозможно реконструировать точную картину подъема торгового класса, который воодушевлял торговое движение и распространял его по всей Европе. В некоторых странах торговля зарождается, как оригинальное и самостоятельное явление. В Греции и Скандинавии, например, мореплавание было так же древне, как и сельское хозяйство; все вело людей к тому, чтобы заниматься им: глубокая изрезанность береговой линии, изобилие гаваней, тонкая привлекательность этих островов и низко лежащих берегов, которые видимы на горизонте и которые делают морское путешествие более заманчивым, так как здесь слишком мало надежды на землю, столь же бесплодную, как и дома. Близость более древних и слабо защищаемых цивилизаций создавала охоту к грабежу, обещавшему богатство. Пиратство было родоначальником морской торговли греков гомеровской поры, как и северных викингов. Долгое время два момента сплетались вместе. Ничего подобного не было в средние века. Германские народы, вторгавшиеся в V в. в римские провинции, были совершенно чужды мореплаванию. Они ограничивались приобретением земли, и мореплавание на Средиземьи продолжало играть ту же миролюбивую роль, как и при империи.

Мусульманское вторжение, которое принесло с собой разрушение и заперло море, не вызвало реакции, и континент, лишившись своих традиционных рынков, оставался в сущности страной деревенской цивилизации. Спорадическая торговля, которую вели евреи, корабейники и случайные купцы

в эпоху Каролингов, была слишком слаба и была обессилена вторжениями норманов и сарацинов, чтобы верить, что она была предтечей коммерческого оживления, первые симптомы которого видны в X веке. На первый взгляд кажется, что торговый класс вырос мало-помалу среди земледельческого населения. Но нельзя в это поверить. В социальной организации позднего средневековья, где всякая семья от отца до сына была привязана к земле, едва ли можно видеть какую-либо возможность, которая позволила бы людям заменить средства существования, обеспеченные владением землей, ненадежными и изменчивыми средствами существования, какие дает торговля. Любовь к выгоде и желание улучшить условия жизни должны были иметь очень мало веса для населения, привыкшего к традиционному образу жизни, не имеющего соприкосновения с внешним миром, в котором ни новост, ни любопытство не поражали воображения, в котором дух инициативы, вероятно, совершенно отсутствовал.

Хотя крестьяне посещали узкие местные рынки, никогда они не получали от них достаточно монеты, чтобы гореть желанием или быть склонными постигнуть возможность образа жизни, базирующегося на торговле. Их образ жизни должен был казаться им нормальным и обычным занятием. Мысль продать землю, чтобы получить движимое имущество, конечно, никому из них не приходила в голову. Состояние общества и общепринятый взгляд на жизнь были против этого. Нет ни малейшего доказательства, чтобы кто-либо стал думать о таких отважных переменах. Некоторые историки думали указать, как на предтечу купцов средневековья, на тех слуг, которым большие аббатства поручали заботу об обеспечении аббатства извне необходимыми благами для существования и которым они иногда вверяли продажу на соседних рынках излишков урожая. Как ни гениальна эта гипотеза, она не выдерживает испытания. Во-первых, купцы аббатств были слишком многочисленны, чтобы влиять на такой крупный момент. Во-вторых, они не были свободными агентами, но исключительно служили своим господам. Не видно, чтобы кто-нибудь из них вел дело на собственный счет. Неудачна была попытка и, конечно, всегда не будет удачна связывать этих купцов и торговый класс, генезис которого мы здесь рассматриваем. Все это можно подкрепить еще тем соображением, что торговая профессия появилась в Венеции тогда, когда ничто еще не давало повода ожидать ее распространения в западной Европе. Кассиодор описывает в VI в. венецианцев, как моряков и торговый народ. Установленный факт, что в IX в. находились очень крупные состояния в этом городе. Торговые договоры, которые Венеция позднее заключила с каро-

лингскими императорами или с императорами Византии, не оставляют места для сомнения в характере жизни ее населения. К несчастью, здесь нет данных о способе, каким капитал был собран, и об его применении. Но более чем вероятно, что соль, приготовленная на островах лагун, составляла в раннее время предмет прибыльного торгового экспорта. Береговая торговля вдоль Адриатики и особенно связи города с Константинополем давали громадные выгоды. Размеры, каких техника венецианской торговли достигла в X веке, были чрезвычайны.¹ В период, когда всюду в Европе обучение было монополией духовенства, умение писать в Венеции уже было распространено. Очевидно, здесь существовала тесная связь между этим любопытным явлением и развитием торговли. Это была система кредита, которая, по всей вероятности, помогла торговле достигнуть в раннюю эпоху высокой точки развития.

Известно, что здесь не сохранилось архивных данных о торговле, возникшей ранее первой половины XI века. Но обычай морских ссуд кажется так сильно развившимся, что его происхождение необходимо датировать более ранним моментом. Венецианский купец был в состоянии заимствовать от капиталиста необходимые деньги для финансирования груза, под условием уплаты процента, около 20 за сто. Корабль нанимался несколькими купцами коллективно, и риск плавания, сопряженный с морскими экспедициями, несла флотилия, составленная из нескольких кораблей, снабженных хорошо вооруженным экипажем.² Все показывает, что выгоды были крайне велики. Если в этом отношении венецианские документы едва ли дают ценную информацию, то мы можем компенсировать их молчание генуэзскими источниками. В XII в. морские ссуды, экипировка кораблей, деловые приемы в обоих городах были одинаковы.³ Что мы знаем о громадных прибылях, получаемых генуэзскими моряками, должно равным образом почитаться верным и для их предшественников венецианцев. Мы знаем, что торговля, и именно торговля в том и другом месте была способна дать громадный капитал тем, счастьем которых еще содействовали энергия и ум.⁴ Но секрет быстрого и раннего обогащения венецианских купцов несомненно находится в тесном отношении, которое связывало их коммерческую организацию с организацией Византии, а через последнюю с коммерческой организацией античности. В самом деле, Венеция принадлежала Западу только по своему географическому положению; она была чужда Западу по жизни и по духу. Первые колонисты лагун, беглецы из Аквилеи и соседних городов, принесли сюда экономическую технику и средства Рима. Постоянные и деятель-

ные отношения, которые с тех пор продолжали связывать город с Византийской Италией и Константинополем, содействовали развитию этого важного коммерческого центра. Между Венецией и Востоком, где хранилась тысячелетняя традиция культуры, контакт никогда не прекращался. Венецианские мореплаватели могут быть рассматриваемы как наследники тех сирийских моряков, которые были так деятельны в Марселе и Тирренском море до времени мусульманского вторжения. Они не нуждались в длинном и трудном обучении для того, чтобы стать способными к крупной торговле. Традиция ее никогда не была покинута, и это объясняет то особое место, которое они заняли в экономической истории западной Европы. Нельзя отрицать, что коммерческие законы и обычаи античности были причиной превосходства, которое они обнаруживали и которым они владели сначала. Византийское влияние, такое характерное для политической конституции Венеции в течение ранних столетий, отпечатлелось и на ее экономическом строе. В остальной Европе торговая деятельность медленно отходила от того состояния, при котором всякий след ее отсутствовал. В Венеции она явилась в одно время с городом; тут был пережиток римского мира. Венеция естественно оказала глубокое влияние на другие приморские города, которые в XI веке начали являться: сначала Пиза и Генуя, позднее Марсель и Барселона. Но она, видимо, не содействовала формированию торгового класса, благодаря которому торговая деятельность распространилась мало-помалу от берегов моря на внутренний континент. Тут мы находимся перед лицом совершенно отличных явлений, в отношении которых нет оснований верить, что они связаны с экономической организацией античности. Конечно, венецианские купцы встречались рано в Ломбардии и на севере Альп, но не видно, чтобы они основывали колонии. Условия, поддерживающие торговлю в стране, были слишком отличны от условий торговли на море, чтобы они имели влияние на нее; сверх того, на это нет документальных указаний. В X в. появился вновь на континенте Европы класс профессионалов купцов, прогресс которого, сначала очень медленный, в следующее столетие приобрел большую быстроту.⁵ Рост населения, который начал обнаруживаться в то же самое время, конечно, стоит в прямом отношении к этому явлению. Он имел тот результат, что оторвал от земли большое число индивидуумов и направил их к тому бродячему и рискованному существованию, которое во всяком аграрном обществе выпадает на долю тех, кто не находит своих корней в земле. Все это умножало число бродяг, собиравшихся со всего общества, живущих изо дня в день

от монастырских кормов; нанимавшихся на работу во время урожая, вступавших в армии во время войны и склонных к грабежу, когда представится случай. Среди этого подвижного люда надо искать, без сомнения, первых адептов торговли. Их образ жизни естественно гнал их туда, где обилие жителей давало им надежду на прибыль или какую-либо удачу. Если они всегда принимали участие в пилигримажах, то, конечно, не менее привлекали их к себе порт, рынок, базар. Здесь их нанимали как моряков, лодочников, носильщиков. Люди энергичные, готовые к жизни, полной неожиданностей, преобладали среди них. Многие знали иностранные языки, знакомы были с обычаями и нуждами разных стран.⁶ Пусть счастливый случай представится—а небо знает, что в жизни странника случаи многочисленны—они были замечательно хорошо приспособлены, чтобы всюду извлекать выгоду.

Малая выгода, при искусстве и уме, может быть обращена в большую выгоду. Это особенно должно быть верно в эпоху, когда недостаточность сообщений и относительная редкость товаров, доставленных для сбыта, должны были естественно держать цены на очень высоком уровне. Голод часто посещал Европу то там, то здесь вследствие неодинаковых путей сообщения и увеличивал возможность обогащаться для тех, кто знал, как из этого сделать выгоду.⁷ Несколько мешков пшеницы, своевременно доставленных в нужное место, давали огромную прибыль. Для человека искусного и бережливого тут не было сомнений, а судьба тогда обеспечивала надежду на выгодные операции. Это было, конечно, незадолго до появления новых богачей среди этой жалкой толпы обедневших, босоногих странников мира.

К счастью, тут есть источник информации, который достаточно доказывает, что это было действительно так. Достаточно процитировать характерную биографию св. Годрика Финкальского (*Libellus de vita et miraculis S. Godrici, heremitae de Finchale, auctore Reginaldo monacho Dunelmensi*).

Важность этого текста для экономической истории недавно хорошо отмечена Фогелем.⁸ Он родился в конце XI в. в Линкольншире в бедной крестьянской семье и должен был с раннего детства искать средств к жизни. Подобно многим несчастным, он подчищал берег и собирал обломки, выкидываемые волнами; он, может быть, следуя тем, кто находит счастье, был коробейником и бродил по стране с коробом за спиной. Случайно с ним произошла перемена, и он присоединился к каравану торговцев, совершавших свой страннический путь. Вместе с ними он ходит от одного рынка к другому, от базара к базару, из города в город. Таким

образом он стал торговцем по профессии, быстро извлек большие выгоды и вошел в ассоциацию с своими товарищами, нанял сообща с ними корабль и занялся морской торговлей по берегам Англии, Шотландии, Дании и Фландрии. Компания удачно вела свое дело. Ее операции состояли в транспорте товаров, о которых было известно, что в них нужда, и в покупке на обратный путь товаров, которые они старались поместить там, где спрос был самый большой и где могли быть вследствие этого получены большие прибыли. Через несколько лет этот разумный обычай покупать дешево и продавать дорого делает Годрика очень богатым человеком. Это было тогда, когда он, движимый милосердием, неожиданно отказался от жизни, которую он вел, отказался от своих владений ради бедности и стал отшельником. История Годрика, если мы освободим ее от мистического конца, была историей очень многих. Это ясно показывает, как человек, не имея ничего, был способен в короткое время собрать большой капитал. Обстоятельства и удача содействовали тому, чтобы сделать его состоятельным. Но основная причина его успеха — был ум, или скорее понимание дела, и современная биография, которой мы обязаны рассказом, на этом делает ударение.⁹

Годрик был, видимо, точным калькулятором, одаренным тем торговым инстинктом, который нередко можно было встретить во всякую эпоху среди предприимчивых натур. Дух прибыли руководил его деятельностью, и в нем легко узнать тот знаменитый дух капитализма (*spiritus capitalisticus*), который, некоторые уверяют, датируется только с эпохи Ренессанса. Нелепо допустить, что Годрик делал дела только, чтобы покрыть свои ежедневные нужды. Вместо того, чтобы складывать на дно своих сундуков монету, которую он получал, он использовал ее, чтобы сохранить и расширить свою торговлю. Это не значит использовать слишком современное выражение, если сказать, что прибыль, которую он получал, была положена им в дело для того, чтобы насколько возможно увеличить его оборотный капитал. Несколько странно наблюдать, что сознание этого будущего монаха было совершенно свободно от всякой религиозной совести. Его цель отыскать для всякого товара рынок, где была бы наивысшая прибыль, находилась в открытом противоречии с тем осуждением, с которым церковь относилась ко всякого рода спекуляции, и с экономической доктриной о справедливой цене (*Qui comparat rem ut illam integram et immutatam dando lucretur, ille est mercator qui de templo Dei ejicitur*).¹⁰ Фортуна Годрика не может быть объяснена только деловыми способностями. В обществе, таком неупорядоченном, каким оно было

в XI веке, частная инициатива может иметь успех только при поддержке ассоциации. Слишком много грозит опасностей существованию купца для того, чтобы не налагать на него прежде всего необходимость создавать группы для целей общей защиты. Также и другие мотивы побуждали его к союзу с его товарищами. На ярмарках и рынках, когда возгорается спор, он находит в них нужных свидетелей или поручителей, что обеспечивает его перед судом. Сообща с ними он способен купить товар, который на свои средства он не был бы способен приобрести. Его кредит был увеличен коллективным кредитом тех, к которым он принадлежал и благодаря этому он был более способен побеждать своих соперников. Биография Годрика передает нам его собственными словами, что со времени вступления его в союз купцов его благосостояние пошло в гору. Делая такой шаг, он следовал обычаю. Торговля в позднее средневековье была известна только в той примитивной форме, где караван есть характерный признак. Морская и сухопутная торговля была возможна только благодаря взаимопомощи ассоциации, вдохновлявшей своих членов, благодаря дисциплине, которая возлагалась на них, благодаря регулирующим правилам, которым она подчиняла их. Эти особенности были всегда налицо. Лодки плыли только тогда, когда собирались во флотилию, так же как купцы ездили по стране только караванами. Безопасность гарантировалась только силой, а сила была следствием коллективности. Будет ошибкой видеть в торговых ассоциациях, следы которых можно найти в X в., специфически германское явление. Верно, что выражения, которые были употребляемы, чтобы обозначать это явление на севере Европы, — *gild* и *hanse* — происходят из Германии.¹¹ Но способ кооперирования встречается всюду в экономической жизни, и, какие различия ни были бы в деталях, существенное всюду одно и то же, потому что всюду здесь были одни и те же условия, которые делали кооперацию необходимой. В Италии и в Нидерландах торговля была способна расширяться только через кооперацию. *Frairies*, *charités*, торговые *compagnies* стран романского языка были вполне аналогичны *gilds* и *hanses* Германии. Что определяло экономическую организацию, был не „национальный гений“, но социальная необходимость. Примитивные институты торговли были космополитичны, как и институты феодальной системы. Источники позволяют получить отчетливую мысль о торговых компаниях, которые с X века были основываемы в большом числе в з. Европе.¹² Они должны быть изображаемы, как вооруженные отряды, члены которых, снабженные луками и мечами, окружали караван, нагруженный мешками, тюками и бочками. Во главе

каравана шествует знаменосец. Глава Hansgraf или Doyen простирает свою власть на гильдию. Она составлена из братьев, связанных друг с другом клятвой верности. Дух тесной солидарности воодушевлял всю группу. Товар, очевидно, покупали и продавали сообща и прибыль делили по дямам, согласуя долю каждого с долей в ассоциации. Кажется, эти компании, как общее правило, делают очень длинные путешествия.

Будет определенной ошибкой понимать торговлю этой эпохи, как местную торговлю, строго ограниченную чертой местного рынка. Кажется, что итальянские товары заходили так далеко, как в Париж и во Фландрию. В конце X века порт Лондона регулярно посещали купцы из Кельна, Гюи, Динана, Фландрии и Руана. Современный текст говорит о людях из Вердена, торгующих с Испанией.¹³ В долине Сены, Парижская гильдия речных купцов была в постоянных сношениях с Руаном. Биография Годрика, давая перечень его далеких экспедиций на Балтийское и Северное море, в то же время бросает свет на экспедиции его товарищей. Это была торговля на далекие расстояния, которая была характерной для экономического оживления средневековья. Если корабли Венеции и Амальфи, а позднее Пизы и Генуи спускались на воду с самого начала для длинных морских путешествий, то купцы континента вели свою странническую жизнь, пересекая по сухопутью обширные расстояния.¹⁴ Совершенно ясно, что это был для них только способ получения крупных выгод. Чтобы получить высокую цену, было необходимо искать продукты далеко, где они были в изобилии, чтобы позднее продать их с прибылью, где их редкость поднимала их цену. Самое далекое путешествие было и самое выгодное для купца. Легко заметить, как желание прибыли было достаточно сильно, чтобы уравновесить тягости, риск и опасности путешествия, соединенного со всякими случайностями. Исключая зимы, купец средневековья всегда в дороге. Английские тексты XII в. живописно изображали его под именем „пыльные ноги“¹⁵.

Этот бродяга, этот странник торговли, странностями своего образа жизни с самого начала должен был удивлять земледельческое общество в виду всех обычаев, вопреки которым он шел и среди которых ему не было места. Он вносил подвижность в среду народа, крепкого земле. В мир традиции и иерархии, где была установлена роль и ранг каждого класса, он вносил суровую и рациональную активность, при которой судьба каждого, вместо того, чтобы зависеть от социального положения, зависела только от ума и энергии. Неудивительно, что он терпел обиды. Дворянство

презирало этих выскочек, неизвестно откуда пришедших, надменное благополучие которых они не могли переносить. Они бесились при виде людей более богатых монетой, чем они, дворяне; их унижала обязанность обращаться за помощью во время смуты к кошельку этих новых богачей. Исключая Италии, где аристократические фамилии не колебались увеличить свое состояние прибылью от коммерческих операций, от ссуды денег, предрассудок, что деградирующим моментом была всякая деловитость, оставался глубоко заложенным в сердце феодала вплоть до времен французской революции.

Духовенство тоже смотрело с осуждением на деятельность купцов. В глазах церкви коммерция мешает спасению души. „Купец“, говорит текст, приписанный Иерониму, „может угодить Богу, только с трудом“. Торговля казалась канонистам формой ростовщичества; они осуждали искание выгоды, которое они смешивали с жадностью. Их доктрина „справедливой цены“ была средством отвергнуть экономическую жизнь аскетизмом, несовместимым с естественным развитием последней. Всякая форма спекуляции казалась греховной. Эта суровость не была связана со строгой интерпретацией христианской морали. Скорее она была обязана тем условиям, среди которых существовала церковь. Существование церкви зависело исключительно от домениальной организации, которая, как было показано выше, была чужда всякой идее предприятия и выгоды. Если прибавить к этому идею бедности, которой клунийская мистика дала религиозный пыл, то можно понять, почему церковь заняла недоверчивое и враждебное отношение к торговому оживлению, которое, с самого начала, казалось делом срамным и причиняющим беспокойство. Жизнь св. Гвидона Андерлехтского говорит о позорной торговле, *ignobilis mercatura* и называет купца слугой дьявола, *diaboli minister*¹⁶. Мы должны допустить, что это положение имело свою хорошую сторону; оно имело тот результат, что предупреждало страсть к наживе, к ее беспредельному расширению; оно защищало несколько бедняка от богача, должника от кредитора. Бичевание за долги, известное античному миру, было изъято из социального порядка средневековья, и это могло быть потому, что церковь содействовала этому счастливому порядку. Общий престиж, которым она пользовалась, служил моральной сдержкой. Если его было недостаточно, чтобы подчинить торговца доктрине „справедливой цены“, то его было достаточно, чтобы удержать его от необузданной жадности к наживе. Торговцы были очень обеспокоены опасностью лишиться вечного спасения. Было много таких, которые, на смертном одре, добровольно

основывали благотворительные учреждения или отчуждали часть своего состояния, чтобы оправдать суммы, несправедливо приобретенные. Назидательная кончина Годрика говорит о внутреннем конфликте, который должен был часто происходить в их душах между необузданным стремлением к наживе и моральными предписаниями религиозной морали, которую их профессия обязывала всегда нарушать.¹⁷

Законный статут купцов обеспечивал им особое место в обществе, которое они удивляли во многих отношениях. В силу бродячего образа жизни, который они вели, на них всюду смотрели, как на чужаков. Никто не знал происхождения этих вечных скитальцев. Большинство среди них не было свободного происхождения; они покинули родителей, чтобы броситься в авантюру. Но крепостное состояние не могло быть предполагаемо: его нельзя было доказать. Закон считал свободным человеком всякого, кто не был приписан к господину. Отсюда вытекало, что было необходимо трактовать купцов, большая часть которых без сомнения была сыновьями сервов, как людей, которые всегда пользовались свободой. Оторвавшиеся от своей родной почвы, они действительно были свободны. Среди общества, где население было прикреплено к земле, где каждый был зависим от господина, они представляли странную картину людей, которые всюду бывают без того, чтобы кто-нибудь их задерживал. Они не требовали свободы; она им была уступлена, так как никто не мог доказать, что они не пользовались ей. Они приобрели ее, так сказать, по обычаю и по давности.

Коротко говоря, аграрная культура сделала из крестьянина человека, нормой для которого было рабство; торговля сделала из купца человека, нормальным условием которого была свобода. С этих пор вместо того, чтобы подчиняться сеньориальной и домениальной юрисдикции, он подчинялся лишь публично-правовой. Компетентны его судить были свободные суды, старый обломок судебной конституции франкского государства.¹⁸ Публичная власть в то же время держала над ним покровительство. Местные князья, целью коих было сохранить в своих владениях мир и публичный порядок — к чему относилась охрана проездных дорог и путешественников — простирали свою опеку и на купцов. Делая так, они продолжали традицию государства, власть которого они узурпировали. Карл Великий в своей империи приложил много забот к тому, чтобы сохранить мир на дорогах. Он издал эдикты в пользу пилигримов и торговцев, иудеев и христиан, а капитулярии его преемников показывают, что они остались верными этой политике. Императоры Саксонской династии следовали по тому же пути; короли Франции,

получив власть, делали то же самое. Князья имели интерес привлекать купцов в свои владения, куда те приносили оживление и тем увеличивали доходы с рыночных пошлин. Графы принимали решительные меры против разбойников, охраняя безопасность на ярмарках и на путях сообщения. В XI в. заметен большой прогресс, если иметь в виду, что, по словам хроник, прежде были области, где никто не мог проехать с мешком полным золота, не подвергаясь риску быть ограбленным. С своей стороны, церковь наказывала грабителей отлучениями, и божий мир, созданный по ее инициативе в X в., покровительствовал купцам в особенности. Но не было достаточно поставить купцов под охрану и юрисдикцию публичного авторитета. Новизна их профессии имела дальнейшие результаты. Она заставила закон, созданный для культуры, базирующейся на сельском хозяйстве, стать более гибким и удовлетворить основным нуждам, которые к нему предъявлялись. Судебная процедура, с ее суровым и традиционным формализмом, с ее сроками, с ее методами доказательств, столь примитивными, как поединок, с ее злоупотреблением правом поручительства, с ее ордалиями, которые влияли на исход суда, была для купцов вредной. Они нуждались в простой законной системе, более быстрой и более справедливой. На ярмарках и рынках они создали среди своих право торговцев — *jus mercatorum*, самые древние черты которого заметны с начала XI в.¹⁹ Весьма вероятно, что это право было введено очень рано в судебную практику, по крайней мере, в делах между купцами. Оно должно было вылиться для них в форму персонального закона, в благодеянии которого судьи не имели мотива им отказывать²⁰ („Купцы Тилы“, говорит источник, „выносят решения не по закону, а по усмотрению“). Современные тексты, которые освещают это, к несчастью, не разъясняют вопроса о времени. Нет сомнения все же, что это был сборник обычаев, родившихся из делового опыта, которые распространялись повсюду, по мере распространения самой торговли. Большие ярмарки, куда приходили купцы с разных сторон и которые имели специальный суд, быстро действующий, должны были с самого начала создать вид коммерческого суда, невзирая на различия стран, языков и национальных законов. Купец оказывался не только свободным человеком, но и привилегированным еще кроме того. Подобно клирику и дворянину, он пользовался законными изъятиями. Подобно им, он ускользал от домениальной и специальной власти, которая продолжала тяготеть над крестьянами.

СРЕДНИЙ КЛАСС.

Ни в одной цивилизации городская жизнь не развивалась независимо от торговли и промышленности. Ни античность, ни новое время не составляют из этого правила исключения. Различие климатов, народов, религий так же несущественно, как и различие эпох. Это правило действительно для прошлого, для городов Египта, Вавилонии, Греции, Рима, арабов, как и для нашего времени, для городов Европы, Африки, Индии, Японии и Китая. Универсальность этого явления объясняется его необходимостью. Городская группа может жить только ввозом излишков продовольствия со стороны. На этому ввозу, с другой стороны, должен соответствовать вывоз фабрикатов, составляющих к этому ввозу известный эквивалент. Так устанавливается между городом и прилегающей округой обмен услуг. Торговля и промышленность обязательны для поддержания этой взаимной обусловленности. Без первой—без обеспечения постоянной торговли, без второй—без снабжения благами обмена—город должен погибнуть¹. Это условие подчинено различным другим моментам. В зависимости от места и времени иногда торговля, иногда промышленность составляют главную особенность городского населения. В древности, конечно, значительная часть городского населения состояла из земельных собственников, живущих трудом своим или доходами с земель, которые им принадлежали. Но остается не менее верным и то, что по мере развития городов, ремесленники и торговцы увеличивались в числе. Деревенское хозяйство, более древнее, чем городское, продолжало жить бок-о-бок с последним, наличность одного не исключала развития другого.

Города средневековья являют собой очень своеобразную картину. Торговля и промышленность сделали их тем, чем они были. Они не переставали расти под этим влиянием. Никогда в истории не был так резок контраст, как тот, который социальная и экономическая организация города представляла социальной и экономической организации деревни. Никогда прежде не существовал, кажется, класс людей, так специфически и строго городской, каким был класс средневековой буржуазии². Нельзя сомневаться, что происхождение этих городов обязано коммерческому оживлению, как своей причине. Доказательство этого может быть найдено в тесном соответствии, которое замечено между ростом торговли и подъемом городов. Италия и Нидерланды, где торговля впервые показала, как раз те страны, где города впервые

проявили себя и где быстро и мощно развились. Легко установить, как шаг за шагом с прогрессом торговли множились и города. Они появились вдоль естественных путей, по которым распространялась торговля. Они зарождались, так сказать, под ее кровом. Они основывались прежде всего на морских и речных берегах. По мере того, как коммерческое оживление росло, новые города основывались вдоль поперечных путей, которые связывали друг с другом эти центры деятельности. Положение дел в Нидерландах очень типично. В X в. ранние города были основаны на берегу моря или на берегу Мааса и Шельды. Промежуточная область, Брабант, их еще не знала. Мы должны ждать до XII в., когда они появятся на дороге, которая лежит между этими двумя большими реками. Подобные наблюдения можно сделать и в другом месте. Карта Европы, где была отмечена относительная важность торговых дорог, будет вполне совпадать с чертежом, отображающим относительную важность групп городов.

Города средневековья показали чрезвычайное разнообразие типов. Каждый имел особое отличие и индивидуальные черты. Каждый из них отличался от другого, как человек отличается от подобных себе. Их можно классифицировать сообразно некоторым общим типам. И эти типы похожи друг на друга в своих существенных чертах. Следует попытаться нарисовать эволюцию городской жизни западной Европы. Конечно, картина будет неизбежно слишком схематична, не будет точно отображать своеобразие, но она явится описанием того, что есть общего для целой группы городов, если отвлечься от индивидуальных характеристик. Будут даны только общие линии, как бы вид с птичьего полета.

Как бы то ни было, предмет оказывается менее сложным, чем это кажется при первом взгляде. Бесплодно, конечно, при внешних очертаниях происхождения европейских городов, рисовать бесконечную сложность, которую они собой представляют. Городская жизнь прежде всего развивалась только в ограниченной территории Нидерландов и Северной Италии и в соседних странах. Будет достаточно, если мы ограничимся последними, пренебрегая поздним развитием, которое, как бы оно ни было интересно, было действительно только повторением явления³. На следующих страницах привилегированное место займет нидерландский город. Причина этого явления в том, что эта страна дает историку более богатую иллюстрацию ранней поры городского развития, чем какая-либо другая страна Западной Европы.

Организация торговли в средние века, как это было показано выше, обязана странствующим купцам, „купцам-авантюристам“, которым была доверена оседлость в определенных

пунктах. В перерывах между переездами и особенно во время дурной погоды, которая делала невозможным передвижение по морю, рекам и суше, они неизбежно собирались в некоторых пунктах, в какой-либо области. Было естественно, что в местностях, положение которых в силу удобств передвижения больше отвечало требованиям торговли, где они могли в то же самое время держать в безопасности свои монеты и товары, купцы выбирали себе резиденцию. Они направлялись в города и бургы, которые лучше всего отвечали этим условиям.

Число их не было значительно. Положение городов определялось местностью, течением реки, словом, природными условиями, которые влияли на направление торговли и стягивали купцов к этим городам. Бургы, которые предназначены оказывать сопротивление врагу или быть защитой для населения, были выстроены в местностях особенно удобных для этого. Они были выстроены на тех самых дорогах, которыми пользовались и нападавшие и купцы. Выходило, что крепости, выстроенные против первых, были великолепно расположены для привлечения последних к своим стенам. Так и случилось, что первые торговые группы создались по соседству с теми пунктами, которые природа предназначила быть—или снова быть центром экономического обмена⁴.

Тут есть основания для веры, и некоторые историки действительно верили, что эти первые скопления были обязаны рынкам, установленным в таком большом числе с IX в. Правдоподобное на первый взгляд такое мнение не выдерживает критики. Рынки Каролингской эпохи были простые местные рынки, посещаемые окрестными крестьянами и коробейниками, они имели свою единственную цель обеспечения городов и бургов. Их посещали не более одного раза в неделю, и их операции ограничивались удовлетворением домашних нужд жителей; были малочисленны и те группы, для которых эти рынки существовали. Рынки этого рода всегда существовали и существуют доселе в тысячах маленьких городов и селений. Их притягательность была недостаточно сильна, недостаточно обширна, чтобы привлекать и удерживать торговое население. Мы знаем, что было много местечек, которые, невзирая на рынки подобного рода, никогда не поднимались до уровня городов. Так, например, был случай с теми рынками, которые установил епископ Камбре и аббат Рейхенау, первый в 1001 г. в Като-Камбре, второй в 1100 г. в Радольфцелле. Като и Радольфцелл никогда не стали сколько-нибудь значительными пунктами с точки зрения экономической, и неудача попыток, объектом которых они были, ясно показывает, что эти рынки нуждались в том

влиянии, которое иногда одно предопределяло судьбу населения⁵. Много можно говорить об ярмарках хотя, последнее, в противоположность к рынкам, не показывают своего строго местного характера. Они были установлены, чтобы служить местом периодических собраний для профессионалов-торговцев, ставить их в соприкосновение друг с другом и давать им возможность собираться в определенное время. Действительно, значение многих этих ярмарок было очень велико. Во Фландрии это были ярмарки около Зсуруу и Мессинеса, во Франции около Барсюроба и Ланьи; они фигурировали среди главных центров средневековой торговли в конце XII в. Станным может показаться, что ни одно из этих поселений не стало городом по имени. Это случилось потому, что деятельность, которую они проявили, была недостаточно постоянного характера, какой необходим для сосредоточения торговли в данном месте. Купцы направляли свои стопы к ним, потому что эти поселения были расположены на большой дороге от Северного моря к Ломбардии, и потому, что они пользовались здесь специальными свободами и привилегиями. Они были пунктами собраний и местами обмена, где встречались продавцы и покупатели с севера и с юга. Через несколько недель их экзотическая клиентелла исчезала, чтобы вернуться лишь на следующий год.

Вероятно, случалось — и это очень часто случалось в действительности, — ярмарка располагалась в том пункте, где всегда существовала торговая группа. Одна могла содействовать развитию другой, но невозможно допустить, чтобы это и была действительная причина существования ярмарок. Можно назвать некоторые большие города, которые никогда не имели привилегированных рынков или которые не имели их до позднего времени. Вормс, Шпейер, Майнц никогда не были местом ярмарки. Турне стал ее иметь только в 1284 г. Лейден — в 1304 г., Гент только в XV в.⁶ Отсюда вытекает, что географическое положение, которое содействовало существованию города или укрепленного бургга, оказывается существенным и необходимым условием для поселения купцов.

Нет ничего более естественного, чем развитие поселения этого рода. Основная нужда торговли — удобство сообщения и безопасность — обеспечивается самым естественным образом. В позднейшее время, когда лучшие методы позволяют людям завоевать природу и подчинить ее вопреки климату и почве, без сомнения будет возможно строить города там, где дух предприимчивости и желание добычи могут выбрать место. Но это было совсем иначе, когда общество не приобрело достаточно силы, чтобы подняться над физическими условиями, среди которых оно развивалось. Совершенно есте-

ственно оно подчинилось этим условиям, и в согласии с ними была регулирована его жизнь. Словом, города средневековья были явлениями, определяемыми столько же физической средой, сколько течение рек определяется расположением гор и направлением долин. Когда торговое оживление в Европе получило преобладание после X в., торговые колонии, основанные в городах или у подножия бургов, получили непрерывный рост. Их население росло вследствие экономического оживления. К концу XIII века процесс, который обнаружился сначала, продолжался постоянно. Другого пути не было. Каждый из центральных пунктов международной торговли естественно участвовал в этом подъеме активности, и увеличение числа купцов естественно имело результатом рост их числа всюду, где они осели, на всех пунктах, которые были более благоприятны для торговой жизни. Если одни пункты привлекали торговцев скорее, чем другие, то это потому, что одни лучше, чем другие, удовлетворяли профессиональным требованиям. Здесь находит себе исчерпывающее объяснение тот факт, что, как общее правило, самые большие торговые города были в области самые древние.

Нет достаточной информации, чтобы удовлетворить наше любопытство относительно первых торговых групп. Историография X в. и XI в. совершенно не касалась социальных и экономических явлений. Составленная клириками и монахами, историография измеряла важность и ценность событий исключительно с точки зрения влияния их на церковь. Светское общество не обнаруживало внимания, исключая того, что относилось к религиозной жизни. Монахи не пренебрегали рассказами о войнах и политических конфликтах, которые касались церкви, но для них не было смысла стараться замечать начало городской жизни, понимания и симпатии к которой у них не было⁷. Несколько брошенных намеков, несколько отрывочных сообщений о случаях беспорядков или восстаний — вот все, чем должен довольствоваться историк. Мы должны обратиться к XII в. и здесь от нескольких редких мирян, занимающихся письмом, получить нечто более ценное.

Карты и архивные дела дополняют эту бедность до некоторой степени. Но они редки для периода происхождения городов. Только к концу XI в. они начинают бросать несколько больше света. Из источников, идущих из первых рук, написанных и составленных горожанами, нет более ранних, чем конец XII века. Вследствие этого, хотя их мало, необходимо, игнорируя их, обращаться часто к догадкам и гипотезам при изучении происхождения городов.

Отсутствуют детали относительно постепенного заселения городов. Неизвестно, как первые торговцы, которые пришли

сюда, осели среди жителей, которые раньше тут обитали. Города, границы которых часто включали порожные пространства, занятые полями и садами, должны были давать торговцам место, которое скоро становилось слишком тесным. Известно, что многие города с X были вынуждены помещать их за стенами. В Вердене они выстроили укрепленное поселение (*negotiatorum claustrum*), присоединенное к городу двумя мостами⁸. В Ратисбоне город купцов (*urbs mercatorum*) вырос рядом с епископским городом; то же самое было в Страсбурге и в других местах; в старых городских законах новое население Страсбурга названо внешний город⁹.

В Камбре новые пришельцы окружили себя деревянным палисадом, который немного позднее был заменен каменным. В Марселе окрестность города должна была быть расширена с начала XI в.¹¹. Легко умножить эти примеры. Они ставят вне вопроса быстрое расширение, переживаемое старыми городами, какого они не испытывали со времени римской эпохи. Население бургов слагалось под влиянием тех же причин, что и население городов, но процесс протекал при совершенно новых условиях. Здесь, действительно, нужно пространство не было таким, чтобы его могли занять новые пришельцы. Бурги были укреплениями, стены которых включали очень ограниченное пространство. Результат был тот, что в самом начале купцы были вынуждены селиться вне крепостного пространства, ибо свободного места для них не было. Они строили рядом с бургами внешний бург, т. е. предместье (*forisburgus, suburbium*). Он назывался современниками новый бург („*novus burgus*“), в противоположность старому бургу (*vetus burgus*), к которому он присоединялся. В Нидерландах и Англии употреблялось слово, удивительно соответствующее его природе — *portus*.

На административном языке Римской империи называли *portus* не морской порт, а место, окруженное, служащее складом или пунктом перегрузки товаров. Выражение это, с едва заметным изменением смысла, дожило до Меровингской и Каролингской эпохи¹². „Портом называется обнесенное место, куда привозят и откуда вывозят товары“. Замечательно, что все места, к которым это выражение относилось, были расположены на речных путях и в них собирались рыночные пошлины. Они были пристанями, где в естественном движении торговли собирались товары, предназначенные для дальнейшей погрузки¹³.

Между *portus* и рынком и ярмаркой различие очень ясное. В то время как последние были местами периодических съездов покупателей и продавцов, первый был местом постоянной торговли, центром непрерывного товарооборота. После

VII в. Динант, Гюи, Валансьен и Камбре были местами, обладающими *portus* и, следовательно, пунктами перегрузки товаров¹⁴. Экономический упадок VII века и норманские вторжения естественно разрушили их торговлю. Это продолжалось, пока в X веке старые *porti* не получили новую жизнь или пока новые не были основаны в Брюгге, Генте, Ипре, Омере и т. д. В то же время появляется в англосаксонских текстах слово *port*, употребленное, как синоним для латинских слов *urbs* и *civitas*, и даже теперь термин „*port*“ совпадает со словом *city*, где слышится английская речь¹⁵.

Ничто не показывает более ясно тесную связь между экономическим оживлением средневековья и началом городской жизни. Они были так интимно связаны, что одно и то же слово, которое обозначало коммерческое учреждение, служило на одном из больших наречий Европы для обозначения города. Старонемецкий язык дает подобный пример. В нем слово *poort* и слово *poorter* оба употребляются, первое в смысле город, второе в смысле горожанин. Можно определенно установить, что *porti*, так часто употребляемое в X и XI веках и относимое к предместьям бургов Фландрии и соседних стран, были созданы торговыми группами. Некоторые места в хрониках или в житиях святых, которые говорят об этом, хотя недостаточно детально, не оставляют места для сомнений в этом вопросе. Достаточно здесь процитировать курьезный рассказ из *Miracula st. Womari*, написанный около 1060 г. монахом, очевидцем событий, им изображаемых. Тут мы имеем дело с группой монахов, прибывших с процессией в Гент. Жители выходят навстречу им, подобно „рою пчел“. Они ведут своих благочестивых посетителей сначала в церковь св. Фараильда, расположенную в границах бурга. В ближайший день они покидают последнюю, чтобы отправиться в церковь св. Иоанна Крестителя, недавно выстроенную в *portus* (см. *Miracula st. Womari*¹⁶). Тут мы имеем дело со случаем смежного положения двух центров различного происхождения и характера. Один более старый — крепость; другой, более новый, место торговли. И от взаимной диффузии этих двух элементов, из которых первый мало-по-малу поглощается вторым, рождается город¹⁷.

Прежде чем идти дальше, стоит отметить судьбу тех городов и бургов, положение которых не благоприятствовало тому, чтобы они стали торговыми центрами. Типические примеры, если не выходить за Нидерланды, дают Теруан или бурги, построенные около монастырей Ставело, Мальмеди, Лоббес и т. д. В эпоху аграрной культуры средневековья все эти места были замечательны по своему расцвету и влиянию. Но они были расположены слишком далеко от больших путей

сообщения; они не были захвачены экономическим оживлением, ни, так сказать, оплодотворенными. В эпоху расцвета городов они оставались бесплодными, семена падали, как бы на каменную почву. Ни один из них не поднялся выше уровня полуаграрных городов-рынков¹⁸. Мы не хотим сказать, что в эволюции города бург и окружающие его поселения в целом исполняли лишь вспомогательную роль. Усвоив социальный порядок, очень отличный от того, который был современен рождению городов, они не могли быть способны дать начало новому порядку своими собственными силами. Они были, так сказать, местом, где окостенело торговое развитие. Оно не выросло из них, но оно пришло к ним, когда благоприятные условия проложили ему путь. Их роль была в сущности пассивная. В истории развития городов, коммерческий субурбий более важен, чем феодальный бург. Этот субурбий был активным элементом, отсюда идут нити расширения муниципальной жизни, которая была в сущности последствием экономического оживления¹⁹.

Замечательной чертой торговых групп был их непрерывный рост с начала X в. Они являют большой контраст с неподвижностью, в которой находились города и бурги, у подножья которых они были расположены. Они непрерывно привлекают к себе новых жителей. Они расширялись постоянно, увеличивая свою площадь, так что во многих местах, с начала XII в., они имели кругом со всех сторон свою крепость, около которой жались их дома. В начале XII в. явилась необходимость создавать для них новые приходы. В Генне, в Брюгге, в Омере и во многих других местах современные тексты отмечают сооружения церквей, по инициативе местных богатых торговцев²⁰.

Только общая идея может быть установлена относительно порядка и расположения пригородов, так как детали неизвестны. Тип их был в общем очень простой. Здесь был, обыкновенно, рынок, всегда на берегу реки, тут протекавшей. Это был узел улиц (*plateae*), ведущих отсюда по направлению к воротам, через которые лежал выход в деревенскую территорию. Купцы окружали пригород защитными сооружениями, бывшими столь характерными для него²¹.

Эти защитные сооружения были совершенно необходимы в обществе, где, невзирая на усилия церкви и князей, насилие и грабеж продолжались с полной для всех очевидностью. Перед распадом каролингской империи и норманскими вторжениями монархии удалось сохранить общественную безопасность и, как результат, *porti* этого времени или, по крайней мере, большое число их оставались неукрепленными. Но во второй половине IX в. здесь не было другой гарантии

безопасности личной собственности, кроме как защита за валами. Капитулярий 845—856 гг. ясно заявляет, чтобы богатые люди и немногие купцы, которые пока остались, думали об убежище в городах²².

Новое оживление торговли привлекло внимание разбойников всякого рода в такой степени, что торговые центры чувствовали определенную нужду в необходимой защите против них. Купцы не давали спуска разбойникам, будучи вооружены, и делали из своих поселений род крепостей. Поселения, которые они основывали у подножия городов и бургов, приводят на память тесное же подобное поселение в крепостях и крепостцах, построенных в XVII—XVIII вв. в колониях Америки и Канады европейскими эмигрантами. Подобно последним, они обыкновенно защищались солидным палисадом из заостренных бревен с воротами и рвом кругом. Интересная память об этих первых городских укреплениях сохраняется в обычае, долго жившем в геральдике, обозначать город в форме круглой изгороди. Известно, что эта простая изгородь из бревен не имела другой цели, как парировать неожиданные нападения. Она обеспечивала безопасность против бандитов, но не могла выдержать правильной осады²³. В случае войны ее покидали и предавали огню, чтобы не дать врагу использовать ее в своих целях, в то время как убежища искали в более сильной цитадели города или бурга. Это было так до начала XII в., когда растущее благополучие купеческих колоний сделало их способными создавать безопасность более верным способом, т. е. сооружением солидных каменных укреплений, с башнями, способных выдерживать серьезную лобовую атаку. Отсюда эти поселения обращаются в крепости. Старый феодальный или епископский центр, который продолжал стоять в их центре, потерял, таким образом, всякий смысл для существования. Мало-помалу его бесполезные стены пришли в разрушение. Дома прислонялись к ним, их разбирали, чтобы проложить новые улицы. Очень часто случалось, что города покупали их у графа или епископа, для которого они представляли мертвый капитал, ломали их и обращали землю, которую они занимали, в участки для застройки.

В необходимости иметь убежище, которое купцы находили здесь, лежит объяснение характерной черты средневековых городов. Они были крепостями. Невозможно представить город той эпохи без стен. Это был атрибут, которым города отличались от деревень. Это было их право, или, по выражению того времени, эта была привилегия, которой ни один из них не был лишен. Тут опять геральдика соответствует очень точной реальности, представляя гербы городов в форме короны, обведенной стенами.

Но укрепление было не только символом города; оно давало имя, которое служило и служит для обозначения населения. Вследствие того, что это место было укрепленным местом, город обратился в бург. Купеческий центр, как показано выше, был обозначен новым бургом, чтобы отличить его от старого бурга. А отсюда его жители, с начала XI в. самое позднее, получили имя *burgenses*. Первое упоминание этого слова относится во Франции к 1007 г.; оно появляется во Фландрии, в Омере, в 1056 г., затем оно переходит в империю, в область Мозеля, где оно обнаруживается в Гюи в 1066 г. Жители нового бурга, т. е. так сказать, купеческого бурга, получили или, вернее, создали название „бюргеров“, чтобы описать самих себя. Любопытно видеть, что оно никогда не применялось к жителям старого бурга. Их называли позднее *castellani* и *castrenses*. Это служит, что особенно замечательно, доказательством того, что происхождение городского населения не мыслили искать в старом населении ранней крепости, но в иммигрирующем населении, которое принесла городу торговля и которое в XI в. начинает поглощать старый город.

Название „бюргер“ не вошло сразу в общее употребление. Вместе с ним было употребительно слово „*cives*“, в согласии со старой традицией. В Англии и Фландрии были также созданы слова *roortmanni* и *roorters*, которые вышли из употребления в конце средневековья, но которые подтверждают счастливым образом тожество, которое всюду существовало между *portus* и новым бургом. Строго говоря, они действительно обладали одним и тем же значением; синонимичности, которую язык показывает между *roortmanus* и *burgensis*, было бы достаточно, чтобы констатировать ее, если бы не было других доказательств.

Несколько трудно определить этот оригинальный средний класс торговых центров. Очевидно, он не составил исключительного только из купцов, странствующих по далеким местам, о чем говорилось в предыдущей главе. Этот класс составил, кроме них, из большего или меньшего числа людей, втянутых в дело выгрузки и транспорта товаров, в дело снаряжения и оснащения судов, в дело приготовления повозок, бочек, ящиков, словом, всех необходимых аксессуаров для перевозки и торговли. В результате, люди из целой соседней округи стягивались в рождающийся город в поисках занятий. Определенное и положительное привлечение городским населением сельского населения ясно обнаруживается с начала XI в. Чем больше концентрация населения, тем больше эффект, который оно имеет кругом. Население нуждалось для своего ежедневного существования не только в

большом числе искусных ремесленников, но и в растущем разнообразии их деятельности. Немногие ремесленники городов и бургов, очевидно, не могли удовлетворить умножающихся потребностей новых пришельцев. Члены большинства необходимых профессий вследствие этого должны были приходиться со стороны—хлебопеки, пивовары, мясники, кузнецы и т. д. Но торговля стимулировала промышленность. В каждой области, где промышленная деятельность была рассеяна по деревням, торговля делала успехи в деле привлечения ее к городу и затем концентрации ее там.

Фландрия представляет один из очень поучительных примеров в этом отношении. Уже было показано, что с кельтской поры торговля суконными изделиями была широко раскинута по деревням. Крестьяне, благодаря сохранению производства и римских методов, здесь вырабатывали сукна, которые могли стать основой регулярной и выгодной экспортной торговли. Купцы городов не преминули извлечь отсюда выгоду. В конце X в. они вывозили сукна в Англию.²⁴ Они научились узнавать хорошие качества местной шерсти и задумали ввозить ее во Фландрию, где фландрцы перерабатывали ее под их наблюдением. Таким образом, они сами сделали раздатчиками работы и естественно привлекли в города ткачей из деревни.²⁵ Гент уже в XI в. был важным ткацким центром: житие Макария (*vita Macarii*) говорит о собственниках окрестных деревень, несущих туда свою шерсть. Эти ткачи утратили свой деревенский облик и стали простыми наемниками на службе у купцов.

Рост населения естественно благоприятствовал промышленной концентрации. Много бедных прилиvalo в города, где изготовление сукна, которое росло пропорционально развитию торговли, гарантивало им ежедневный кусок хлеба. Их положение, кажется, было очень жалкое. Конкуренция, которую они составляли друг другу на рынке труда, позволяла купцам платить им очень низкую плату. Сохранившийся источник, самая ранняя дата которого относится к XI в., показывает, что тогда существовал грубый низший класс, невоспитанный и недовольный. Об этом рассказывает хроника св. Андрея Кастрикамеразензийского.²⁶

Социальные конфликты, которые индустриальная жизнь должна была создавать и которые были так страшны в XIII и XIV вв., были уже в зародыше в настоящий период городского развития.

Антагонизм между капиталом и трудом оказывался таким же старым, как средний класс.

Старая сельская промышленность совершенно исчезла. Она не могла соперничать с городской промышленностью

в изобилии снабженной сырьем, оперирующей низкими ценами, использующей более выгодные методы. Для купцов, с точки зрения продажи, важно было не ошибиться в качестве сукон, которые они вывозили. Они организовали и сами направляли мастерские, где они валяли и красили сукна. В XII в. они не имели соперников на рынках Европы по тонкости своих сукон и по красоте их окраски. Они увеличили размеры производства. Старый четырехугольный кусок (*pallia*), который делали деревенские ткачи, был заменен кусками сукна от 30 до 60 локтей в длину, более экономными и более удобными для перевозки.

Сукна Фландрии стали таким образом одним из главных предметов торговли. Концентрация этой промышленности в городах до конца средневековья оставалась главным источником их благополучия и помогла им стать действительно большими мануфактурными центрами, из которых Дуэ, Гент и Ипр были замечательными примерами.

Хотя приготовление сукон было господствующей промышленностью во Фландрии, но это не значит, что промышленность ограничивалась лишь этой страной. Многие из городов севера и юга Франции, Италии и рейнской Германии были успешно втянуты в нее. Сукно, более чем какой-либо другой текстильный товар, было базисом торговли средневековья. Металлургия играла гораздо меньшую роль. Она ограничивалась почти всецело медными изделиями, которым некоторые города, особенно Динант в Бельгии, обязаны своим благосостоянием. Но как бы ни была различна по своей природе промышленность в других отношениях, всюду она подчинялась закону концентрации, который действовал уже в такую раннюю эпоху во Фландрии. Всюду городские группы, благодаря торговле, всасывали к себе сельскую промышленность. В XI веке *Miracula Sancti Bavonis* упоминают в Генте мярян, которые по своей профессии назывались сапожниками; эти ремесленники несомненно пришли сюда из внешнего мира.²⁷ В эпоху замкнутого хозяйства каждый сельскохозяйственный центр, большой или малый, в меру возможности сам удовлетворял свои нужды. Крупный собственник держал в своем дворе ремесленников рабов, как каждый крестьянин строил свой собственный дом или своими собственными руками делал обстановку или посуду, в которых нуждался. Коробейники, евреи, переходящие торговцы, которые через большие промежутки времени приходили на рынки, снабжали остальным. Они жили в условиях очень похожих на те, которые существовали во многих частях России. Все это изменилось, когда города начали предлагать сельскому населению промышленные товары всякого рода. В результате создавался обмен

хозяйственными благами между средним классом и сельским населением, как было установлено выше. Ремесленники, которые заполняли состав городского населения, находили в сельском классе верную клиентеллу. Здесь приблизительно проходило резкое разделение труда между городом и деревней. Последняя давала продукты сельского хозяйства, первый предметы промышленности и торговли, и это положение вещей продолжалось в течение всего средневековья. И это было гораздо более выгодно среднему классу, чем крестьянам.

Поэтому города энергично прилагали усилия к тому, чтобы существующий порядок сохранить. Они никогда не переставали противодействовать всякой попытке ввести промышленность в деревенские округа. Они ревниво охраняли монополию, которая обеспечивала им их существование. Это был расцвет новой эры, когда они пожелали отказаться от исключительности, не совместимой с экономическим прогрессом.²⁸

Средние классы, двойная деятельность которых, торговая и промышленная, была очерчена выше, были поставлены лицом к лицу перед многочисленными затруднениями, которые они преодолели, когда пришло к этому время. Не было удовольствия для принятия их в города и бургы, где они жили. Здесь они становились причиной пертурбации; сначала, и вероятно часто, их встречали, как нежелательный элемент. Прежде всего они должны были столкнуться с собственниками земли. Иногда это был епископ, иногда монастырь, иногда граф или сеньор, который владел землей и держал суд. Часто бывало, что место, занятое „portus“ или новым бургом, было подчинено юрисдикции нескольких трибуналов или нескольких владельцев. Оно было предназначено для сельского хозяйства, и иммиграция новых пришельцев обращала эту землю в усадьбную, для построек. Нужно было некоторое время, прежде чем собственники получали выгоду, которую они извлекали из нее. Сначала они особенно чувствовали неудобства, причиняемые появлением этих колоний, нарушавших образ жизни, обычаи, традицию.

Конфликты непосредственно росли. Они были неизбежны, ввиду того факта, что новые пришельцы, которые были чужеземцами, едва ли были склонны ценить интересы, права и обычаи, которые им были неудобны. Нужно было дать им место как можно лучше, а их число выросло, их захваты становились более и более смелыми.

В 1099 году, в Бове капитул должен был принять меры против красильщиков, которые так захватили русло реки, что их стиральни не могли более действовать.²⁹ Всюду,

время от времени, епископ или монастырь спорили с бюргерами из-за захваченных земель. Но желали они или нет,—они должны были поступиться. В Аррасе аббатство св. Вааста кончило тем, что поступилось своими пашнями и поделило их. Подобные явления происходят в Генте и Дуэ. При скудости известий, надо все же быть уверенным, что сделки подобного рода были очень обычны. В настоящее время имена улиц во многих городах напоминают об аграрном характере, который был им свойственен с самого начала. В Генте, например, одна из главных артерий обозначалась именем Полевая улица; близко от нее находилась Крестьянская площадь.³⁰

Множеству собственников соответствовало множество форм правления, которым земли были подчинены. Некоторые подчинялись земельным оброкам и барщине, другие—пошлинам, предназначенным для содержания рыцарей, которые составляли постоянный гарнизон старого бурга; третьи обязаны повинностям, собираемым кастеляном или епископом, или стряпчим с титулом главного юстициария. Все, словом, получало печать эпохи, во время которой экономическая организация, как и политическая, базировалась всецело на владении землей. К этому добавлялись формальности и налоги, обычно собираемые во время передачи земли и которые, действительно, осложняли, если не делали совершенно невозможной куплю и продажу земли.

При таких условиях, земля, обремененная разнообразными повинностями, которые тяжело лежали на ней, не могла играть никакой роли в деловых операциях, получать рыночную ценность и служить базисом кредита.

Обилие юрисдикций усложняло еще более уже запутанное положение. Было редкостью, что земля, занятая бюргерами, принадлежала только одному сеньору. Каждый из собственников, который был тут участником, имел домениальный суд, который был компетентен в делах земельных. Некоторые из этих судов обладали вдобавок высшей юстицией. Смещение компетенций усиливало смещение юрисдикции. Результат был тот, что некоторые люди были зависимы одновременно от нескольких трибуналов, касался ли вопрос долгов, преступлений или просто владения землей. Трудности, которые вытекали отсюда, были еще больше от того, что не все трибуналы были в городе, и иногда было необходимо проехать длинное расстояние, чтобы защищать дело перед ними. Далее они различались между собою по своему составу и по закону, который они применяли. Бок о бок с домениальным судом существовал суд более старый, суд альдерменов, и он мог быть в городе, как и в бургге. Церковный суд диоцеза притягивал

к себе не только дела, касающиеся канонического права, но и все те, в которых был заинтересован клирик, не считая вопросов наследования, гражданского состояния, браков и т. д.

При взгляде на положение отдельных индивидуумов, сложность кажется еще большей. Когда состав города оформился, то каждое различие и каждая градация в положении индивидуумов находила себе отражение. Ничего не было более странного, чем этот рождающийся средний класс. Купцы, как показано выше, были фактически свободные люди. Но дело обстояло иначе с очень большим числом иммигрантов, которые, привлекаемые надеждой найти дело, стекались в города. Они были почти всегда происхождением из местной округи и не могли скрыть своего гражданского состояния. Вотчинный сеньор, от которого они скрылись, мог легко их отыскать и установить их личность, народ из их собственной деревни бежал к ним, когда они приходили в город. Их родители были известны, и было очевидно, что они родились в рабстве, поскольку рабство было общим состоянием сельского класса. Поэтому было необходимо для них требовать, подобно купцам, свободы, которою эти последние пользовались только потому, что их настоящее гражданское состояние не было известно. Таким образом, большинство ремесленников в городе удержало состояние рабства, в котором оно родилось. Так образовалась несовместимость между их новым социальным положением и их традиционным законным положением. Они переставали быть крестьянами, но они не были способны стереть то пятно происхождения, которым рабство отметило сельский класс. Если они хотели скрыться, они могли быть грубо возвращены к действительности.

Достаточно было для их сеньора потребовать их, они были обязаны следовать за ним и вернуться в вотчину, откуда они бежали. Сами купцы косвенно чувствовали несправедливость рабства. Если они желали жениться, то жена, которую они выбирали, принадлежала почти всегда к рабскому классу. Только самый богатый из них мог домогаться чести жениться на дочери какого-либо рыцаря, долги которого он платил. Для других их союз с рабыней имел своим последствием рабство их детей. Общий закон предписывал детям действительно наследовать состояние их матери в силу изречения „рожденный наследует состояние матери“ (*partus ventrem sequitur*), и легко представить те абсурдные результаты, которые получались из этого принципа для семей. Брак приводит к тому, что рабство вторгалось в семейный очаг. Ненависть и конфликты неизбежно рождались из такого противозаконного положения. Старый закон, в стремлении принорочиться

к социальному порядку, для которого он не был пригоден, приводил, в конце концов, к явному абсурду и несправедливости, которая вызвала неизбежно к реформе.

С другой стороны, пока рос средний класс и вместе с ростом приобретал власть, дворянство мало-помалу отступало и давало ему путь для продвижения вперед. Рыцари, оседавшие в городе или бурге, не имели более оснований жить здесь после того, как военное значение этих старых крепостей исчезло. Это была определенная тенденция, по крайней мере, на севере Европы, покинуть города и удалиться в деревни. Только в Италии и на юге Франции дворяне продолжали иметь свои резиденции в городах.

Этот факт должен быть приписан сохранению в этих странах традиций и, в известной степени, муниципальной организации Римской империи. Города Италии и Прованса были слишком интимной частью территорий, административными центрами которых они были, чтобы не сохранить во время экономического упадка VIII и IX вв. более тесных связей с ними, чем где бы то ни было. Дворянство, фьефы которого были рассеяны по всей стране, не приобрело того деревенского характера, который был типичным для дворянства во Франции, Германии и Англии. Оно оставалось в городах, где оно жило на доходы со своих земель. Здесь дворяне выстроили в позднее средневековье те башни, которые дают еще теперь такой живописный вид многим старым городам Тосканы. Они не лишились того городского отпечатка, которым старое общество было так сильно отмечено. Контраст между дворянством и средним классом отсюда является менее сильным в Италии, чем в остальной Европе. В эпоху коммерческого оживления, дворяне городов Ломбардии вмешивались в торговую деятельность и вкладывали часть своих доходов в эти деловые предприятия. Вот почему может быть развитие городов Италии отличается от развития городов Севера.

В последних это только крайне исключительный случай, что мы находим здесь и там как бы вклинивающуюся в среду среднего класса общества семью рыцарей. В XII в. исход дворянства в деревни был почти всюду закончен. Это сторона развития до сих пор мало понятна, и надо надеяться, что дальнейшие изыскания бросят больший свет на это. Пока может быть принято, что экономический кризис, которого жертвой стало дворянство, вызывал уменьшение их доходов в XII в., что не прошло без влияния на их исчезновение из городов. Они должны были найти выгодным продать бургам земли, которые им принадлежали; обращение этих земель в усадьбы для построек чрезвычайно увеличивало их цену.

Положение духовенства не изменилось существенно под влиянием прилива среднего класса в города и бурги. Создавались некоторые неудобства для него, но и некоторые также выгоды. Епископы боролись за сохранение в неприкосновенности, ввиду появления пришельцев, своих судебных прав и своих вотчинных прав: монастыри и капитулы видели себя вынужденными позволить строить дома на своих полях и своих пашнях. Патриархальная и вотчинная форма правительства, к которой церковь привыкла, неожиданно столкнулась с жалобами и нуждами, которыми начинался период тревог и опасений.

С другой стороны, были всетаки и компенсации. Рента, или подать, возложенная на те участки, которые были переданы бюргерам, создала чрезвычайно обильный источник доходов. Рост населения принес с собой соответствующий рост доходов, связанных с крещением, браком и смертью. Доходы от приношений росли беспрепятственно. Купцы и ремесленники создавали благочестивые братства, усыновленные церковью или монастырем за ежегодные приношения в пользу последних. Создание новых приходов, пропорционально растущему числу жителей, умножало размеры и источники доходов белого духовенства. В начале XI века аббатства, наоборот, были основываемы в городах только в очень исключительных случаях. Они не были способны привыкнуть к этой жизни, слишком шумной и деловой, и к тому же не было возможности найти места необходимого большому зданию для монахов, с служебными пристройками, которые требовались Цистерцианским орденом; последний распространился так широко по всей средней Европе в XII в., создавая свои организации лишь в деревнях.

Это было только в следующем веке, что монахи вернулись назад в города. Нищенствующие монахи, францисканцы и доминиканцы, которые пришли и поселились здесь, не были только продуктом нормального развития, выросшего из новой ориентации, которую получило религиозное оживление. Принцип бедности, который они проповедовали, заставил их порвать с вотчинной организацией, а отсюда поддержание монашеской жизни. Благодаря этому, монастырский дух оказался чудесно приобщенным к городской атмосфере. Они не спрашивали ничего более от бюргеров, кроме пропитания. Вместо того, чтобы изолировать себя в центре обширного, молчаливого двора, они строили свои обители вдоль улиц. Они принимали участие во всех волнующих событиях, во всех несчастиях и близко понимали все искания ремесленников, стать духовными вождями которых они хотели.

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

Города, в период их образования, находились в особо сложной обстановке. Они встречались лицом к лицу с проблемами всякого рода. В них жило бок-о-бок два населения, которые не смешивались и которые представляли полный контраст, как два различных мира. Старая вотчинная организация со всеми ее традициями, со всеми мнениями, со всеми идеалами, которые могли родиться не в ней, но которые получили от нее особый отпечаток, доходит до столкновения в борьбе с нуждами и стремлениями, которые брали ее врасплох, которые шли против ее интересов, к которым она не благоволила и против которых, с самого начала, она выступала. Если она уступала, то это было вопреки ее воле и в силу того, что новые условия, с которыми она столкнулась, вытекали из слишком глубоких и непреодолимых причин, чтобы не почувствовать их действенность.

Последствия таких фактов, которые так мало зависят от человеческих желаний, как рост населения или расширение торговли, не могут быть устранены. Вероятно, люди, находясь под авторитетом существующего социального порядка, не были в состоянии оценить важность перемен, которые имели место кругом. Старый порядок вещей стремился сначала сохранить свою позицию. Только позднее, обычно слишком поздно, он пытался приспособиться к новому порядку вещей. Как всегда случается, перемена не наступала во всем сразу. Желали, как это часто бывало, приписать „феодальной тирании“ или „жреческой заносчивости“ оппозицию, которая объяснялась более естественными причинами. Тут случилось в средние века то, что так часто с тех пор случалось. Те, которые были владельцами бенефиций при установленном порядке вещей, были склонны защищать его не столько, может быть, потому, что он обеспечивал их интересы, сколько потому, что он казался им необходимым для сохранения общества.

Надо запомнить, что этот социальный порядок средние классы общества принимали. Их требования и то, что может быть названо их политической программой, не имели цели каким бы то ни было образом ниспровергать его. Они считали признанными привилегии и авторитет князей, духовенства, дворян. Они только хотели получить некоторые уступки, потому что они были необходимы для их существования, а не низвергать существующий строй. Эти уступки ограничивались их собственными нуждами. Они были совершенно не

заинтересованы в нуждах деревенского населения, от которого они произошли. Кратко сказать, они только требовали у общества дать им место, соответствующее тому образу жизни, который они вели. Они не были революционерами, и если они часто обращались к населению, то это не из ненависти к правительству, но чтобы вынудить уступки.

Краткий обзор принципиальных точек зрения в их программе будет достаточен, чтобы показать, что они не выходили за необходимый минимум. То, чего они прежде всего хотели, была личная свобода, которая обеспечила бы купцу и ремесленнику возможность уходить и приходить, жить где он хочет, ставить свою личность и личность своих детей под покровительство сеньориальной власти. Рядом с этим идет создание специального трибунала, посредством которого бюргер был бы изъят от множества юрисдикций, которым он подчинялся, и освобожден от неудобств, которые формализм старого права налагал на его общественную и экономическую деятельность. Тогда проник в город институт мира, т. е. уголовный кодекс, который гарантировал безопасность. И тогда пришло освобождение от тех натуральных оброков, которые были более несовместимы с ростом торговли и промышленности, с владением и приобретением земли. Чего, наконец, они еще хотели, это было большая или меньшая степень политической автономии и местного самоуправления.

Все это было очень далеко от чего-либо связного, целого, оправдываемого теоретическими принципами. Ничего не было более далекого от мыслей нарождающегося среднего сословия, чем концепция прав человека и гражданина. Личная свобода не была требуема, как естественное право. Ее искали только в силу тех выгод, которые с ней были связаны. Действительно, в Аррасе, например, купцы старались, чтобы их считали за сервов монастыря св. Вааста, чтобы воспользоваться изъятием от рыночных пошлин, что было преимуществом этих сервов.¹

До начала XI века не было предпринято ни одного прямого выступления средних классов против порядка вещей, от которого они терпели. Их усилия впоследствии никогда не слабели. Невзирая на изменчивость судьбы и превратности, движение к реформе неустанно шло вперед к своей цели, разбивало вооруженной рукой оппозицию, если было необходимо, стоявшую на пути, и закончилось в XII в. получением городами тех в сущности муниципальных институтов, которые были базисом их конституции.

Всюду это были купцы, которые брали инициативу и направляли события. Ничего не было более естественного, чем это. Они были самые активные, самые богатые, влиятельные

среди городского населения, они выносили с большим нетерпением то положение, которое противоречило их интересам и умаляло их доверие к самим себе.² Роль, которую они играли, невзирая на огромное различие во времени и в условиях, широко и удобно сравнить с ролью, которую усвоил себе капиталистический средний класс в конце XVIII в. в политической революции, положившей конец старому порядку вещей. В том и другом случае, социальная группа, которая была прямо заинтересована в перемене, усвоила руководство оппозицией, а за ней следовали народные массы. Демократия в средние века, как и в новое время, получила свое начало под водительством немногих избранных, которые вернули в свою программу смутные чаяния народа.

Епископские города были первыми аренами битв. Было бы определенной ошибкой приписывать этот факт личности епископов. Большое число их отличалось, наоборот, своей явной заботой об общественном благе. Превосходные администраторы, память о которых народ хранил столетия, не были редкостью среди них. В Льеже, например, Нотгер (972—1018) атаковал лагеря разбойников баронов, которые опустошали окрестности; отвел от обычного русла рукав Мааса, чтобы сделать город более богатым и усилить его укрепление.³

Подобные примеры легко можно было бы привести из истории Камбре, Утрехта, Кельна, Вормса, Майнца и некоторого числа городов Германии, где императоры старались, во время борьбы за инвеституру, назначать прелатами людей одинаково известных своим умом и своей энергией.

Многие епископы были добросовестны в отношении к своим обязанностям, многие также считали необходимым защищать свое правительство против требований подданных и старались держать их под автократическим, патриархальным режимом. Соединение в их руках светской и духовной власти приводило к тому, что всякая уступка представлялась губительной для церкви. Не надо забывать, что их функции обязывали их всегда оставаться в городах и что они боялись, с известным основанием, затруднений, которые будут причинены автономией бюргеров, среди которых они жили. Наконец, церковь имела мало симпатии к торговле. Эта враждебная к торговле позиция должна была привести к тому, что церковь была глуха к желаниям купцов и народа, который группировался позади них, что она не шла навстречу их желаниям и получала неверное впечатление об их реальной силе. Из этого вытекали непонимание, разрыв и открытая враждебность, которая в начале XI в. сделалась окончательно неизбежной⁴.

Движение началось в северной Италии. Здесь торговая жизнь была старше и здесь политические последствия ее были более ранними. К несчастью, очень мало деталей известно относительно этих событий. Известно, что смуты, жертвой которых тогда стала церковь, едва ли могли задержать ее падение. Жители городов страстно принимали сторону тех монахов и священников, которые осмеливались вести борьбу с дурными обычаями духовенства, нападали на симонию и браки духовных и обсуждали вмешательство светской власти в управление церкви к выгоде папы. Епископы, назначенные императором и оправдывавшие этот факт, таким образом встретились с оппозицией, в которой мистика, требования купцов и недовольство, вызываемое бедностью предпролетариата, смешивались и взаимно усиливали друг друга. Известно, что дворянство приняло участие в агитации, потому что это давало ему возможность поколебать епископский суверенитет, и делало общее дело с бюргерами и патаренами — имя, которым консерваторы презрительно называли своих противников.

В 1057 г. Милан, тогда первый город в Ломбардии, был в открытой революции против архиепископа⁵. Превратности борьбы за инвеституру естественно распространили смуту и дали ей поворот все более благоприятный для восставших, пропорционально тому, как дело папы шло лучше дела императора. Здесь были учреждены, с согласия епископов или вопреки им, магистраты с титулом консулов, и им поручено было управление городом⁶. Впервые упоминаются эти консулы в Лукке в 1080 г., но вероятно не впервые они там явились. Здесь в 1068 г. упоминается коммунальный суд, характерная черта города, который должен был существовать в то же самое время во многих других местах⁷. Консулы Милана не упоминались раньше 1107 г., но они, конечно, существовали гораздо раньше, чем эта дата. Со времени этой даты они показывают характерные особенности коммунальных магистратов. Они выходили из разных классов, из *capitanei*, из *valvassores*, из *cives* и представляли городскую общину (*communio civitatis*).

Самая типичная черта этой магистратуры была в ее срочном характере, что было в резком контрасте с пожизненными обязанностями, которые тогда знал феодальный режим. Эта срочность обязанностей была следствием их избирательного происхождения. Взявши в свои руки власть, городское население доверило ее делегатам, выбранным этим населением. Таким образом, был утвержден принцип контроля в то же время, как и принцип выборности. Муниципальная демократия со времени первых попыток ее организации создала

орудия, необходимые, чтобы ее власть могла функционировать, и твердо встала на тот путь, по которому следовала с тех пор.

С Италии консулат распространился на города Прованса, очевидное доказательство его полного приспособления к нуждам среднего класса. Марсель имел консулов с начала XII в. или, по крайней мере, с 1128 года⁸. Мы находим их в Арле и в Ниме, пока мало-помалу они не распространились в южной Франции; вместе с торговлей распространялись и политические перемены, которые эта торговля вела за собой на буксире.

Почти около того же времени, как и в Италии, муниципальные учреждения выросли во Фландрии и на севере Франции. Здесь нет ничего удивительного в том, что эта страна, похожая на Ломбардию, стала аренной оживленной деятельности. К счастью, источники информации здесь более обильны и более ценны. Они делают возможным проследить точно ход событий.

Это не епископские города, которые здесь стоят на первом месте. Рядом с ними должны быть отмечены другие центры деятельности; внутри их стен создались эти коммуны, природу которых очень важно понять. Самая древняя коммуна и, к счастью, лучше всего известная, коммуна Камбре.

В течение XI в. успехи этого города были очень значительны. У подножия основного города вырос торговый пригород, который в 1070 году был окружен стеной. Население этого пригорода выносило с недостаточным терпением власть епископа и его кастеллана. Оно готовилось тайно к революции, когда в 1077 году епископ Герард Второй должен был отлучиться, чтобы получить в Германии инвеституру из рук императора. Он едва отправился в путь, как под управлением самых богатых купцов города, население восстало, овладело воротами и объявило коммуну. Беднота, ремесленники и ткачи в особенности еще более страстно кинулись в борьбу, когда реформатор священник, называемый Рамирд, объявил им, что епископ симонист и заразил их сердца мистицизмом, который в то же самое время охватил и ломбардских патаренов. Как и в Италии, религиозный пыл придал силу их политическим требованиям, и коммуне присягнули среди всеобщего энтузиазма⁹.

Коммуна Камбре была самой старой из всех, какие известны на севере от Альп. Кажется она была, с одной стороны, боевой организацией, а с другой—средством общественного спасения. Действительно, было необходимо предупредить возвращение епископа и приготовиться для борьбы с ним. Нужда в единодушных действиях была настоятельная. Клятва была взята ото всех, установлена необходимая солидарность;

это была ассоциация, основанная на клятве граждан накануне битвы, что составляло характерную черту этой первой коммуны. Ее успехи были однако эфемерны.

Епископ, получив известие о событиях, вернулся назад и имел успех в восстановлении своей власти на это время. Но опыт жителей Камбре не замедлил вызвать подражание. Следующие годы были отмечены учреждением коммун в большинстве городов северной Франции, в С. Кентене около 1080 г., в Бове около 1099 г., в Нуайоне в 1108 г., 1109 г., в Лане в 1115 году. В продолжение начального периода существования коммун, средний класс и епископы жили в состоянии постоянной вражды и, так сказать, готовы были открыть всегда войну. Только сила могла решить спор между такими противниками, одинаково убежденными в своих правах. Ивс Шартрский убеждал епископов не уступать и считать пустыми обещания, которые, под угрозой насилия, они часто давали бюргерам¹⁰. Гиберт Ножанский, с своей стороны, говорит с смешанным чувством презрения и страхом об этих чумных коммунах, которые сервы создали против своих господ, чтобы ускользнуть от власти и покончить с совершенно законными правами¹¹.

Несмотря на все это, коммуны победили. Не только они имели силу, которую давала им масса, но и монархия, которая во Франции, с начала царствования Людовика VI, начала возвращать утерянные позиции, заинтересовалась их делами. Как папы в борьбе с германскими императорами полагались на патаренов Ломбардии, так монархи Капетинги в XII в. покровительствовали успехам среднего класса.

Здесь не может быть вопроса о том, чтобы приписывать Капетингам политический принцип; на первый взгляд, их поведение кажется полным противоречий, но тем не менее верно, что в общем они имели тенденцию поддерживать города. Определенный интерес монархов был в том, чтобы поддерживать противников гордого феодализма. Естественно, помощь давали всюду, где ее можно было дать без того, чтобы обязываться перед этими средними классами, которые, поднимаясь против своих феодалов, по своим намерениям и целям, сражались в интересах королевской прерогативы. Принять короля, как арбитра в своих спорах, значило для боровшихся сторон признать его суверенитет. Вступление бюргеров на политическую сцену имело своим последствием ослабление договорного начала феодального государства в пользу начала монархического. Невозможно было, чтобы королевская власть не отдавала себе отчета в этом и чтобы она не использовала каждую возможность показать свою добрую волю коммунам, которые так полезно действовали в интересах монархии.

В специальном обозначении именем коммуны этих епископских городов севера Франции, где муниципальные институты были результатом восстания, нет преувеличения ни их важности, ни их оригинальности. Здесь нет оснований доказывать, что тут была существенная разница между городами-коммунами и другими городами. Города отличались одни от других только случайными характерными особенностями. В существе их природы лежало одно и то же явление, и в действительности все они были в равной степени коммунами. Во всех городах, бюргеры составляли корпорацию, universitas, communitas, communio, все члены которой, взаимно ответственные друг перед другом, составляли единое целое. Каково бы ни было происхождение городских свобод, города средневековья не представляли простое соединение индивидуумов; это был индивидуум, но коллективный индивидуум, юридическое лицо. Все, что может быть сказано в пользу отличия коммуны в узком смысле, это есть особая ясность институтов, это точно установленное разделение прав епископа и прав бюргеров, очевидное стремление охранять право бюргеров мощной корпоративной организацией. Но все это происходит из обстоятельств, при которых происходило зарождение коммуны. Хотя коммуны сохранили следы своего революционного происхождения, это не дает оснований заключать, что им следует отвести по этой причине особое место среди общей массы городов. Можно заметить, что некоторые из них пользовались менее широкими прерогативами, менее полной юрисдикцией и автономией, чем города тех областей, где коммуны были знаком начала мирного развития. Явная ошибка давать им, как это иногда делают, имя „коллективных сеньорий“. Позднее мы увидим, что все вполне развитые города были такими сеньориями.

Насилие не было существенным фактором при создании муниципальных институтов. В большинстве городов, подчиненных власти светского государя, их рост, вообще, совершался без того, чтобы было нужно использовать силу. И это не следует приписывать особой доброй воле светских государей, которую они выказывали в отношении политического освобождения. С другой стороны, все мотивы, которые побуждали епископа противодействовать бюргерам, не имели значения для светских государей. Они не питали враждебности к торговле, наоборот, они были заинтересованы в ее хорошем развитии. Она увеличивала товарооборот в их территориях и, таким образом, она содействовала росту доходов от пошлин и увеличению деятельности их монетных дворов, которые были вынуждены идти навстречу растущей потребности в монетах.

Не имея столицы и непрестанно разъезжая по своим поместьям, светские государи жили в своих городах только изредка и вследствие этого не имели оснований ссориться с бюргерами по поводу управления городом. Очень характерно, что Париж, город, который только в конце XII века может быть рассматриваем, как настоящая столица, не преуспел в деле получения автономной муниципальной конституции. Но интерес, который побуждал короля Франции взять контроль над своей обычной резиденцией, был совершенно недостаточен для герцогов и графов, как для людей, постоянно передвигавшихся, тогда как король был оседлым. Наконец, они не смотрели с неудовольствием на захват бюргерами власти у кастеллянов, которые не становились наследственным классом и сила которых причиняла им беспокойство. Коротко говоря, они имели те же самые мотивы, как и король Франции, смотреть благосклонно на эти тенденции, пока они ослабляли положение их вассалов. Это неправильно, что они вообще ограничивались тем, что попускали бюргерам, и их положение было почти всегда положением благожелательного нейтралитета.

Ни одна область не дает лучших средств для изучения истоков муниципального движения в ее чисто светской обстановке, чем Фландрия. В этой большой стране, которая простирается от берегов Северного моря и Зеландии до границ Нормандии, епископские города никогда не соперничали по значительности и богатству с торговыми и промышленными городами. Теруанн, дийцез которого составлял бассейн Везера, был и всегда оставался полудеревенским поселением, Аррас и Турне, которые расширяли свою юрисдикцию на остальную территорию, развились до значительных размеров только в XII в. Наоборот, Гент, Брюгге, Ипр, Омер, Лилль, Дуэ, где были собраны в течение X в. деятельные торговые колонии, дали необыкновенно ясную картину рождения муниципальных институтов. Будучи все организованы по одному способу и давая одни и те же характерные черты, они в том отношении хороши, что данные, которые нам о каждом из них известны, могут быть скомбинированы в одну общую картину¹². Все эти города показывают ту характерную черту, что они организуются вокруг центрального бурга, который стал, так сказать, их ядром. У подножия этого бурга вырос „portus“ или новый бург, населенный купцами, число которых пополнилось ремесленниками, свободными и зависимыми, и где с XII в. сконцентрировалось текстильное производство. Над бургами, как и над portus, простирался авторитет кастеллана. Более или менее значительные доли земли, занятые поселенцами, принадлежали или аббатствам или Фландрскому графу.

Трибунал альдерменов имел свои заседания в бургe, под председательством кастеллана. Этот трибунал не имел во всех отношениях компетенции над городом. Его традиция простиралась над всем кастелланством, центром которого был бург; входившие в него члены жили в том же самом кастелланстве и приходили в бург только в день заседаний. Для церковного суда, который разбирал много дел, было необходимо идти в епископский суд диоцеза.

Множество повинностей шло с земли и жителей, с бурга и с „portus“: земельные ренты, оброки денежные или натуральные, предназначенные для поддержания рыцарей, на которых возложена обязанность защиты бурга, пошлины, собираемые со всех товаров, провозимых по суше или по воде.

Все это было давнего происхождения, создалось в эпоху расцвета вотчинного и феодального режима и никоим образом не было приноровлено к новым запросам торгового населения. Не будучи создана для этих запросов, организация, имевшая своим центром бург, не только не оказывала никаких услуг, но, наоборот, препятствовала активности. Пережитки прошлого давили всей своей тяжестью на нужды настоящего. Ясно, по причинам, которые указаны выше и к которым нет необходимости возвращаться, средний класс был далек от довольства и требовал реформ, необходимых для его свободного роста.

В этих реформах он стремился взять инициативу, так как он не мог положиться на кастелланов, монастыри и баронов, земли которых он занимал, что они произведут реформы. Среди населения такого разнородного, как население portus, было необходимо, чтобы группа людей взяла контроль над массой и имела довольно власти и авторитета, чтобы руководить ей. Купцы в первой половине XI века решительно усвоили эту роль. Не только они составляли самый богатый элемент в каждом городе, самый активный и самый склонный произвести перемены, но они вдобавок имели ту силу, которую дает союз. Нужды торговли рано толкнули их, как выше было указано, на организацию братств, называемых гильдиями и ганзами—это автономные корпорации, независимые от какого-либо авторитета, в которых их воля является законом. Свободно избранные главы, деканы (Decanen) или графы ганзы (Hansgrafen) наблюдали за исполнением добровольно принятой на себя дисциплины. Через правильные промежутки времени, члены собирались, чтобы выпить и обсудить свои дела. Казна, составлявшаяся из взносов, хранилась для нужд общества; общий дом (Gidhalle) служил местом собраний. Такова была гильдия Омера около 1050 года; на основании этого примера можно допустить, что подобные ассоциации

существовали в тот же самый период во всех торговых колониях Фландрии¹⁸.

Успехи торговли были так внутренне связаны с организацией городов, в которых торговля развивалась, что члены гильдии были обязаны автоматически заботиться об удовлетворении нужд, самых настоятельных. Кастелланы не имели оснований мешать собраниям гильдейцев, удерживать от тех занятий, которые казались совершенно необходимыми. Они позволяли им устраивать дела экстренно, как это практиковалось в официальной городской администрации. В Омере было заключено соглашение между гильдией и кастелланом Вульффриком Рабелем (1072—1083), позволявшее первой разбирать дела бюргеров. Таким образом без какого-либо легального полномочия, купеческая ассоциация посвящала себя добровольно организации и устройству рождающегося города; она возмещала бессилие публичной власти. В Омере гильдия отделила часть своих доходов на сооружение защитных приспособлений и на поддержание в порядке улиц. Тут нет сомнения, что другие фландрские города, их соседи, делали то же самое. Имя графов ганзы, которое казначеи города Лилля хранили в течение всего средневековья, есть достаточное доказательство, при отсутствии других источников, что здесь главари добровольной корпорации привлекли казну гильдии, чтобы она служила на пользу их товарищам гражданам. В Оденарде имя графа ганзы относилось в XIV в. к чиновнику коммуны. В Турне так поздно, как в XIII в., городские финансы были помещены под контроль св. Христофора, т. е. купеческой гильдии. В Брюгге взносы „братьев ганзы“ пополняли муниципальную казну вплоть до ее исчезновения во время демократической революции XIV века.

Результат всего этого, очевидно, был тот, что гильдии были во Фландрии инициаторами городской автономии. Добровольно они взяли на себя дело, которое никто из них один не мог бы вынести. Официально они не имели прав действовать так, как они действовали. Их вмешательство может быть объяснено только тем согласием, которое существовало среди их членов, влиянием, которым пользовалась их группа, ресурсами, которыми они располагали и, наконец, пониманием коллективных нужд среднего городского класса. Можно констатировать, без преувеличения, что в течение XI века начальники гильдии исполняли фактически функции коммунальных магистратов в каждом городе.

Это они, без сомнения, руководили фландрскими графами, чтобы заинтересовать их в развитии и процветании городов. В 1043 году Болдуин IV получил от монахов Омера согласие, в силу которого бюргеры выстроили свою церковь.

В начале царствования Роберта Фриза (1071—1093) изъятия из пошлин, пожалования земли, привилегии, ограничивающие епископскую юрисдикцию или требования военной службы, были пожалованы в большом количестве городам тогда в процессе их образования.

Роберт Иерусалимский покровительствовал городу Эре тем, что даровал свободу и освободил в 1111 году бюргеров Ипра от судебного поединка.

Результатом всего этого было то, что мало-помалу средний класс выдвинулся, как особая привилегированная группа среди населения страны. Из простой социальной группы, делом которой была торговля и промышленность, он обратился в юридическую группу, признанную за таковую государственной властью. Из этого юридического положения само собой вытекало пожалование той группе, независимой юридической организации. Новый закон вызывал и новую организацию суда. Старые альдерменские окружные суды, заседавшие в бургах и творившие суд в согласии с обычаем, который был архаическим и не был способен приноровить свой суровый формализм к нуждам общины, для которой он не был создан, должны были уступить место судам, члены которых, набранные из бюргеров, были способны дать им суд сообразный с их желаниями и согласный с их стремлениями, с справедливостью, которая в конце концов была их справедливостью. Невозможно сказать точно, когда это важное развитие имело место. Самая старинная ссылка во Фландрии на альдерменский суд (т. е. на суд, особый для города) датируется около 1111 года и должна быть отнесена к Аррасу. Но здесь ничто не мешает предположить, что альдерменские суды такого рода могли существовать в тот же самый период в более важных пунктах, как Гент, Брюгге или Ипр. Как бы то ни было, начало XII века было ознаменовано этими решительными нововведениями, происходившими во всех городах Фландрии. Смуты, наступившие после убийства графа Карла Доброго в 1127 году, позволили бюргерам осуществить вполне свою политическую программу. Претенденты на графство Вильгельм Нормандский и позднее Тьерри Эльзасский, чтобы привлечь бюргеров на свою сторону, согласились с теми требованиями, с которыми те выступали.

Хартия, пожалованная Омеру в 1127 году, может быть рассматриваема, как точка отправления политической программы бюргеров Фландрии.¹⁴ Она признавала город особой в правовом отношении территорией, обладавшей особым законом, общим для всех ее жителей, с специальными альдерменскими судами и с полной коммунальной автономией. Другие хартии в XII в. ратифицировали подобные привилегии

всем главным городам области. Их положение обеспечивалось с тех пор и санкционировалось письменными актами.

С другой стороны, надо быть осторожным и не приписывать городским хартиям преувеличенного значения¹⁵. Ни во Фландрии, ни в какой другой стране Европы они не охватывали все городские законы в целом. Они ограничивались фиксированием главных линий, формулировкой основных принципов, разрешением немногих особенно важных конфликтов. Большею частью, они были продуктом особых обстоятельств и отвечали только на вопросы, которые дебатировались в то время, когда эти хартии составлялись. Они не могут быть рассматриваемы, как результат систематического планирования или законодательного обсуждения, подобного тому, из которого, например, возникли новейшие конституции. Если средние классы держались за них в течение столетий, относились к ним с величайшей заботой, хранили их под тройным запором в сундуках из железа и окружали их каким-то суеверным уважением, то это потому, что они считали эти хартии палладиумом свободы. А это было так потому, что они позволяли бюргерам, в случае нарушения хартии, оправдывать им свое восстание, но не потому, что хартии включали всю совокупность их прав. Они не были, так сказать, больше чем основой позднейшего развития. Вокруг договоров продолжал непрерывно развиваться рост новых прав, обычаев и не писанных, но тем не менее важных привилегий. Верно положение, что многие хартии сами предвидели и признавали наперед дальнейшее развитие городского закона. Хронист Гальберт сообщает нам, что граф Фландрский уступил бюргерам Омера в 1127 году: „ut die in diem consuetudinarias leges suas corrigerent“ „т. е. право исправлять изо дня в день их муниципальные законы“¹⁶. Тут было, таким образом, дано больше в городском законе, чем то, что содержалось в терминах хартий. Они являлись только фрагментами законов; они были полны пробелов, и не представляли ни порядка, ни системы. Нам нельзя надеяться найти в них основные принципы, из которых идет дальнейшая эволюция подобно тому, как римский закон эволюционировал из законов XII таблиц.

Однако возможно, при изучении принципов городского права и при пополнении одного закона другим, охарактеризовать в общих чертах городские законы средневековья, как они развивались в течение XII века в различных странах западной Европы. Здесь нет нужды выяснять, поскольку мы стараемся только проследить общую линию отличия между государствами или нациями. Городское право было явлением того же порядка, что, например, феодализм. Оно было следствием социального и экономического положения, общего

всем народам. Если брать его по странам, то, конечно, будут многочисленные различия в деталях. Но по существу оно всюду было одно и то же; только эту неизменную основу будем мы рассматривать на следующих страницах.

Первый вопрос, который должен быть разрешен, это—каким было положение индивидуума, когда городское право окончательно развилось. Это положение было положением свободы. Оно—необходимое и общее свойство среднего класса. Каждый город устанавливал свободу в этом отношении. Всякие следы деревенского рабства исчезали внутри городских стен. Каковы бы ни были различия и контрасты, которые богатство вносит в среду людей, все были равны, поскольку это касалось гражданского состояния. „Воздух города делает свободным“—говорит немецкая пословица, и эта истина верна во всяком месте. Свобода прежде была использована, чтобы быть монополией привилегированного класса. Посредством городов она снова получала место в обществе, как естественный атрибут горожан. Отсюда было достаточно остаться в городе, чтобы приобрести свободу. Каждый раб, который прожил в городе год и один день, имеет ее, на основании определенного права: статуты города уничтожили все права, которые господин имел над личностью и вещами своего крепостного. О происхождении человека думали мало. Каков бы ни был знак, которым клеймили ребенка с колыбели, он стирался в атмосфере городской жизни. Эта свобода, которой вначале только купцы пользовались *de facto*, стала теперь общим правом всех бюргеров *de jure*. Если тут или там среди них бывали рабы, то они не были членами городского населения. Они были наследственными слугами аббатов или сеньорий, которые держали в городах куски земли, не подчиненные городскому праву, и где продолжал жить старый порядок вещей. Бюргер и свободный человек становились синонимами. Свобода в средние века была атрибутом, неотделимым от звания гражданина города, как и в наше время она неотделима от звания гражданина государства.

Со свободой лица здесь в городе связывалась свобода земли; в купеческой общине, действительно, земля не могла остаться неподвижной и изъятой из торговли тяжеловесными различными законами, которые мешали ее свободной передаче и удерживали ее от службы в качестве кредита и от получения за нее полной цены. Это было более неизбежно в той стране, где внутри города земля меняла свою природу и становилась местом для построек. Она быстро застраивалась, дома теснились друг к другу и росли в цене по мере того, как число их увеличивалось. Таким образом, автоматически так выходило, что собственник дома приобретал в течение изве-

стного времени собственность или, по крайней мере, владение землей, на которой был выстроен дом. Всюду старая вотчинная земля превращалась в чиншевое владение или в чиншевой аллод. Городское держание, таким образом, становилось свободным держанием. Тот, кто занимал землю, был обязан земельным оброком собственнику земли, если он сам не становился таковым. Он мог свободно передавать ее, закладывать и давать ее под обеспечение капитала, который был занят. При продаже заложенного дома бюргер обеспечивал себе тот чистый капитал, в котором он нуждался; при покупке заложенного другому дома, он обеспечивал себе доход, пропорциональный к затраченной сумме денег. Он помещал деньги, как мы теперь говорим, под проценты. Сравнивая с феодальным или вотчинным держанием, держание по городскому праву, держание *in Weichbild* или *Burgrecht*, как его называют в Германии, или *bourgage*—во Франции, можно видеть ясно выраженную особенность последнего.

Подчиненная новым экономическим условиям, городская земля в конце концов подчинялась новому праву, которое соответствовало этим условиям. Старые дворы, владевшие землей, не сразу исчезли. Освобождение земли не имело своим последствием отнятия земли у старых собственников. Очень часто они удерживали за собой, когда не было выкупа у них земли, те участки, господами которых они являлись. Но сеньория, которую они имели над собой, не влекла более за собой личной зависимости держателей. Городское право не только устраняло вместе с личной зависимостью также и ограничения, лежавшие на земле, но и вызывало уничтожение сеньориальных прав и фискальных требований, которые препятствовали торговле и промышленности. Рыночные пошлины (*teloneum*), которые были таким препятствием для свободного обращения товаров, были особенно ненавистны бюргерам, и они рано делали усилия, чтобы освободиться от них. Хронист Гальберт показывает, что это составляло, во Фландрии в 1127 году, одну из больших забот бюргеров. Так как претендент Вильгельм Норманский не сдержал своего обещания в этом отношении, то фландрцы поднялись против него и призвали Тьерри из Эльзаса. В течение XII века всюду, добровольно или нет, рыночные пошлины были изменены. В одном месте их выкупили посредством ежегодной платы; в другом месте способ взимания их был сделан иным. Почти всюду их поставили под контроль и подчинили дела, связанные с ними, юрисдикции городской власти.

С этих пор городские магистраты получили обязанность надзора за торговлей и заняли место кастелланов и старых вотчинных чиновников в деле стандартизации мер и мер

веса, в деле судебной администрации над рынками и промышленностью.

Если рыночные пошлины были уменьшены под влиянием городских властей, то дело обстояло иначе с другими сеньориальными правами, которые, как несовместимые с свободой городской жизни, были осуждены на исчезновение. Стоит упомянуть о пережитках черт быта сельскохозяйственного периода, которые не отпечатались на физиономии города: общие печи и мельницы, куда сеньор сгонял жителей, чтобы молоть зерно и печь хлеб; монополии всякого рода, с помощью которых он пользовался привилегиями продажи, в известные периоды без конкуренции вина из его виноградников или мясо с его скотного двора; право постоя, которое налагало на бюргеров обязанность доставления сеньору квартиры и продовольствия во время пребывания сеньора в городе; право реквизиции, посредством которого он приобретал для своей службы лодки и лошадей у жителей; право призыва к оружию, налагавшее обязательство следовать за ним на войну; обычаи всякого рода и происхождения, которые становились стеснительными и тяжелыми, т. к. они давно стали бесполезными, в роде запрещения строить мосты через текучие воды; в роде обязанности жителей содержать рыцарей, составляющих гарнизон старого бурга. Обо всем этом, в конце XII в., осталось одно воспоминание. Господа, оказав сопротивление, кончили тем, что уступили. Они обнаружили с течением времени, что их явный интерес предписывал им не мешать развитию городов, чтобы сохранить несколько скудных доходов, но содействовать развитию, устраняя препятствия, которые стоят на пути. Они стали понимать несовместимость этих старых натуральных оброков с новым положением вещей, и они кончили тем, что сами квалифицировали эти оброки, как „грабеж и вымогательство“.

Как положение личности; управление страной, так и фискальная система, основной характер самого права подвергаются изменению в городах. Сложная и формальная процедура очищения, ордалии, судебный поединок—все эти суровые методы испытания, которые слишком часто допускают случайность или при которых настоящая случайность решает судьбу процесса, в свою очередь, вскоре приноровились к новым условиям жизни городской округи. Старые суровые формы договора, которые установил обычай, также быстро исчезли, как только экономическая жизнь стала более сложной и более активной. Судебный поединок не мог долго продержаться в среде купеческого и ремесленного населения. Доказательство через свидетелей было поставлено на место доказательства через соприсяжников, раньше, чем городские судьи заняли

скамьи. Вергельд, старая цена крови, уступил место системе штрафов и телесных наказаний. Наконец, законные сроки, такие первоначально длинные, были значительно уменьшены. Не только судебный процесс был смягчен. Содержание права эволюционировало параллельно с ним. В вопросах брака, наследования, заклада, обязательств, ипотеки и особенно в вопросах торгового характера новый свод законов вошел в города, и юриспруденция их судов создала гражданскую практику, очень сложную и точную.

Городское право характерно не меньше с уголовной точки зрения, чем с гражданской. В таких поселениях, как города, были люди всякого положения, занимаемого ими в жизни; в этой среде, где были в изобилии путешественники, бродяги и авантюристы, была необходима суровая дисциплина, чтобы сохранить безопасность. Она была равно необходима для устрашения воров и бандитов, которые всегда, как показывает история культуры, собираются в торговых центрах. Действительно, даже в такую раннюю эпоху, как Каролингская, города с их укреплениями, о построении которых заботился богатый класс, казалось, пользовались специальным миром¹⁷. Это то самое слово мир, которым пользовались в XII в., чтобы обозначить уголовное право города.

Этот городской мир был исключительным законом, более суровым, более жестким, чем закон деревенских округов. Это было настоящее чудовище телесных наказаний—повешение, обезглавливание, кастрация, отрезание членов. Он назывался при всей своей суровости *lex talionis*—око за око, зуб на зуб. Очевидно, его намерение было подавить преступления страхом. Всякий, кто вступал в ворота города, дворянин, свободный, бюргер, одинаково подчинялись ему. Находясь под действием такого права, город, так сказать, был в перманентном состоянии осады. Но в этом праве города находили мощное средство объединения, потому что оно простиралось как на суд, так и на сеньории, дробившие раньше территорию. Оно беспощадно все регулировало. Больше, чем общность интересов и жительства, право содействовало тому, чтобы сделать однообразным положение всех жителей, разместившихся внутри городских стен, и создать средний класс. Бюргеры были в сущности группой людей мира (*homines pacis*). Городской мир (*pacis villae*) был в то же самое время городским правом. Эмблемы, которые символизировали юрисдикцию и автономию города, были все эмблемы мира; таковы были, например, крест или символ, поставленный на каменном постаменте на рыночной площади; башня для колокола (*Bergfried*). Эти башни поднимаются над центром нидерландских и северо-французских городов; эти статуи Роланда так многочисленны в северной

Германии. В силу мира, которым был наделен город, последний составлял особый юридический округ. Юридический принцип территориальности нес вместе с собой и принцип персональный. Все одинаково подчиненные одному и тому же уголовному закону бюргеры неизбежно, рано или поздно становились участниками одного и того же гражданского закона. Городская деятельность простиралась до границ городского мира, и город составлял юридическую общину в пределах своих укреплений.

Мир, в свою очередь, содействовал сильно тому, чтобы город стал общиной и имел, действительно, клятву, как санкцию мира. Это предполагало *conjuratio* всего городского населения. И клятва, данная бюргерами, не была равносильна простому обещанию повиноваться муниципальной власти. Она превращалась в суровые обязательства и налагала суровый долг сохранять и уважать мир. Каждый *juratus*, т. е. каждый, принявший клятву гражданин, был обязан оказывать помощь всякому гражданину, который звал эту помощь. Таким образом, мир вырастал среди членов общины в перманентную солидарность. Отсюда термин „братья“, которым иногда обозначали горожан, или слово *amicitia*, употребляемое в Лилле, например, как синоним слова *рах*. И поскольку мир относится ко всему населению, то позднее отсюда возникла коммуна. Имена, которые были даны в некоторых местах муниципальным магистратам, „хранители мира“ в Вердене, „хранители дружбы“ в Лилле, „дававшие клятву мира“ в Валенсьене, Камбре и во многих других городах—все это позволяет видеть тесную связь отношений между миром и коммуной.

Другие причины естественно содействовали рождению городских общин. Самая мощная среди них была нужда, рано почувствованная бюргерами, упорядочить налоги. Капиталы были необходимы для общественных неотложных дел и прежде всего для сооружения городской стены. Всюду нужда в постройке этих защитных укреплений была отправным пунктом для городских финансов. В городах льежской области общинное обложение получило характерное имя *firmitas*. В Анжере самые древние муниципальные счета были счета по сооружению укреплений и вала города „*clouaison, fortification et emparement*. Всюду часть штрафов предназначалась *ad opus castri* для улучшения укреплений города.

Налоги, естественно, обеспечивали способы покрыть нужду в средствах. Для того, чтобы подчинить плательщиков, было необходимо обращаться к мерам понуждения. Всякий обязан был участвовать сообразно своим средствам в издержках, которые диктуются интересами целого. Кто отказывался нести обложение, которое интересы города вызывали, изго-

нялся из города. Позднее, коммуна стала обязательной ассоциацией, моральной личностью. Согласно фразе Бомануара, она составляла: *Compaignie, laquelle ne pot partir ne deseurer, ancois convient qu'elle tiegne, voillent les parties ou non qui en la Compaignie sont*“, то есть коммуна—общество, которое не может быть распущено, но которое должно жить независимо от желаний членов, которые его составляют.¹⁸

Таким образом, город средневековья был одновременно судебным округом и коммуной.

Поскольку город был независимым судебным округом, он должен был иметь, во всяком случае, свою юрисдикцию. Городское право, ограниченное стенами города, в противоположность деревенскому праву, праву внешнего мира, должно иметь специальный трибунал, для его применения, и бюргеры должны иметь, следовательно, гарантию для своего привилегированного положения. Такова специальная статья, которая налицо почти в каждой муниципальной хартии: бюргеры могут быть судимы только своими собственными магистратами. Последние—это неизбежное следствие—брались из городской среды. Было то существенно, что они являлись членами коммуны и естественно последняя, в большей или меньшей степени, принимала участие в их назначении. В одних местах право назначения принадлежало сеньору; в других местах, прибегали к сложным формальностям: многостепенные выборы, жеребьевка и так далее, что очевидно имело целью устранить подкуп и фальшь. Очень часто председатель трибунала (мэр, бейлиф и т. д.) был офицер сеньора. Случалось иногда, тем не менее, что город имел нечто сказать при его выборах. Город гарантировал себя клятвой, которую избираемый должен был дать в том, что он будет уважать и защищать городские привилегии.

Немногие города XI—XII века владели специальными судами. В Италии, на юге Франции, в некоторых частях Германии члены судов носили имя консулов. В Нидерландах и на севере Франции они назывались эшевенами, или альдерменами. В других местах они были названы присяжными—*jures*. В зависимости от местных условий широта юрисдикции, которой они обладали, также вариировалась очень значительно. Часто бывало, что сеньор оставлял себе некоторые особые дела, но эти местные различия имеют мало значения. Существенно то, что каждый город, в силу того, что он был признан судебным округом, имел свой собственный суд. Его компетенция была установлена городским законом и ограничена территорией, к которой этот закон относился. Иногда вместо одной корпорации магистратов, их было несколько и каждая имела свои специальные атрибуты. Во многих городах

и особенно в епископских городах, где муниципальные институты были результатом восстания, можно было видеть, бок о бок с альдерменами, над которыми сеньор имел большее или меньшее влияние, корпорацию присяжных, которая наблюдает за делом городского мира и особо компетентна в вопросах, возникающих из толкования коммунальных статутов. Однако нельзя здесь входить в детали; достаточно показать общую эволюцию, без того, чтобы отмечать бесчисленные варианты.

Город, как коммуна, по статуту, управлялся советом (*consilium, curia*). Этот совет иногда совпадал с трибуналом, а некоторые лица бывали одновременно и судьями и администраторами для среднего класса. Очень часто, однако, совет имел свой особый состав. Его члены получали свою власть от коммуны. Они были ее делегатами, но она не отказывалась от власти всецело в их пользу. Назначенные на короткое время они не могли узурпировать власти, которая была им доверена. Позднее, когда городская конституция развилась и когда администрация стала сложной, они создали настоящую корпорацию, над которой влияние народа стало слабо ощущаться. Сначала же было совершенно иначе. Присяжные, облеченные обязанностью охраны общественного блага, были только представителями, очень схожими с „лучшими людьми“ городов Новой Англии, только исполнителями коллективной воли. Доказательство этого заключается в том, что сначала они не имели основной характерной черты каждой организованной корпорации, центральной власти, председателя. Бургомистры и мэры коммуны были, действительно, относительно позднего происхождения. Они не существовали раньше XIII в., они принадлежали к эпохе, в которую характер учреждений имел тенденцию изменяться, в которую ощущалась нужда в большей централизации и в более независимой власти.

Совет вступил на путь административной рутины. Он вел финансы, торговлю и промышленность. Он наблюдал и следил за порядком в общественных делах, организовывал продовольствие города, регулировал экипировку и содержание армии коммуны, основывал школы для детей, заботился о поддержании приютов для старых и бедных.

Статуты, определявшие это, составляли настоящий остоу муниципального законодательства, из которого, севернее Альп, едва ли что-либо существовало раньше XIII в. Но внимательное изучение этих статуты приводит к убеждению, что они только развивали и очищали более древнюю форму правительства.

Нигде, может быть, дух новаторства и практическая сметка среднего класса не выступали более ясно, чем в области администрации¹⁹. Дело, сделанное в этой области, кажется более

достойно замечания в том отношении, что оно было оригинально. Ничто в прежнем порядке вещей не могло служить примером для этого, поскольку нужды, ради которых все это предпринималось, были новые нужды. Это делается ясным, например, если сравнить финансовую систему феодальной эпохи, с той, которую ввели городские коммуны. При первой системе налоги были просто фискальным побором, установленным и вечно обязательным, не соответствующим средствам плательщика, падающим только на народ; доходы являлись добавлением к вотчинным источникам князя или сеньора, который собирал их, без того, чтобы какую-либо часть их прямо направлять на пользу общества. Вторая система не знала ни исключений, ни привилегий. Все бюргеры, пользующиеся какой-либо выгодой от коммуны, были одинаково обязаны участвовать в ее издержках. Доля каждого была пропорциональна его средствам. Сначала она была вообще высчитываемая на основании доходов. Многие города практиковали этот способ до конца средневековья. Другие заменяли его акцизом, т. е. косвенным обложением, падавшим на предметы потребления и особенно на продовольствие, так что богатый и бедный были облагаемы сообразно своим издержкам. Но этот городской акциз не был никоим образом связан со старыми рыночными пошлинами. Он был гибок, насколько последние были лишены этого. Но какую бы форму они ни принимали, доходы с этого обложения всецело передавались на нужды коммуны. В конце XII в. фискальная система развилась; в это время могут быть открыты первые следы муниципальных отчетов.

Продовольствие города и регулирование торговлей и промышленностью свидетельствует более ясно о разрешении бюргерами социальных и экономических проблем, которые ставились перед ними условиями их существования. Они должны были заботиться о существовании многолюдного населения, обязанного получать запасы продовольствия извне, защищать своих мастеров от иностранной конкуренции, выяснять запасы сырья и заботиться о сбыте изделий. Они достигали этого системой регулировки, так чудесно соответствующей их целям, что она могла быть рассматриваемая, как искусство своего рода. Городская экономика была равноценна с готической архитектурой, которой она была современница. Она создала с полной завершенностью—и можно, сказать, создала из ничего—социальное законодательство, более совершенное, чем законодательство какого-либо другого периода в истории, включая и капиталистический. Устраняя с дороги посредников между торговцем и покупателем, она обеспечила бюргеру дешевую жизнь, безжалостно преследо-

вала обман, защищала мастера от конкуренции и эксплуатации, регулировала его труд и его заработок, охраняла его здоровье, обеспечивала выучку мастерству, запрещала женский и детский труд и в то же самое время удерживала в его собственных руках монополию по снабжению соседней округи его изделиями и открывала далекие рынки для торговли.

Все это было бы невозможно, если бы гражданский дух бюргеров не был равен здесь тем обязанностям, которые были возложены на них. Необходимо, действительно, отойти к античности, чтобы найти так много преданности общественному благу, как та, картину которой города давали. *Unus subveniet alteri tamquam fratri suo*, т. е. „один пусть помогает другому, как своему брату“, говорит Фландрская хартия XII в., и эти слова были действительно реальностью²⁰. В XII в. купцы отдавали добрую часть своей прибыли в пользу товарищей—граждан, строили церкви, основывали госпитали, выкупали рыночные пошлины. Жажда наживы в них уступала местному патриотизму. Каждый человек был горд своим городом и добровольно отдавался служению его благополучию. Это было так потому, что каждая индивидуальная жизнь зависела прямо от коллективной жизни муниципальной ассоциации. Коммуна средневековья, действительно, имела все существенные атрибуты, которые свойственны государству в наши дни. Она гарантировала всем своим членам безопасность их личности и собственности. Вне коммуны был враждебный мир; бюргер был окружен опасностями и подвергался всякому риску. В ней одной он имел защиту и к ней одной чувствовал благодарность, которая граничила с любовью. Он был готов отдаться ее защите так же, как он всегда был готов украшать ее, делать ее более красивой, чем соседние города. Эти великопные кафедральные соборы, которые воздвигались в XIII в., не будут понятны без той радостной бодрости, с которой бюргеры даром отдавались их сооружению. Они были не только божьими домами; они прославляли город, величайшим украшением которого они были и о котором их величавые башни издалика уже предупреждали. Они были для городов средневековья тем же, чем храмы для городов античности.

Пылу местного патриотизма соответствовала их исключительность. Благодаря тому, что каждый город составлял государство, города видели друг в друге только соперников или врагов. Они не могли подняться выше сферы собственных интересов. Они были сами центрами и чувство, которое они порождали у их соседей, кажется национализмом наших дней, национализмом с очень узкими рамками. Гражданский дух, который воодушевлял их, был исключительно эгоистическим.

Они ревниво охраняли те свободы, которыми они пользовались внутри своих стен. Крестьяне, жившие кругом, не казались им совсем согражданами. Они думали только о том, как бы выгодно их эксплуатировать. Со всей своей мощью они стояли на страже и заботились о том, чтобы крестьяне не приобщились к той промышленности, которая была монополией городов. Обязанность продовольствовать город была возложена на крестьян, которых подчиняли тираническому протекторату всякий раз, когда было возможно это сделать, как например, в Тоскане, где Флоренция подчинила своему игу все окружающие области.

Мы коснулись здесь событий, которые объявились со всеми последствиями только к началу XIII в. Будет достаточно кратко очертить тенденцию, которая в эпоху зарождения городов была не более, чем намеком на то, что должно было произойти. Наша цель была только в том, чтобы очертить город средневековья после того, как было обрисовано его происхождение. Сверх того, возможно отметить только его главные черты. Физиономия города, здесь нарисованная, похожа на те лица, которые получаются на фотографических портретах, наложенных один на другой. Контур его дает лицо, общее всем и не принадлежащее никому в особенности.

Если бы мы захотели, в конце этой слишком длинной главы, выразить в одной фразе ее основные мысли, то, может быть, было бы возможно сказать, что город средневековья, как он существовал в XII в., был торговой и промышленной коммуной, живущей за защитой укреплений и пользующейся законом, управлением и судом своим, в виде изъятия, что делает эту коммуну коллективной и привилегированной личностью.

Глава VIII.

ГОРОДА И ЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ.

Появление городов обозначало начало новой эры во внутренней истории западной Европы. До тех пор общество знало только два деятельных сословия: духовенство и дворянство. Получив себе место рядом с ними, средний класс закруглял социальный порядок, или скорее давал ему последний штрих. С этого времени состав общества нельзя было изменить; он имел все составные элементы, и перемены, которым он мог в течение столетий подвергнуться, был, строго говоря, ничем иным, как различными комбинациями элементов той же смеси.

Подобно духовенству и дворянству, средний класс был тем же привилегированным сословием. Он создавал особую

юридическую группу, и специальное право, которым он пользовался, изолировало его от массы сельских жителей, которые продолжали составлять громадное большинство населения. Как было уже видно, средний класс был обязан сохранять неприкосновенным свое исключительное положение и удерживать благодеяния, вытекающие отсюда. Свобода, как ее понимал средний класс, была монополией. Ничего не было менее либерального, чем идея касты, которая была причиной силы среднего класса, пока она не стала, в конце средневековья, причиной слабости. Невзирая на это, средний класс был предназначен к миссии распространения идеи свободы далеко и широко и создания способов постепенного освобождения сельских классов без того, чтобы сознательно желать этого. Один только факт существования среднего класса должен был иметь непосредственное влияние на сельские классы, и мало по-малу ослабить контраст, который сначала отделял их от среднего класса. Напрасно было стараться удержать сельское население под влиянием среднего класса, отказывать ему в доле привилегий последнего, исключать его из участия в торговле и промышленности. Средний класс не имел силы задержать эволюцию, которой он сам был причиной и которую он не мог подавить без того, чтобы не исчезнуть самому.

Для образования городских групп сразу же перестраивалась экономическая организация сельских округов. Производство, как оно было там поставлено, служило сначала только, чтобы поддержать жизнь крестьянина и снабжать натуральными оброками сеньора, которому они были подчинены. После прекращения торговли ничто не побуждало крестьянина требовать от земли излишков, от которых ему невозможно было отделаться, пока отсутствовали внешние рынки, манившие к себе. Он довольствовался тем, что обеспечивал себе ежедневный кусок хлеба, уверенный в завтрашнем дне и не желая улучшать своей участи, поскольку он не мог представить себе возможности таковой. Узкие рынки городов и бургов были слишком незначительны, и их требования были слишком регулярны, чтобы побудить крестьянина выйти из рутины и интенсифицировать свой труд. Но вдруг эти рынки зажглись новой жизнью. Число покупателей умножилось, и крестьянин сразу же получил гарантию, что он продаст те продукты, которые он принес туда. Это было естественно для него воспользоваться такими благоприятными условиями. От него зависело продавать, если он производил достаточно, и тотчас он начал расчищать земли, которые до сих пор он оставлял невспаханными. Его труд получил новый смысл; он приносил ему выгоды, шансы на

сбережения и на существование, которое становилось тем более комфортабельным, чем оно было более деятельным. Положение было тем более благоприятно, что излишние доходы от земли принадлежали крестьянину на правах его собственности. Требования сеньора были фиксированы вотчинным обычаем на определенном уровне, так что рост дохода от земли был благодетелен только для держателя последней.

Но сеньор имел сам шансы извлечь выгоду из нового положения, при котором развитие городов захватило сельские местности. Он имел громадный резерв в некультурной земле, в лесах, кустарниках, болотах и топях. Ничего не могло быть проще, как пустить их под культуру и через нее извлекать выгоду из этих новых источников, которые становились все более и более необходимыми и доходными по мере того, как росло городское население и число самих городов. Рост населения должен был доставить необходимые рабочие руки для дела очистки и осушки земель. Достаточно было позвать для этого людей, они не преминут появиться.

В конце XI века движение уже проявилось во всей своей силе. Монастыри и местные сеньоры с этого времени были заняты превращением бездоходных частей своих вотчин в доходные земли. Площадь культурной земли, которая, с самого падения Римской империи, не возрастала, получила непрерывный рост. Леса были расчищены. Орден цистерцианцев, основанный в 1098 году, следовал этому новому пути с момента своего возникновения. Вместо того, чтобы оставить на своих землях старую домениальную организацию, он разумно усвоил себе новый порядок вещей. Он использовал принцип фермерства в широких размерах и, в зависимости от области, устанавливал наиболее доходную форму производства. Во Фландрии, где нужды городов были больше, поскольку они сами были богаче, этот новый порядок обязывал к расширению скотоводства. В Англии это приводило особенно к сбыту леса, который те же самые города Фландрии потребляли в большем и большем количестве.

Тем временем всюду сеньоры и светские и духовные основывали новые города. Так назывались деревни, основанные на девственной почве, жители которых получали участки земли на условии выплат ежегодной ренты. Но эти новые города, число которых возрастало в течение XII века, были в то же самое время свободные города. Ибо, чтобы привлечь арендаторов, сеньор обещал им изъятие от оброков, которые несли сервы. В общем он сохранял за собой только юрисдикцию над ними; он уничтожил в их пользу старинные повинности, которые до того существовали в вотчинной

организации. Хартия Лоррисы (1155) в Гатине, хартия Бомона в Шампани (1182), хартия Прикеса в Эно (1158) представляют особенно интересные типы хартий новых городов, которые встречаются всюду в соседних поселениях. Хартия Бретеяля в Нормандии, которая послужила в течение XII века примером для большого числа местностей в Англии, Уэльсе и даже в Ирландии, была того же самого типа.

Таким образом появился новый тип крестьянина, совершенно отличный от старого. Последний знал рабство, как свою характерную черту; фермер пользовался свободой. И эта свобода, основой которой было экономическое замешательство, внесенное городами в организацию деревенских округов, была скопирована с городской свободы. Жители новых городов были, строго говоря, сельскими бюргерами. Они, в большом числе хартий, получили имя *burgenses*. Они получили основанную на законе конституцию и местную автономию, которая была заимствована из городских учреждений в такой степени, что можно сказать, что последние вышли за пределы своих стен, чтобы достигнуть сельских округов и наградить их свободой.

И эта новая свобода, прогрессируя, долго не могла пробить путь в старые вотчины, архаическое устройство которых не могло быть сохранено среди преобразованного социального порядка. В силу ли добровольного освобождения, или предписания или узурпации сеньоры позволяли постепенно заменять рабство свободой, то рабство, которое так долго было нормальным условием их держателей. Форма правления народом была здесь в то же самое время изменена, как и форма правления страной, поскольку обе были последствиями экономического порядка, готового исчезнуть. Торговля теперь давала все необходимое, что вотчины обязаны были получать до сих пор своими собственными усилиями. Не было больше необходимости для каждой вотчины производить все, в чем она нуждалась. Достаточно было пойти, чтобы получить все необходимое в соседнем городе. Аббатства Нидерландов, которые были наделены своими благотворителями виноградниками во Франции, на берегах Рейна и Мозеля, где они производили вино, нужное для их употребления, начали с начала XIII века продавать ту собственность, которая теперь была бесполезна, и поддержание которой стоило больше, чем приносимый собственностью доход¹.

Ни один пример лучше не иллюстрирует неизбежное исчезновение старой вотчинной системы в эпоху, преобразованную торговлей и новой городской экономикой. Торговля, которая становилась более и более активной, необходимо преобразовывала земледелие, разбивала те границы, которые

до сих пор связывали земледелие, толкала его к удовлетворению потребностей городов, модернизировала и в то же самое время делала его свободным. Человек был оторван от земли, к которой он был так долго прикован, и рабский труд все более и более заменялся трудом свободным. Только в отдаленных от главных торговых путей областях в своей примитивной суровости держалось старое личное рабство и вместе с тем старые формы вотчинной собственности. Всюду последние исчезали тем быстрее, чем многочисленнее были города. Во Фландрии, например, они едва ли существовали с начала XIII века, хотя, можно быть уверенным, некоторые черты старого строя сохранились. К концу старого порядка могут быть найдены здесь и там люди, связанные правом мертвой руки или подчиненные обязательному труду, и земли, обремененные различными сеньориальными правами. Но эти пережитки прошлого были почти всегда простыми оброками, и кто платил их имел при всем том полную личную свободу.

Эмансипация сельских классов была только одним из последствий, вызванных экономическим возрождением, а города были одновременно и результатом и средством этого возрождения. Оно совпадало с растущим значением движимого капитала. В продолжение вотчинного периода средневековья здесь не было другой формы богатства, чем та, которая лежала в недвижимом имуществе. Оно обеспечило держателю личную свободу и социальный престиж. Оно было гарантией привилегированного состояния духовенства и дворянства. Привилегированные владельцы земель жили трудом своих держателей, которым они оказывали защиту и которыми они правили. Рабство масс было необходимым последствием такой социальной организации. Здесь была альтернатива сохранять свою собственную землю и быть господином или пахать ее для других и быть рабом.

Но с образованием среднего класса появился на земле класс людей, существование которых стояло в вопиющем противоречии с традиционным порядком вещей. Землю, на которой они сидели, они не только не обрабатывали, но даже и не делали своей собственной. Они демонстрировали и делали ясной возможность жить и богатеть, только занимаясь продажей или производя меновые ценности.

Земельный капитал был всем, а теперь рядом с ним явилась власть движимого капитала. До сих пор монеты были бесплодным капиталом. Крупные светские и церковные собственники сосредоточивали в своих руках очень скудный капитал, который можно было пустить в обращение, посредством всякого рода земельных оброков, которые они

возложили на своих держателей, или посредством милостыни, которую братства приносили церквям, и они нормально не имели возможности заставить капитал приносить доход.

Можно быть уверенным, часто бывало, что монастыри во время голода соглашались на лихвенные займы дворянам, которые в нужде должны были предлагать в заклад свои земли. Но эти передачи, воспрещенные каноническими законами, были только временными опытами². Как общее правило, наличные деньги припрятывались их владельцами и очень часто обменивались на сосуды, украшения для церкви, которые могли быть расплавлены в случае нужды. Торговля, естественно, освободила эту пленную монету и восстановила ее надлежащие функции. Благодаря ей, монета опять стала орудием обмена и мерой ценности и, пока города были центрами торговли, она необходимо устремлялась к ним. При циркуляции, ее власть умножалась вследствие большого числа передач, которые совершались. Ее употребление, в то же время, становилось более общим; платежи натурой уступали место все более и более платежам монетой.

Проявилось новое движение к богатству; это было богатство торговое, состоявшее не в земле, а в монетах или в товарах, которые можно исчислить в монетах. В течение XI века истинные капиталисты существовали уже в некоторых городах; некоторые примеры уже были указаны выше; к ним необходимо добавить еще здесь новые. Эти городские капиталисты создали привычку вкладывать часть своих прибылей в землю³. Лучший способ консолидировать их состояние и их кредит был, действительно, в том, чтобы скупить землю. Они уделяли часть своей прибыли на покупку недвижимости, прежде всего в том самом городе, где они жили, а позднее в деревне. Но они также обращались в денежных заимодавцев. Экономический кризис, вызванный вторжением торговли в жизнь общества, повел к гибели или, по крайней мере, к ослаблению земельных собственников, которые не были в состоянии принорочиться к торговле. Ибо, как естественный результат расширения денежного обращения, был упадок цены на монету и вследствие этого факта повышение всех цен на товары. Период создания городов был периодом высокой стоимости жизни: он был благоприятен деловым людям и ремесленникам среднего класса, как мучителен для владельцев земли, которые не сумели поднять свои доходы. К концу XI века многие из них были вынуждены обращаться за помощью к купцам-капиталистам, чтобы удержаться. В 1127 году хартия Омера упоминала, как заурядную практику, ссуды, которые делают бюргеры города рыцарям соседней округи.

Но и более важные операции были уже обычными в эту эпоху. Здесь не было недостатка в купцах достаточно богатых, чтобы согласиться на ссуды значительного размера. Около 1082 года некоторые купцы Льежа ссужают деньги аббату монастыря св. Губерта, чтобы позволить ему купить территорию Шавиньи, а немногим позднее они дали в аванс епископу Отбергу сумму, необходимую, чтобы приобрести у герцога Годфри в момент отправления его в крестовый поход, его Бульонский замок⁴. Сами короли в течение XII века прибегали к помощи добрых услуг городских финансистов. Вильям Кед был заимодавцем английского короля⁵. Во Фландрии, в начале царствования Филиппа II Августа, Аррас стал выдающимся городом банкиров. Вильгельм Бретонский описывает его, как город, полный богатств, жадный до роскоши, насыщенный ростовщиками. *Ahrabatum... potens urbs... plena divitiis, inhians lucris et foenere gaudens*⁶.

Города Ломбардии и, следуя их примеру, города Тосканы и Прованса шли гораздо дальше в развитии той торговли, которую церковь напрасно думала приостановить. В начале XIII века итальянские банкиры уже раскинули свои операции на север от Альп, и их успехи здесь были так быстры, что полстолетие позднее, благодаря обилию своих капиталов и более совершенной технике своих операций, они всюду заняли место местных ростовщиков.

Сила движимого капитала, собранного в городах, не только давала ему экономический вес, но и содействовала также тому, чтобы он получил свою долю влияния в политической жизни. Ибо, — поскольку общество не признавало никакой другой власти, чем власть, которая исходила из владения землей, постольку духовенство и дворянство тогда имели участие в управлении. Феодальная иерархия всецело базировалась на земельной собственности. Феод был, действительно, только держанием, и отношения, которые он создавал между вассалом и господином, были только особым видом отношений, которые существовали между собственником и держателем. Только та была разница, что службы, которым обязан был первый второму, вместо того, чтобы иметь экономическую природу, имели природу военную и политическую. Как каждый местный государь требовал помощи и совета от своих вассалов, так он сам, будучи вассалом короля, помогал с своей стороны королю подобными же обязательствами. Таким образом те, кто владел землей, вступали в управление общественными делами. Они вступали в управление, только платя своим досугом за это, то есть, оказывая „совет и помощь“, *concilium et auxilium*. Денежная повинность для нужд своего суверена не могла спрашиваться

в эпоху, когда капитал, в форме недвижимого владения, служил только для поддержания жизни его владельца. Может быть, более отчетливый характер феодального государства выявлялся в абсолютном отсутствии финансов. В нем деньги не играли никакой роли. Вотчинные доходы государя составляли его частное достояние. Было невозможно для него увеличить свои средства оброками, и его финансовая бедность предостерегала его брать на свою службу сменяемых и платных агентов. Вместо чиновников он имел только наследственных вассалов, и его власть над ними ограничивалась требованием клятвы, которую они ему давали.

Но как только экономическое возрождение сделало для него возможным увеличить доходы и деньги начали стекаться в его сундуки, он получил непосредственную выгоду от этих обстоятельств. Появление бальи, в течение XIII века, было первым симптомом политического процесса, который сделал возможным для государя создать настоящую администрацию и заменить свой сюзеренитет мало-помалу суверенитетом. Бальи был в полном смысле слова чиновником. Вместе с этими сменяемыми чиновниками, вознаграждаемыми не пожалованием земли, но должностью, утвердился новый тип правления. Бальи имел место вне феодальной иерархии. Его природа была совершенно отлична от природы старых судей, мэров, кастеллянов, которые исполняли свои функции по наследству. Между ними и им здесь была та самая разница, какая была между старыми крепостными держателями и новыми свободными. Тожественные экономические причины одновременно изменили организацию деревни и управление народом. Как они сделали способными крестьян освободиться, а собственников заменить вотчинный манс свободной рентой, так они сделали способными государей, благодаря их наемным агентам, взяться за прямое управление территориями.

Это политическое нововведение, как и социальное нововведение, которому оно современно, предполагало распространение денег и усиление оборота их. Это совершенно ясно показывает тот факт, что Фландрия, где торговая и городская жизнь развивалась скорее, чем в других частях Нидерландов, узнала значительно раньше этих последних институт бальи. Связи, которые необходимо были установлены между государями и бюргерами, имели таким образом политические последствия очень большой важности. Было необходимо внимательно относиться к городам, растущее богатство которых давало им постоянно усиливавшееся значение, которые, в случае нужды, могли выставить тысячи хорошо экипированных людей. Феодальные консерваторы

питали сначала только презрение к надменности городской милиции. Отто Фрейзингенский был разгневан, когда он увидел жителей коммун Ломбардии одетыми в шлемы и кирасы и готовыми бороться с благородными рыцарями Фридриха Барбароссы. Но выдающаяся победа, выигранная этими грубиянами при Леньяно (1176) над отрядами императора, показала, на что они были способны. Во Франции короли не пренебрегали обращаться за помощью к их службе и привлекать их на свою сторону. Короли взяли на себя задачу быть покровителями коммун, хранителями их свобод и сделали дело короны повидимому солидарным с освобождением городов. Филипп Август должен был пожать плоды такой искусной политики. Сражение при Бувине (1214), которое окончательно установило перевес монархии внутри Франции и позволило ее престижу распространиться по всей Европе, было обязано по большей части военным контингентам городов.

Влияние городов было не менее важно в Англии в ту же эпоху, хотя оно обнаружилось совершенно иным образом. Здесь, вместо поддержки монархии, города поднялись против нее на стороне баронов. Они полагали равным образом создать парламентское правление, отдаленное происхождение которого может быть датировано эпохой великой хартии (1214).

Это было не только в Англии, что города требовали и получили более или менее широкое участие в правлении. Их естественное устремление влекло их к тому, чтобы стать муниципальными республиками. Но здесь закрадывается сомнение, что если бы они имели власть, то они везде захотели бы стать государствами в государстве. Но они не успели осуществить этот идеал, исключая того случая, когда власть государства была бессильна противостоять их напору.

Таков был случай с Италией в XII веке и позднее с Германией, после полного упадка императорской власти. Всюду они не успели сбросить верховную власть государей или в силу того, что как в Германии, и во Франции монархия была слишком сильна, чтобы капитулировать перед ними, или в силу того, что, как в Нидерландах, их партикуляризм удерживал их от комбинирования их усилий в том направлении, чтобы получить независимость, которая непосредственно сталкивала их взаимные интересы. Они оставались тогда, как общее правило, подчиненными территориальной власти.

Но эта последняя не трактовала их просто как подданных. Она слишком нуждалась в них, чтобы не иметь уважения к их интересам. Ее финансы опирались на финансы городов, и, по мере того, как они увеличивали силу государства и его расходы, она чаще и чаще чувствовала нужду обращаться

к карманам бюргеров. Хорошо уже установлено, что в XII веке власть территориальная занимала деньги у городов. А эти деньги города не давали без обеспечения. Они хорошо знали, что они идут на большой риск не быть никогда оплаченными, и они требовали новых свобод в возврат за те суммы денег, которые они согласились дать взаймы. Феодальный закон позволял сюзерену требовать у своих вассалов только некоторые точно установленные повинности, которые определены для особых случаев, всегда одинаковых по характеру. Вследствие этого было невозможно для него подчинить их произвольно поголовному налогу и получить от них помощь, как бы ни была в том сильна нужда. В этом отношении городские хартии давали им очень торжественные гарантии. Была настоятельная необходимость притти к соглашению с ними. Мало-помалу государи усвоили привычку призывать бюргеров на советы прелатов и дворян, с которыми они совещались о делах. Примеры таких созывов были редки в XII веке; они умножились в XIII веке, а в XIV веке обычай был твердо узаконен через установление штатов, на которых города получили, после духовенства и дворянства, место, которое стало первым по важности, хотя оно было третьим по достоинству.

Хотя средний класс, как мы уже видели, имел очень обширное влияние на социальную, экономическую и политическую перемену, обнаружившуюся в западной Европе в XII веке, это не значит, что он играл очень большую роль в интеллектуальном движении. Этого не было фактически до тех пор, как в XIV веке литература и искусство не создались в недрах среднего класса и не были воодушевлены его духом. До тех пор знание оставалось исключительной монополией духовенства; не употребляли другого языка, кроме латинского. Какая литература была написана на местном языке, ту употребляло только дворянство, или по крайней мере литература выражала только идеи и чувства, которые касались дворянства, как класса. Архитектура и скульптура создавали свои шедевры только при постройке и украшении церквей. Рынки и башни, самые старинные типы которых относятся к началу XIII века, — как, например, удивительный полотняный рынок Ипра, разрушенный во время мировой войны, — оставались верными архитектурному стилю больших церковных сооружений.

При ближайшем рассмотрении не трудно открыть, что городская жизнь, действительно, отдала должную дань нравственным устоям средневековья. Можно быть уверенным, духовная культура городов была под влиянием духа практицизма, который, перед периодом ренессанса, удерживал ее

от проявления какой-либо независимости. Но с самого начала городская культура показала то характерное, что она была исключительно светской культурой. В середине XII века муниципальные советы были заняты основанием школ для детей бюргеров, которые были первыми светскими школами со времени античности. Благодаря им, обучение перестало служить исключительно для новичиев монастырей и будущих приходских „батюшек“. Умение читать и писать, совершенно необходимое для торгового дела, перестало быть достоянием одних только клириков. Бюргер взял инициативу в школьном обучении задолго перед дворянством, потому что для дворянина оно было только умственной роскошью, а для бюргера насущной необходимостью. Естественно, церковь требовала непосредственного надзора за городскими школами, что давало повод к многочисленным конфликтам между ней и городскими властями. Вопрос о религии был естественно совершенно чужд этих споров. Они не имели другой основы, кроме желания городов контролировать школы, созданные ими, и управление которыми они сами хотели держать в своих руках.

Как бы то ни было, обучение в этих городских школах ограничивалось, вплоть до Возрождения, элементарными знаниями. Всякий, кто хотел иметь больше, должен был обращаться к церковным учреждениям. Из этих последних вышли клерки, которые, в конце XII века, вели городскую канцелярию и городскую отчетность, также и публиковали разнообразные акты, необходимые в коммерческой жизни. Все эти клерки были, далее, светские люди; города никогда не вмешивались в их службу, в противоположность феодалам, членам клира, которые в силу привилегий, которыми они пользовались, уклонялись от их юрисдикции.

Язык муниципальных клерков был сначала, разумеется, латинский. Но в начале XIII века стали пользоваться чаще и чаще национальными наречиями. Таким образом, благодаря городам общий язык был введен в первое время в административный обычай. Они проявили тут инициативу, которая вполне соответствовала тому светскому духу, выдающимся представителям которого они были в культуре средневековья.

Этот светский дух тем не менее сопровождался очень напряженным религиозным рвением. Если бюргеры были очень часто в конфликте с церковными авторитетами, если епископы грозили обрушиться против них сотлучениями и если, чтобы противодействовать этому, бюргеры иногда выступали решительно против церковных тенденций, то они, несмотря на все, были воодушевлены глубокой и горячей верой. Чтобы убедиться в этом, надо только сослаться на многочисленные

религиозные учреждения, которыми города изобиловали, на благочестивые и благотворительные братства, которых было там так много. Это благочестие выявлялось с наивностью, искренностью, неустрашимостью, которые переходили всякие границы строгой ортодоксии. Во все времена эти проявления религиозного чувства были отмечены избытком мистицизма. Это побудило горожан в XI веке страстно принять сторону религиозных реформаторов, которые вели борьбу с симонией и с нарушениями celibата; вот почему в XII веке распространялся созерцательный аскетизм бегинков и бегардов; вот чем в XIII веке объяснялся новый прилив энтузиазма францисканцев и доминиканцев. Но здесь также надо искать объяснений успеха всех новунок, всех крайностей и всех извращений религиозной мысли. После XIII века не появлялось ереси, которая бы не находила немедленно многих сторонников. Достаточно тут будет сослаться на быстроту и силу, с которой распространилась секта альбигойцев.

Одновременно исполненные мирского и мистического духа, бюргеры средневековья таким образом были чрезвычайно хорошо подготовлены для роли, которую они должны были играть в двух больших будущих движениях идей: в Возрождении, продукте мирского духа, и в реформации, в которой религиозное начало был руководящим.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Глава I.

¹ P. Scheffer-Bolchorst. Zur Geschichte der Syrer im Abendlande. Mittheilungen des Instituts für Oesterreichische Geschichtsforschung. 1885, vol. VI, 521. L. Bréhier, „Les colonies d'orientaux en Occident au commencement du Moyen-age“. Byzantinische Zeitschrift, 1903, vol. XII.

² H. Pirenne, „Mahomet et Charlemagne“, Revue belge de philologie et d'histoire. 1922, vol. I, 77.

³ A. Dopsch. Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kultur-entwicklung. Vienna 1920, vol. II, 527. (Автор доказывает то положение, что германские вторжения не положили конца римской культуре).

⁴ Фюстель де Куланж. Франкская монархия. Dopsch. С. О. II, 342.

⁵ E. Mayer. Deutsche und französische Verfassungsgeschichte, I, 296.

⁶ Historia Francorum (ed. B. Krusch) IV, 43; VI, 45; VIII, 1; III, 34.

⁷ M. Prou. Catalogue des monnaies merovingiennes de la Bibliothèque National de Paris.

⁸ Pirenne. Un contraste économique. Merovingiens et Carolingiens. Revue belge de philologie et d'histoire. 1923, v. II, 225.

⁹ Historia Francorum. IV, 43; V, 5; VI, 17, 24; IX, 22. Также Григорий Великий. Epistolae I, 45.

¹⁰ Prou. Op. cit. 300.

¹¹ Kiener. Verfassungsgeschichte der Provence. L. 1900; 29.

¹² Marcuffi. Formulae. Ed. Zeumer I, 102.

¹³ L. Levillain. Examen critique des chartes merovingiens et carolingiennes de l'abbaye de Corbie. Paris. 1902; 220, 231, 235. Дело идет о рыночных пошлинах Фоса, около Э в Провансе.

¹⁴ Письма Агобарда. Monumenta Germaniae historica, V, 184.

¹⁵ Historia Francorum, III, 46.

¹⁶ Goll. Samo und die karantanischen Slaven. Mittheilungen des Instituts für Oesterreichische Geschichtsforschung v. XI, 443.

¹⁷ Historia Francorum, III, 34.

¹⁸ Ibidem. VIII, 33.

¹⁹ Ibidem. VI, 45.

²⁰ A. Dopsch. Cit. op. II, 432. F. Dahn. Über Handel und Handelsrecht der, Westgothen Bausteine. Berlin, II, 301.

Глава II.

¹ Pirenne. „Mahomet et Charlemagne“. Revue belge de philologie et d'histoire 1922. I, 86.

² Может быть сделано возражение, что Карл Великий завоевал в Италии королевство лангобардов и в Испании область между Пиренеями и Эбро. Но этот натиск на юг никоим образом не объясняется желанием господствовать

мад берегами Средиземья. Экспедиции против лангобардов были вызваны политическими причинами и особенно союзом с папством. Экспедиция в Испанию имела ту цель, чтобы установить солидную границу против мусульман.

³ Pirenne. Un contraste économique. Merovingiens et Carolingiens. Revue belge de philologie et d'histoire. 1923. II, 223.

⁴ Ввоз все-таки не прекратился совершенно в это время. Последнее сообщение, известное нам об использовании папируса в Галлии, относится к 737 году; Prou. Manuel de paleographie. 3 ed. 17. В Италии папирусом продолжали пользоваться до XI века. A. Giry. Manuel de diplomatique, 494. Его ввозили сюда или из Египта или, более вероятно, из Сицилии (там арабы ввели его производство) на кораблях, принадлежавших византийским городам юга полуострова или на кораблях Венеции (см. III главу).

⁵ Примечание 11 первой главы.

⁶ Kiener. Verfassungsgeschichte der Provence, 31.

⁷ A. Schulte. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Wertdeutschland und Italien. L. 1900, II, 59.

⁸ Vogel. Die Normannen und das Fränkische Reich. Heidelberg. 1906.

⁹ Charles de la Roncière. Charlemagne et la civilisation maritime au IX siècle. Le moyen âge 1897, X, 201.

¹⁰ Dopsch. Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit, II, 180. Мы должны иметь в виду, что многие известия о купцах принадлежат Меровингскому периоду или далеки от того значения, которое им приписывается. См. также Thompson. The Commerce of France in the IX century. The Journal of Political Economy. 1915, XXIII, 857.

¹¹ Pirenne. Draps de Frise ou draps de Flandre? Vierteljahrschrift für Social und Wirtschaftsgeschichte, 1909; v. VII, 308.

¹² M. Prou. Catalogue des monnaies carolingiennes de la Bibliothèque Nationale, 10.

¹³ W. Vogel. Die Normannen und das Frankische Reich, 62.

¹⁴ Capitularia regum Francorum, ed. Boretius, v. II, 250.

¹⁵ Письмо Агобарда; см. примечание 12 I главы.

¹⁶ Томпсон доказывает противоположное, но греческое происхождение Carpi, на чем основана его теория, не может быть принята. См. примечание 10.

¹⁷ Imbart de la Tour. Des immunités commerciales accordées aux églises du VIII ou IX siècle. Etudes d'histoire du Moyen âge, dédiées à Gabriel Monod. Paris, 1896; 71.

¹⁸ Prou. Catalogue des monnaies carolingiennes de la Bibliothèque Nation. XLV. Цент 1/100 доллара.

¹⁹ M. Prou. Cit. op. LXI.

²⁰ Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte 2 ed. 1885. IV, 112.

²¹ Ibid. IV, 54.

²² Wittich. Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland. L. 1896. H. Pirenne. Liberté et propriété en Flandre du IX au XII siècle. Bulletin de l'Académie Royale de Belgique. Classe des lettres, 1906; H. van Werveke, Grands propriétaires en Flandre au VII et au VIII siècle; Révue belge de philologie et d'histoire 1923; II, 321.

²³ Capitularia regum Francorum ed. Boretius I, 125.

²⁴ Перечень рент аббата Ирминона — главный источник наших знаний об этой организации. См. Gareis Capitulare de villis. Die Landgüterordnung Karls des Grossen. Berlin, 1895; также Bloch. L'origine et la date du Capitulare de villis. Révue historique 1923. v. CXLIII, 40.

²⁵ Некоторые авторы верили, что продукты домена были предназначены для продажи. См., например, F. Keutgen Amter und Zünfte, 1903; 58. Действительно, в некоторых исключительных случаях и, например, во время голода, продажа имела место. Но как общее правило здесь, конечно, продажи не было. Тексты показывают, что противоположные примеры слишком малочисленны и двусмысленны, чтобы быть убедительными. Очевидно, все хозяйство вотчинной системы более позднего средневековья находится в вопиющем противоречии с этой идеей выгоды.

По этому вопросу можно обратиться: N. Rostovtzeff, *Iranians and Greeks. In South Russia*. Oxford, 1922. Thomsen. *The Relations between Ancient Russia and Scandinavia and the Origin of the Russian State* Oxford, 1877. Ключевский. *Русская история*, I. Кулишер. *История русской торговли*. 1923.

²⁷ De administrando imperio (написано около 950 г.). Для этого источника превосходный комментарий дает Thomsen, op. c.

Глава III.

¹ Об этом см. главу I.

² Об этом см. главу I.

³ L. Huberti. *Studien zur Rechtsgeschichte der Gottesfrieden und Landfrieden*. Ansbach. 1892.

⁴ Это особенно верно для северной Европы. В южной Франции и Италии, наоборот, где римская муниципальная организация лучше сохранилась, графы обыкновенно жили в городах.

⁵ Города IX и X века еще не изучены в должной степени. Что о них сказано здесь и дальше взято из различных пунктов капитуляриев так же, как и из некоторых скудных текстов в хрониках и в житиях святых. Для городов Германии, к несчастью гораздо менее многочисленных и менее важных, чем города Галлии, читатель должен обратиться к интересной книге S. Rietschel. *Die Civitas auf deutschen Boden bis zum Ausgange der Karolingerzeit*. Leipzig, 1894.

⁶ Я постараюсь естественно охарактеризовать только общее положение. Я знаю, что должны быть сделаны многочисленные исключения. Но они не могут изменить общее впечатление, которое получается от изучения ценных данных.

⁷ S. Rietschel. *Die Civitas auf deutschen Boden bis zum Ausgange der Karolingerzeit*, 93.

⁸ Blanchet. *Les enceintes romaines de la Gaule*. Paris, 1907.

⁹ L. Halphen. *Paris sous les premiers Capetiens*. Paris, 1909; 5.

¹⁰ L. H. Labande. *Histoire de Beauvais et de ses institutions communales*. Paris, 1892, 7.

Vogel. *Die Normannen und das fränkische Reich*. Heidelberg. 1906. 271.

¹¹ До прибытия норманов здесь не было ни одного или почти ни одного укрепленного места вне епископских городов. Hariulphe. *Chronique de l'abbaye de Saint Riquier*. Paris, 1894; 118.

¹² О значении этих слов K. Hegel. *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde*, 1892. vol. XVIII и Des Marez. *Le sens juridique du mot oppidum*. *Festschrift für H. Brunner*. B. 1910.

¹³ H. Pirenne. *Les villes flamandes avant le XII siècle*. *Annales de l'Est et du Nord*. 1905. vol. I, 12.

¹⁴ F. W. Maitland. *Township and Borough*. 1898.

Читатель сравнит также города запада с городами, выстроенными в X в. для защиты против славян вдоль Эльбы и Саала Генрихом Птицеловом. D. Schäfer. „Die Milites agrarii des Witukinds“, *Abhandlungen der Berliner Akademie*, 1905; 572. Для социальной роли городов мы ограничимся цитатой следующего текста, который кажется чрезвычайно характерным; дело идет об основании в 996 году Като-Камбрези: „ut esset obstaculum latronibus praesidiumque libertatis circum et circa rusticanis cultoribus“. „Gesta episcoporum Cameracensium“ — *Monumenta Germaniae historica*, v. VII, 450.

Глава IV.

¹ О росте населения в течение XI века Lambert de Hersfeld, *Annales*. ed. O. Holder-Egger, Hanover, 1894, 121. Suger. *Recueil des Historiens de la France* v. XII, 54; Herman de Tournai, *Monumenta Germaniae historica*, v. XIV, 344.

- ² H. Pirenne, *Histoire de Belgique*, v. I, 4 ed. 148; 300.
- ³ L. M. Hartmann, „Die wirtschaftliche Anfänge Venedigs“. *Vierteljahrschrift für Social und Wirtschaftsgeschichte*, 1904, v. II.
- ⁴ A. Andréadés, *De la population de Constantinople sous les empereurs byzantins*, Rovigo, 1920. До сих пор нет экономической истории Константинополя. За отсутствием лучших работ можно указать Brentano. *Die bizantinische Volkswirtschaft*. Leipzig, 1917.
- ⁵ R. Heynen, *Zur Entstehung des Kapitalismus in Venedig*. Stuttgart. 1905, 15.
- ⁶ R. Heynen. *Op. cit.*, 23.
- ⁷ K. Schaube, *Handelsgeschichte der romanischen Völker*, 61.
- ⁸ W. von Heyd, *Histoire du commerce du Levant au Moyen âge*, v. I, 98.
- ⁹ W. von Heyd. *Op. cit.*, 121; K. Schaube. *Op. cit.*, 49.
- ¹⁰ E. Du Méril. *Poésies populaires latines du Moyen âge*. Paris. 1847, 239.
- ¹¹ K. Schaube. *Op. cit.*, 125.
- ¹² Schulte, *Geschichte der Handelsbeziehungen zwischen Westdeutschland und Italien*. Leipzig, 1900, v. I, 80.
- ¹³ K. Schaube. *Op. cit.*, 90.
- ¹⁴ Galbert de Bruges, *Histoire du meurtre de Charles le Bon, Comte de Flandres*, ed. H. Pirenne. Paris, 1891; 28.
- ¹⁵ См. главу II.
- ¹⁶ W. Vogel, „Zur nord und westeuropäischen Seeschiffart im früheren Mittelalter“, *Hansische Geschichtsblätter*. 1907, v. XIII, 170. A. Bugge, „Die Nordeuropäischen Verkehrswege im frühen Mittelalter“, *Vierteljahrschrift für Social und Wirtschaftsgeschichte*, 1906, v. IV, 227.
- ¹⁷ Engel and Serrure, *Manuel de numismatique du Moyen âge*, v. II, 505.
- ¹⁸ F. Lieberman, *Die Gesetze der Angelsachsen* v. I, 233.
- ¹⁹ H. Pirenne, *Draps de Frise ou draps de Flandre?* *Vierteljahrschrift für Social und Wirtschaftsgeschichte*. 1909, v. VII, 308.

Глава V.

- R. Heynen, *Zur Entstehung des Kapitalismus in Venedig*, 81.
- ² Ibidem, 65.
- ³ Eugene H. Byrne, „Commercial contracts of the Genoese in the syrian Trade of the XII century“. *The Quarterly journal of Economics*, 1916; 128. *Genoese Trade with Syria in the XII century*. *American Historical Review*, 1920, 191.
- ⁴ R. Heynen, *Zur Entstehung des Kapitalismus in Venedig*, 18. H. Sieveking, „Die kapitalistische Entwicklung in den italienischen Städten des Mittelalters“. *Vierteljahrschrift für Social und Wirtschaftsgeschichte*. 1909, 64.
- ⁵ H. Pirenne, „The stages in the social History of Capitalism“, *American Historical Review*, 1914. „Les périodes de l'histoire sociale du capitalisme“. *Bulletin de l'Académie Royale de Belgique. Classe des lettres*. 1914. 258.
- ⁶ *The liber miraculorum sancte Fidis*, ed. A. Bouillet, 63.
Эта книга говорит в отношении купца: „Et sicut negotiatori diversas orbis partes discurrenti, erant ei terra marisque nota itinera, ac viae publicae diverticula, semitae, leges moresque gentium ac linguae“.
- ⁷ F. Kurschmann, *Hungersnöte im Mittelalter*. Leipzig, 1909.
- ⁸ W. Vogel, „Ein seefahrender Kaufmann um 1100“, *Hansische Geschichtsblätter*. 1912, 239.
- ⁹ Книга о жизни св. Годрика повествует: „Проведя детские годы дома в простой обстановке, он, став более зрелым, начал искать более разумных путей в жизни и заботливо и настойчиво изучать документы, говорящие о мирской прозорливости. Поэтому он стал заниматься не сельским хозяйством, но изучил дело, требующее большей смелости, дело купца. Он начал посещать рынки и сначала в мелких торговых делах стал учиться получать барыши, а потом мало-помалу развивать свои юношеские способности и направлять их на дела более крупного масштаба“.

¹⁰ Кто затевает дело, чтобы получить выгоду, давая деньги в рост, тот — купец, которого изгоняют из божьего храма. Decretum I, dist./88. Церковная точка зрения на торговлю изложена у F. Schaubе: „Der Kampf gegen den Zinswucher, ungerechten Preis und unlauteren Handel im Mittelalter, Freiburg-im-Bregau 1905.

¹¹ Мы находим подобную организацию в Далмации. Iirecek. „Die Bedeutung von Ragusa in der Handelsgeschichte des Mittelalters“, Almamach der Academie der Wissenschaften in Wien, 1899 382.

¹² W. Stein. „Hanza“. Hansische Geschichtsblätter, 1909, 53; Pirenne. „La hanse flamande de Londres“. Bulletin de l'Academie Royale de Belgique, Classe des lettres, 1899, 80.

¹³ H. Pigeonneau. Histoire du commerce de la France, v. I, 104.

¹⁴ См. примечание 6. Galbert de Bruges. Histoire de meurtre de Charles le Bon содержит жалобы горожан на графа Вильгельма Нормандского. „Он запер нас в этой земле, чтобы мы не могли торговать и чтобы все, чем мы до сих пор владели, мы прожили, не имея прибыли, не торгуя и не приобретая товаров“.

¹⁵ Ch. Gross. „The court of Piepowder“. The Quarterly Journal of Economics. 1906, 231. Здесь мы имеем дело „с иностранным купцом или каким-нибудь странником по королевству, не имеющим определенной оседлости внутри графства, бродягой, которого звали пыльные ноги“.

¹⁶ Acta sanctorum, IV, 42. Купец назван слугой дьявола—diaboli minister.

¹⁷ Пример обращения купца совершенно аналогичный обращению Годрика и в ту же самую эпоху дан „Житием Теодера“. Monumenta Germaniae historica XII, 457.

¹⁸ H. Pirenne. „L'origine des constitutions urbaines au moyen âge“. Revue historique. 1895, v. LVII, 18.

¹⁹ Ibid. 30. Goldschmidt, Universalgeschichte des Handelsrechts, 125.

²⁰ Alpert. De diversitate temporum (Monumenta Germaniae historica, v. IV, 718) говорит о купцах Тиля, что они решают судебные дела не по закону, но по усмотрению.

Глава VI.

¹ Это верно только в отношении городов, поставленных в нормальные условия. Государство часто должно было поддерживать городское население слишком многочисленное, чтобы быть способным заботиться о своем собственном существовании. Так случилось с Римом в конце республики. Но рост населения Рима был результатом политических, а не экономических причин.

² В средние века, конечно, было много мест, носивших название города и наделенных его привилегиями, но их жители больше занимались сельским хозяйством, чем торговлей и промыслами. Но в этом случае они были образованием позднейшего периода. Мы подразумеваем здесь средний класс, как он был сначала создан и как он продолжал существовать в характерных центрах городской жизни.

³ Самые важные города для изучения происхождения городских учреждений — самые древние, очевидно; там вырос средний класс. Было бы ошибкой искать объяснения его, привлекая города позднего и медленного развития, такие, как германские города за Рейном.

⁴ H. Pirenne. „L'origine des constitutions urbaines au Moyen âge“, Révue historique, 1895; v. LVII, 68.

⁵ H. Pirenne. „Villes, marchés et marchands au Moyen age“. Révue historique, 1898, v. LXVII, 59. Keutgen. Untersuchungen über den Ursprung der deutschen Stadtverfassung. Leipzig, 1895. Rietschel. Markt und Stadt in ihrem rechtlichen Verhältniss. Leipzig, 1897.

⁶ Н. Pirenne. „L'origine des constitutions urbaines au Moyen age“. Revue historique, 1895, v. LVII, 66.

⁷ Хронист Gilles d'Orval, например, говоря о свободах, пожалованных городу Гюн льежским епископом в 1066 году, упоминает о немногих моментах, умалчивая об остальном, „чтобы не надоедать читателю“. Он, очевидно, думает о клириках, для которых он пишет.

⁸ Richer. Historiae, III par. 103. „Убежище купцов, обнесенное стеной наподобие города, отделенное от города рекой Мозой, но связанное с ним двумя перекинутыми мостами“.

⁹ В старом городском праве Страсбурга новое поселение называется „внешним городом“ (urbs exterior).

¹⁰ Gesta episcoporum Cameracensium. Monumenta Germaniae historica, VII, 499.

¹¹ Kiener. Verfassungsgeschichte der Provence, 212.

¹² Digeste, L. 16, 59. „Portus называется огороженное место, куда ввозятся товары и откуда они вывозятся“. Исидор Севильский; Этимология, книга XIV, глава VIII, 39, 40. „Portus называется от вывозимых товаров“.

¹³ В XII веке слово еще удерживало свое первоначальное значение места выгрузки: „Внутри бурга Бризаха и общины Арентиненской не будет portus'a, который в просторечии называется ladstradt, разве только около Бризаха“. Gengler. Stadtrechtsaltertümer, 44.

¹⁴ Н. Pirenne. „L'origine des constitutions urbaines au Moyen age“. R vue historique, v. LVII, 12.

¹⁵ Murray. New English Dictionary, v. VII, p. II, 1136.

¹⁶ Monumenta Germaniae historica, XV, 841.

¹⁷ Н. Pirenne. „Les villes flamandes avant le XII siecle“. Annales de l'Est et du Nord I, 22.

¹⁸ Мы можем сделать то же самое наблюдение, касающееся городов Баве и Тонгре, которые были важными административными центрами на севере Галлии в римскую эпоху. Не будучи расположены по течению какой-либо реки, они не получили выгод от оживления торговли. Баве исчез в IX веке. Тонгре остается, но не имеет никакого значения до наших дней.

¹⁹ Естественно, нельзя требовать, чтобы развитие имело место в каждом городе в совершенно одинаковых формах. Купеческий пригород не везде ясно отделяется от основного бурга, как, например, во фландрских городах. В соответствии с местными условиями вселяющиеся купцы и ремесленники создавали свои колонии разными путями. Здесь только главные линии развития могут быть даны. См. по этому вопросу замечания Оттокара: Опыты по истории французских городов. Пермь, 1919, 244.

²⁰ В 1042 году церковь бюргеров в Сен Омере была выстроена за счет известного Ламберта, который был по всей вероятности сам бюргером. Giry. Histoire de St. Omer. Paris. 1877, 369.

²¹ См. карту Брюгге в начале XII в. в Galbert de Bruges, Histoire du meurtre de Charles le Bon, Comte de Flandre, edit Pirenne. Paris, 1891.

²² Boretius. Capitularia regum francorum, II, 405.

²³ См. примечание к III главе, 14, текст, цитированный для Камбре. В Брюгге в начале XII века город был защищен только деревянным палисадом.

²⁴ См. главу IV.

²⁵ Monumenta Germaniae historica, XV, 616.

²⁶ Monumenta Germaniae historica VII, 540 и Gesta abbatum Prudenensium X, 310.

²⁷ Monumenta Germaniae historica XV, 594.

²⁸ Н. Pirenne. Belgian Democracy — Its Early History, Manchester, 1915, 201.

²⁹ Н. Labande. Histoire de Beauvais, Paris, 1892, 55.

³⁰ Для положения земельного владения в городах см. Des Marez, Etude sur la propri t  fonci re dans les villes du Moyen  ge et sp cialement en Flandre. Ghent, 1898. Самое древнее известное нам сообщение об освобождении городских земель восходит к началу XI в.

Глава VII.

- ¹ H. Pirenne. „L'origine des constitutions urbaines au Moyen âge“. *Revue historique*, v. LVII, 25; 34.
- ² Ibidem; 25; 34.
- ³ G. Kurth. *Notger de Liege et la civilisation au X siècle*, Brussels, 1905.
- ⁴ H. Pirenne, *Belgian Democracy*, 27. F. Keutgen. *Ämter und Zünfte*, 1903; 75.
- Мы находим среди английского духовенства ту же самую враждебность к среднему классу, как и среди немецкого и французского духовенства.
- K. Hegel. *Städte und Gilden der germanischen Völker*. Leipzig, 1891; I, 73.
- ⁵ Hauck. *Kirchengeschichte Deutschlands*, III, 692.
- ⁶ K. Hegel. *Geschichte der Städteverfassung von Italien*. Leipzig, 1847; II, 137.
- ⁷ R. Davidsohn. *Geschichte von Florenz*. Berlin. 1896—1908. I, 345; 350.
- ⁸ F. Kiener. *Verfassungsgeschichte der Provence*, 164.
- ⁹ W. Reinecke. *Geschichte der Stadt Cambrai*. Marburg, 1896.
- ¹⁰ H. Labande. *Histoire de Beauvais*, 55.
- ¹¹ Guibert de Nogent. *De vita sua*, edit G. Bourgen, 156.
- ¹² H. Pirenne. „Les villes flamandes avant le XII siècle“. *Révue de l'Est et du Nord*, 1905, I, 9; *Belgian Democracy*, 64. *Histoire de Belgique*, 4 ed, I, 170.
- ¹³ G. Espinas and H. Pirenne. „Les coutumes de la gilde marchande de Saint Omer“. *Le Moyen âge* 1901, 196. H. Pirenne. „La hanse flamande de Londres“. *Bulletin de l'Académie Royale de Belgique, Classe des lettres* 1899, 65. Для роли, которую играли гильдии в Англии, см. фундаментальную работу Ch. Gross: *The Gild Marchant*, Oxford, 1890. См. также K. Hegel. *Städte und Gilden der germanischen Völker*. Leipzig, 1891; H. Van der Linden. *Les gildes marchandes dans les pays Bas au Moyen âge*. Ghent, 1890. Koehne. *Das Hansgrafenamt*, Berlin, 1893.
- ¹⁴ A. Giry. *Histoire de la ville de St. Omer*. Paris, 1877; 371.
- ¹⁵ Оттокар. *Опыты по истории французских городов*. Пермь, 1919.
- ¹⁶ Galbert de Bruges. *Histoire du meurtre de Charles le Bon, Comte de Flandre*, edit H. Pirenne. Paris, 1891; 87.
- ¹⁷ *Capitularia regum Francorum*, edit. Boretius, v. II, 405.
- ¹⁸ Beaumanoir. *Coutumes de Beauvaisis*, edit. Salmon. I.
- ¹⁹ Монументальная работа Эспинаса — Espinas. *La vie urbaine de Douai au Moyen âge*. Paris, 1913.4 — должна быть использована, чтобы получить идею о разнообразии мероприятий городского регулирования.
- ²⁰ Карта города Айра в 1188 году у L. A. Warnkoenig, *Flandrische Staats- und Rechtsgeschichte*, Tübingen, 1842, III, appendix, 22.

Глава VIII.

- ¹ V. an Werveke. *Comment les établissements religieux belges se procuraient-ils du vin au haut Moyen âge?* *Revue belge de philologie et d'histoire*, 1923. II, 643.
- ² R. Génestal. *Role des monastères comme établissements de crédit*. Paris, 1901.
- ³ H. Pirenne. *Les périodes de l'histoire sociale du capitalisme*. *Révue belge de philologie et d'histoire*. 1923. II, 269.
- ⁴ Ibidem, 281.
- ⁵ M. Stead. William Cade, a Financier of the XII c. *English Historical Review*, 1913. 209.
- ⁶ Guillaume le Breton. Philipidis *Monumenta Germaniae historica*, XXVI, 321

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	3
Глава I. Средиземное море	13
Глава II. Девятое столетие	24
Глава III. Происхождение городов	37
Глава IV. Оживление торговли	46
Глава V. Торговый класс	58
Глава VI. Средний класс	69
Глава VII. Муниципальные институты	86
Глава VIII. Города и европейская цивилизация	107
Примечания	119
